

М. Б. ЩУКИН

МАШИНА ВРЕМЕНИ
Э Л П Л Т В

Д 12617

М.Б.ЩУКИН

МАШИНА ВРЕМ
И ЛОПАТА

Кишинев «Штиница» 1991

ББК 63.4(2)

Щ 95

В популярной форме автор рассказывает о том, что такое археология, как работают археологи в поле и в кабинете, объясняет основные понятия и термины археологии, методические приемы работы. В книге показано, как на основе археологических исследований можно реконструировать некоторые исторические события, происходившие на территории Молдовы и на соседних землях с V века до н. э. по VI век н. э.

Для широкого круга читателей, в первую очередь старшеклассников и студентов.

Рисунки Бориса Короткевича

Обложка и оформление Василия Шишко

Щ 0504000000 – 142 45 – 91
М 755 (10) – 91

ISBN 5-376-00874-6

© М. Б. Щукин,
1991

© Художественное оформление
В. М. Шишко, 1991

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧТО ОБЩЕГО У МАШИНЫ ВРЕМЕНИ С ЛОПАТОЙ	5
АРХЕОЛОГИЯ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?	9
Археолог в разведке, или Охотники за черепками	10
Археолог на раскопе. Следствие начинается	18
Что такое камералка?	43
Археолог в кабинете. Следствие продолжается	50
ЧЕТЫРЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ПРОШЛОЕ	99
Путешествие первое. В страну гетов и скифов	100
Путешествие второе. В страну бастарнов	141
Путешествие третье. В страну сарматов	174
Путешествие четвертое. Загадки несостоявшейся народности	204
ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ	244
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	246

ЧТО ОБЩЕГО У МАШИНЫ ВРЕМЕНИ С ЛОПАТОЙ

С позиций современного уровня развития науки, ни вечный двигатель, ни движение во времени вспять принципиально невозможны. Машина времени – плод научной фантастики, и писатели-фантасты разрабатывают эту тему весьма активно. Вспомним хотя бы знаменитого героя Рэя Брэдбери, который, отправившись в машине времени на охоту в доисторические леса, случайно раздавил бабочку, а возвратившись, узнал, что его неосторожность привела к власти более жестокого человека. Цепочки причинно-следственных связей из нашего настоящего уходят в очень далекое прошлое. Можно привести и другие примеры, наверное, ни один крупный писатель-фантаст не обошел вниманием столь выигрышный сюжет, почти в каждом сборнике фантастики встретится один-два рассказа о машине времени.

Популярность ее не случайна. Есть, очевидно, у человечества такая естественная потребность – знать свое прошлое. Как и поэзия, эта „пресволочнейшая штука существует – и ни в зуб ногой“.

Мечтало человечество о ковче-самолете, и он воплотился в современном авиалайнере, грезило о магическом кристалле – и появился телевизор. Машина времени принципиально невозможна! Но как изменились принципы прежней науки в связи с разработкой квантовой механики, теории относительности и т. д. Кто знает, быть может, человечество найдет какие-то неожиданные способы проникновения в прошлое, при которых традиционные методы изучения истории будут выглядеть, как телега перед „мерседесом“. Человеку нужно было быстрее передвигаться и перевозить грузы, и он изобрел колесо. Была потребность в познании прошлого – возникла наука история.

„Отец истории“ Геродот жил в V веке до н. э., значит, науке этой уже около двух с половиной тысяч лет. В отличие от донаучного мифологического, эпического способа передачи сведений о прошлом, где реальность не отделяется от сказки, действительно происходившие события поэтизированы, героизированы и выглядят вымыслом, а вымысел воспринимается и автором, и слушателями или читателями как реальность (ярким примером служат „Одиссея“ и „Илиада“ Гомера), у Геродота в большинстве случаев указано, откуда он почерпнул те или иные сведения, что ему рассказали, что он прочитал, что видел сам, каким из этих сведений он доверяет, а каким – не очень. Современные историки называют такой подход критикой источников. Из сопоставления различных свидетельств рисуется более или менее цельная реальная картина прошлого и настоящего, точнее получается реконструкция этой картины. События выстраиваются в определенную последовательность, автор пытается найти причинно-следственные связи между ними. И нужно сказать, что со времен Геродота не так уж много принципиально нового внесено в методику изучения истории.

По сути дела, машиной времени человечество обладает издревле. Двигатель ее – все та же тяга к познанию прошлого, механизм – способность человеческого мозга к сопоставлению фактов и свидетельств, умение извлекать из двух данных третье. А этот человеческий дар превосходит любую машину. Компьютеры могут освоить и сохранить в своей памяти массу информации, но в способности делать умозаключения они человеческому мозгу пока уступают. Даже ЭВМ, запрограммированная на игру в шахматы, в состоянии играть с шахматистом средней руки, но с гроссмейстером тягаться не может.

Питанием, горючим нашей машины времени служит информация о прошлом. Хотите отправиться, скажем, в Молдову XV, XVI или XVIII веков? Пожалуйста. Нужно только заправиться информацией в достаточном количестве: посидеть в библиотеках, покопаться в каталогах и библиографических справочниках, выбрать литературу о Молдове того времени и соседних с ней землях, а также о Европе в целом и, конечно, прочитать ее. В книгах найдутся ссылки на других авторов, их тоже стоит прочитать.

Год – другой, и вы готовы к путешествию. Сначала покажется: долго, трудно. Но ведь, отправляясь в далекую экспедицию, и путешественники готовятся не день и не два. Прочитав же достаточное количество книг и статей, вы и не заметите, как попадете в желаемое время. Достаточно немного воображения, а в этом отношении человек тоже выгодно отличается от машины. Не все будет ясно видно, время от времени придется машину регулировать, дозаправлять, вновь обращаться к книгам, кое-что так и останется в темноте: далеко не все изучено историками.

Вас подстерегают опасности. Можно заблудиться в противоречиях разных авторов. Тут помогает посох путешественника во времени, который, как и всякий посох, имеет форму вопросительного знака. Задавайтесь вопросом, почему один автор думает так и так трактует события, а другой – иначе? Из чего они исходят? На какие источники опираются? В научной литературе ведь принято ссылаться на источники сведений, все равно – взяты они из работ другого автора или из документов. Проверьте эти ссылки. Иногда цепочка ссылок авторов друг на друга оказывается

длинной и срабатывает закон „испорченного телефона”. Нужно по цепочке дойти до первоисточника и, проведя следствие, найти звенья, вызвавшие искажения. Вам предстоит не простое, но увлекательное путешествие.

Но пока вы идете еще теми дорогами, по которым уже проходили историки. Если же вас влекут пути нехоженые, надо обратиться к первоисточникам: архивным документам, воспоминаниям современников, мемуарам, письмам, старым газетам и журналам и т. д. Это основная пища историков, из которой приходится выбирать крохи информации, относящейся к интересующему событию. Но чем дальше в глубь веков, тем уже круг источников, тем чаще историкам приходится прибегать к помощи археологии, позволяющей в той или иной мере восполнить недостаток знаний об эпохе. А затем наступает момент, когда письменные свидетельства вообще исчезают и целые тысячелетия в истории человечества можно изучать лишь по данным археологии.

„Археология – это история, вооруженная лопатой”, – говорил Артемий Васильевич Арциховский, один из виднейших советских археологов. Он прав и не прав. Действительно, археология существует ради реконструкции исторических событий. Как и история, она удовлетворяет тягу человечества к познанию прошлого. Обе науки служат одной музе – Клио. Но археология все же не история, точнее, не совсем история. У нее свой специфический круг источников: древние памятники, сохранившиеся в земле, своя методика их изучения, их понимания, интерпретации.

Отправляясь путешествовать в древние века, приходится черпать информацию из работ археологов, пользоваться их данными, переводить эти данные на язык общедоступный, исторический.

О том, как работают археологи, рассказывает первая часть этой книги. Во второй же приводятся некоторые примеры историко-археологических реконструкций разных эпох и тех событий, которые так или иначе задевали территорию современной Молдовы.

**АРХЕОЛОГИЯ:
ЧТО ЭТО
ТАКОЕ?**

АРХЕОЛОГ В РАЗВЕДКЕ, ИЛИ ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПКАМИ

Первый вопрос, который задают любопытные люди, пришедшие посмотреть раскопки: „А как вы узнали, что именно здесь нужно копать? Были какие-то документы, записи?“

Нет, не было. Только иногда и очень редко.

Как же все-таки узнать, где копать? Проще всего с такими памятниками, как курганы. Эти круглые земляные насыпи древних могил видны еще и сегодня. Вам они, наверное, тоже встречались. Иногда курганы бывают довольно большие, до нескольких метров высотой. Одиночные или несколько стоящих рядом, вытянувшихся в цепочку. Чаще всего этих немых свидетелей старины можно увидеть на водоразделах рек, но и в лесу иногда наткнешься на целое поле небольших круглых насыпей.

Сразу вспоминаются былины и былинные богатыри. Археологи, впрочем, знают, что большие курганы скорее всего много древнее былин, и насыпаны они или еще в эпоху бронзы – три-четыре тысячи лет тому назад, или в скифское время – в V–IV веках до н. э. Насыпи поменьше, чаще всего древнерусские, относятся к X–XIII векам, то есть, действительно, к былинным временам.

Каждый курган таит неведомое, каждый – загадка. И возникает в душе беспокойство: что там под ним? Над чьей могилой насыпан холм, что за люди его соорудили? Быть может, именно этот курган избежал разграбления и лежит под насыпью нетронутый грабителями скелет скифского вождя в роскошном золотом убранстве, вроде того, что можно увидеть в Особой кладовой Эрмитажа и в Музее исторических драгоценностей в Киеве.

Однако Бог с ним, с золотом, в археологии масса проблем, для разрешения которых важнее может оказаться какая-нибудь на первый взгляд совсем не примечательная пряжка или горшок. И никогда не знаешь, где и как такая вещь будет найдена. В археологии, как в азартнейшей игре в рулетку, невозможно угадать, на какой номер поставит, какой из них принесет сногшибательный выигрыш. Может принести любой.

Попробуйте вспомнить: при виде промелькнувшей в окне автобуса цепочки курганов (а их можно несколько раз увидеть, проезжая, скажем, по трассе Кишинев – Черновцы) у вас не возникало никаких эмоций? Не появлялось чувства сопричастности к прошлому? Представьте, ведь много веков назад тем же самым путем (а курганы часто насыпали именно вдоль дорог) скакали верхом жившие здесь люди. Быть может, они еще помнили похороненных в этих могилах людей или, как и вы, ничего о них не знали. Но курганов-то они не могли не замечать.

А сколько поколений прошло и проехало мимо: и рати русичей, собиравшихся в поход на Византию, и кочевник-печенег, въезжавший на вершину кургана, чтобы осмотреть окрестности, и молдаване-пастухи, гнавшие отары овец. Курганы видели все, они как нить, связывающая времена. И пусть язык древних скифов был мало похож на молдавский или русский (последних тогда просто-напросто не существовало), а про языки населения эпохи бронзы мы совсем ничего не знаем, все эти люди жили на той же земле, а значит, все они в той или иной степени – наши предки.

Но, к сожалению, курганов становится все меньше и меньше. Раскопки таких памятников – вещь трудоемкая, археологи сейчас явно не успевают раскопать их все. Это могли бы сделать следующие поколения. Но курганы исчезают, многие уже исчезли. Каждый год плуги все больше и больше растаскивают их насыпь. Через несколько лет останется едва заметное возвышение, уже не вызывающее никаких эмоций, только опытный глаз сможет различить его. А еще через несколько лет не станет видно и этого: лишь ровное поле предстанет в окне автобуса, и тайна уже никогда не будет раскрыта. А сокровища и горшки (ценность не меньшая, поскольку и в них сокрыта информация о прошлом) навсегда останутся под землей. Найти их уже никому не придется. Мы потеряем и ценности, и информацию о прошлом, и возможность переживать ощущение нераскрытой тайны кургана, чувствовать сопричастность к прошлому, далекому, загадочному и бесконечно интересному. Стоит ли та минимальная выгода от экономии горючего трактористом, прокладывающим прямую

борозду, а не объезжающим курган, и от лишних 20–30 квадратных метров поля утраты той частички духовности, которую мы теряем с исчезновением кургана?

Есть еще одна категория памятников древности, различных сегодня на поверхности. Это городища, остатки древних укрепленных поселений. Их земляные валы и рвы бывают иногда видны, хотя уже для распознавания их требуется определенный навык. Зачастую люди ходят по ним, не подозревая, что находятся на территории древнего поселения – города или крепости. И до слез обидно, когда видишь, как ковши экскаваторов, роя силосные ямы или выбирая грунт для строительства дороги и иных целей, вгрызаются в древние валы и в те остатки былой жизни, которые можно еще было обнаружить на площадке городища между валами. И кто знает, какие научные открытия и никем не замеченные материальные ценности легли в насыпь дороги и оказались навсегда утраченными. А ведь землю можно было брать и на соседнем мысу, где следов древнего поселения не было.

Однако мы до сих пор не ответили на поставленный в начале главы вопрос. С курганами или городищами более или менее ясно: они видны на поверхности. Но ведь в некоторые эпохи жили народы, которые хоронили мертвых, не насыпая курганов, не строили укрепленных поселений. Как найти их следы?

Кому из вас не доводилось бить посуду? Так было и в древности. А керамика – обожженная глина, сохраняется прекрасно. Любой сосуд непрочен, а черепки его вечны. Ничего им не делается. „Где бьется, там и живется”, – гласит пословица. Вот исходя из этого принципа археологи и ищут места древних поселений. Легче всего их следы можно обнаружить на свежей вспашке, поэтому археологи появляются в поле вместе с грачами – ранней весной или поздней осенью. Летом на заросших полях найти что-либо трудно.

Итак, хотите отправиться в прошлое – выходите на свежую пашню и подбирайте черепки. Если они попадают часто, значит вы на древнем поселении. Будут встречаться и другие следы жизни: кости животных, угольки, глядишь, и еще что-нибудь –

бусинки, какие-нибудь обломки бытовых изделий из железа, бронзы, глины, кости, то есть все, что и у нас всегда валяется в мусоре, но больше всего черепков, они сохраняются лучше.

А посуду каждый народ в разные эпохи делал свою. Одни знали гончарную керамику, изготавливали ее на гончарном круге, обжигали в специальных печах, другие лепили сосуды вручную, обжигали в обычной печке, на очаге или просто на костре. Лепной черепок всегда можно отличить от гончарного, более звонкого и прочного, на внутренней стороне которого остались небольшие бороздки – следы работы на круге.

Чтобы получить хорошую посуду, не трескающуюся при обжиге и не пропускающую воду, добавляют различные отошающие ее примеси. Одни кладут песок, другие – толченый кварц, пережженный гранит (дресву) или кремень, третьи – толченые в крошку черепки уже обожженных сосудов (шамот), четвертые – навоз или какие-то растительные примеси, которые, выгорая, оставляют на поверхности сосуда характерные мелкие углубления. Некоторые народы уделяли обработке поверхности сосудов больше внимания: покрывали ее различными орнаментами, ложили, то есть перед обжигом уже подсохший сосуд тщательно заглаживали кусочками кремня или кости, в результате чего получалась блестящая красная, черная или серая поверхность. Иногда посуду специально закопчивали, а потом ложили, что давало черную блестящую поверхность, или обваривали в каком-нибудь растворе, например, в отваре капустного листа. Приемов много. Другие народы о внешнем облике посуды заботились мало, дополнительной обработке сосуда не подвергали и никак не украшали.

Цвет посуды зависит и от способа обжига. Если обжигать на открытом огне, чаще всего получается керамика красноватых и желтых оттенков, а если в закрытом пространстве, без доступа воздуха, то серая. Покажите археологу любое число черепков, он всегда скажет, на то он и специалист, кто и когда делал эту посуду. Вот желтые или красноватые черепки с примесью песка или без видимых примесей, изготовленные из хорошо отмученного, смешанного глиняного теста, но обожженные слабо,

с мажущейся поверхностью. Это посуда принадлежала людям так называемой трипольской культуры, жившим на территории Украины и Молдовы еще в IV–III тысячелетиях до н. э., в эпоху энеолита. Из металлов они знали лишь самородную медь, пользовались кремневыми орудиями, которые тоже можно найти на поселении. Но керамику люди трипольской культуры делали очень тщательно, украшали ее великолепной черно-желтой или многоцветной росписью. Впрочем, на черепках, поднятых на поле, вы вряд ли ее обнаружите: при вспашке они терлись о землю, их промывали дожди. Керамика, найденная при раскопках, залегавшая глубже, лучше сохранилась. На ней роспись бывает видна.

А вот если при разведках попадаются плотные коричневые или красноватые черепки больших сосудов и на некоторых из них заметны наlepные валики с вдавлениями пальцев, то это скорее всего свидетели скифской эпохи – V–IV веков до н. э., и принадлежали они скифам или их соседям – гетам. На землях Молдовы жили те и другие.

Серые блестящие лощеные гончарные сосуды (миски, горшки, кувшины), иногда орнаментированные пролощенными же линиями и зигзагами, изготавливали черняховские племена, обитавшие здесь в III–IV веках н. э.

Если же попадаются черепки грубых лепных горшков с примесью шамота в тесте, без дополнительной обработки и орнаментации, то их сделали скорее всего славяне, появившиеся в Молдове в VI–VII веках. Позднее, в древнерусское время, славяне освоили гончарный круг, на горшках появилась и орнаментация: небрежно нанесенные волнистые линии или горизонтальные полоски. По тому как оформлен верхний край сосудов (венчик), археолог, специалист по древнерусской эпохе, скажет вам, какие из них относятся к X веку, а какие – к XI или XII–XIII векам.

Да, это хорошо, когда по большому количеству обломков керамики можно найти поселение. А как же обнаружить бескурганые, или так называемые грунтовые, могильники. Никаких видимых признаков на поверхности нет, поэтому все дело здесь в случае. Чаще всего их неожиданно находят неспециалисты: при

рытье ям, траншей, колодцев и т. д. натываются на скелет или горшок с пережженными костями. К сожалению, далеко не всегда нашедшие сообщают о своей находке, они выбрасывают и ломают попавшиеся им вещи, посуду. Хорошо, если найдется местный краевед-любитель и сохранит что-нибудь, сообщит в ближайший музей, в отдел культуры местного исполкома.

Каждый год весной и осенью археологи выходят на охоту за черепками, ищут места древних поселений. Как же организуются разведки? Обычно выезжают четыре-восемь человек и планомерно обследуют течение какой-нибудь речки или долину. Две группы или идут по обоим берегам по плато, вёрхом, где могут быть городища, курганы, гетские, скифские, древнерусские поселения, или исследуют склоны долины, особенно южный, где можно найти поселения трипольцев и черняховцев, или движутся по пойме, по дну долины, где скорее всего обнаружат стоянки эпохи неолита и поселения древних славян.

Впрочем, в каждом районе свои особенности, своя специфика. Для поиска нужен и опыт, и некий особый, как у грибников, нюх. Одни обладают этой способностью в большей степени, другие – в меньшей. В Молдове и на Украине, правда, вернуться из разведки с пустыми руками трудно. Эти благодатные земли во все времена были заселены достаточно плотно. На каждые два-три километра маршрута обязательно приходится несколько памятников.

Тащить на себе палатку, спальные мешки и все собранные черепки, конечно, тяжело. Поэтому чаще археологи выезжают на разведки автомашиной. Утром намечается по карте путь каждой группы, назначаются пункт и время встречи. Машина уходит вперед, а группы налегке двигаются каждая своим маршрутом.

Обнаружив место поселения, археолог обязан собрать коллекцию керамики, определить по тому, где попадаете керамика, а где – нет, размеры поселения. Подробно описать местоположение и находки, привязать местонахождение к каким-нибудь заметным ориентирам, составить глазомерный план местности, сфотографировать. Короче, сделать все, чтобы любой другой человек, пользуясь его заметками, мог легко вновь найти это место. Дело в том, что в разведке археолог работает не только на себя, но и на своих коллег. В археологии, как и любой современной науке, существует узкая специализация, каждый занимается по преимуществу какой-нибудь одной эпохой. А в разведке попадают памятники разновременные и фиксировать нужно все. Эгоизма здесь быть не может.

Все черепки, собранные на одном поселении, укладываются в отдельный мешочек или пакет, туда же вкладывается этикетка с надписью, где и когда они были найдены. Памятнику обычно дается название по близлежащему селу, если вокруг села несколько памятников, то добавляется номер. Опять же сделать нужно все, чтобы любой другой археолог мог разобраться с этими находками. Материал без этикетки, без указания места обнаружения, увы, для науки утрачен, и вся проделанная работа смысла уже не имеет.

Поэтому каждый археолог-разведчик обязательно еще ведет дневник, в котором описываются маршрут, обнаруженные памятники, рисуются планы поселений, наиболее выразительные находки, записываются беседы с местными жителями, обязательно с указанием фамилии и имени рассказчика, его адреса, чтобы при случае и другие могли к нему обратиться. Дневник – основной документ, главная ценность экспедиции, записи в нем должны быть четкими, понятными. Беречь его нужно как зеницу ока, держать в целлофановом пакете, чтобы он не подмок в дождь или при переправе через речку.

Иногда поверхностных сборов оказывается недостаточно, попадают все маловыразительные черепки. Нужно выяснить, насколько вспашка уже разрушила культурный слой, то есть прослойку грунта, содержащую остатки прежней жизни – черепки, угольки, золу, кости или, короче, тот слой грязи и мусора, который человек после себя всегда оставляет. Иногда этот слой выделяется более темной полоской в обрыве берега, в стенках какой-нибудь канавы, траншеи или ямы, выкопанной для каких-либо современных нужд. Тогда достаточно почистить стенки этой ямы лопатой, сделать вертикальный срез, и слой будет заметен, выяснится его мощность. А чем дольше жили люди на этом месте, тем более мощный слой они оставили. Он может быть от нескольких сантиметров до нескольких метров, иногда, правда, бывает незаметен совсем.

Если же поблизости нет ни ямы, ни канавы, ни обрыва, приходится копать шурф размером 1X1 или 0,5X0,5 м. Шурф копается до материка, то есть до того слоя глины, песка или суглинка, который уж явно не затронут ни деятельностью человека, ни процессом почвообразования.

Но вот археологи вернулись из разведки, черепки помыли, разложили на лотки. В большинстве случаев определить их время и культурную принадлежность для опытного археолога несложно,

хотя иногда возникают и затруднения. То в одном пункте какая-то непонятная керамика, то в другом. Далеко не все черепки определяются с очевидностью. Начинается период консультаций, консилиумов. Со стороны, наверное, бывает забавно смотреть, как, собравшись вокруг лотков, археологи задумчиво раскладывают черепки на кучки, щупают, взвешивают в руке, чуть ли не пробуют на зуб, лица сосредоточенные, потусторонние.

Получив от специалистов консультации, можно садиться писать отчет. Там будут карта маршрута, на которую лягут значки обнаруженных памятников – поселений, городищ, курганов, описание каждого пункта, его план, фотографии, рисунки и фотографии наиболее выразительных черепков и других находок. Отчет попадает в архив, собранные материалы – в фонды, где их всегда сможет посмотреть любой археолог, местный или приезжий.

Впрочем, разведки нужны не только для того, чтобы выбрать место будущих раскопок, они важны сами по себе. Сведя вместе карты многолетних разведок, можно получить картину расселения людей в интересующую нас эпоху, сделать кое-какие выводы о численности населения, густоте поселений в разных районах и привязанности их жителей к тем или другим почвам, ландшафтам, а следовательно, узнать, чем занимались народы, населявшие данный регион.

Картографирование памятников – один из основных методов уже научной, кабинетной работы археолога, а здесь результаты разведок чрезвычайно важны.

АРХЕОЛОГ НА РАСКОПЕ. СЛЕДСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Итак, памятник для раскопок выбран. Допустим, это поселение черняховской культуры. Почему именно оно, а не другое? Тут действует целый комплекс самых разнообразных причин. Прежде всего, конечно, соображения научного порядка. Исследователь ждет от данного памятника чего-то нового, в подъемном мате-

риале и шурфах было нечто особенно интересное. Скажем, наряду с обычной черняховской керамикой попадалась какая-то другая, незнакомая. Или культурный слой насыщен угольками, что указывает на явные следы пожара. А если поселение погибло в пожаре, да еще при нападении врагов, – это для археолога большая удача. Значит, люди не просто покинули поселение, а бежали, и в развалинах домов остались вещи, можно ожидать богатых находок.

Часто за раскопки поселения, даже не обещающего ничего из ряда вон выходящего, нужно браться потому, что ему угрожает разрушение. Собираются здесь что-то строить, проводить дорогу, канал или думают распахать под виноградник, под лесопосадку, а глубокая плантажная вспашка неизбежно разрушит поселение. Его нужно спасти пока не поздно.

При прочих равных обстоятельствах определенную роль в выборе памятника для раскопок играют, естественно, и бытовые условия: есть ли поблизости место для лагеря, чистая вода, дорога, дрова для костра, печки или возможность доставки баллонов с газом? Обычно заранее интересует, можно ли будет найти в ближайших селах рабочих-землекопов? Как правило, на раскопках в качестве таковых работают школьники 7–10-х классов. Других землекопов летом, в страду найти трудно, тем более что

Но вот вы прибыли на место, кое-как решили первые бытовые проблемы. Лагерь оборудуется, ставятся палатки, устраивается кухня, сооружаются длинный стол под навесом для столовой, палатка со столом для камеральных работ: здесь будут трудиться чертежники, разбираться находки, составляться их опись.

Вышли на место раскопок. Где начать? Где разбить раскоп? Черняховские поселения, как правило, большие. Находки черепков тянутся иногда по полю до 1,5 км. Желательно все-таки попасть на такое место, где обнаружатся остатки древних жилищ или каких-то хозяйственных сооружений. А то попадешь на древний пустырь, интересного будет мало.

Может, начать там, где больше всего черепков, где их скопления? Очевидно. Но не обязательно это будет самым удачным. Раз много черепков, значит слой сильно разрушен вспашкой. Тут уже дело интуиции, удачливости, везучести. Повезет – не повезет. Можно просто глаза зажмурить и бросить лопату. Куда упадет, там и будет твое счастье, твоя судьба. Как в сказке про царевну лягушку.

Нет ли все-таки каких-нибудь более объективных способов смотреть сквозь землю, заранее предвидеть, что там под верхним слоем почвы? Кое-какие есть. Иногда подсказывает растительность, если поверхность задернована. Была в древности построена землянка или яма-погреб, заполнилась она потом более рыхлым слоем с культурными остатками, затем слоем почвы-чернозема. Растительность в этом месте будет чуть гуще, зеленее. И наоборот, лежат под верхним слоем развалины наземного глинобитного жилища, куски глины – трава будет расти хуже. Так, более темные или более светлые пятна на поверхности могут что-то подсказать, хотя заметны они слабо, скорее, угадываются, чем видны.

Есть и другие способы. С помощью специальных приборов измеряется электропроводимость почвы или электромагнитное поле. По полученным данным вычерчиваются кривые, соединяющие точки с одинаковыми показателями. Если приборы „замечают“ какие-то аномалии, значит в этих местах есть или яма, или скопления каких-то крупных предметов, камней. Опять подсказка.

Есть еще способ, названный красивым научным словом „биолокация“, хотя о научности его говорить пока не приходится, это, скорее, из серии „необъяснимых явлений“. Берет человек в руки две согнутые в виде буквы „Г“ проволочки, сосредоточивается и идет, медленно ступая босыми ногами по исследуемому участку. И вдруг проволочки в его руках резко поворачиваются, сходятся, отмечая границу „аномалии“. В чем тут дело – не понятно, но иногда это срабатывает. Не всегда и не у всех. Способ, впрочем, старый, так раньше при помощи ивовых или ореховых прутьев искали воду, место для колодца.

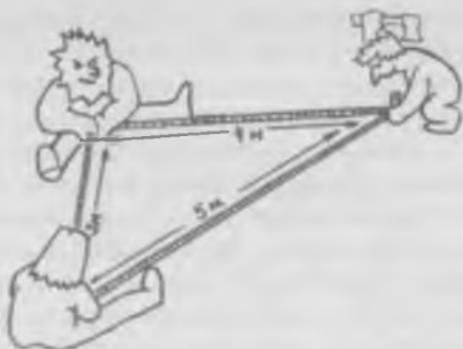
Так что способов смотреть сквозь землю много, нет только надежных, и в подавляющем числе случаев, начиная раскопки, археологи рассчитывают на интуицию и удачливость.

Работа археолога напоминает немного работу детектива, каждый из нас чуть-чуть Шерлок Холмс. Что такое раскопки? Это не что иное, как обследование места преступления, и каждая

экспедиция работает как выездная бригада экспертов. Все должно быть зафиксировано и записано с предельной точностью и объективностью. Любая мелочь – сдвинутый с места стул, окурок, пятно на полу, как известно из детективных романов и фильмов, могут оказаться уликой, следом, ведущим к раскрытию преступления. Так и в археологии. В момент раскопок мы еще не знаем, что окажется важным, а что – нет. А важным в ходе дальнейшего расследования может оказаться все – местонахождение черепка, камня, их положение, глубина обнаружения, следы угольков, древесного тлена, прожженности грунта и тысячи других мелочей. Любые вещи, по идее, должны лежать там, где были и как были, во всяком случае, их местоположение должно быть точно зафиксировано на фотографии и на плане. Что-то пропустишь, не отметишь, не запишешь, а потом будешь жалеть, восстановить всю картину „преступления” без каких-то деталей уже будет сложно.

Чтобы осуществить точную фиксацию находок, начинать приходится с разбивки единой сетки квадратов, которая будет сохраняться все время, пока идут работы, даже если они будут продолжаться не один сезон. При разметке раскопа линии квадратов желательно ориентировать по странам света по компасу. Трассировка квадратов на поверхности делается извечными дедовскими методами, знакомыми еще древним египтянам. Прямая

линия пробивается при помощи трех кольев: если за двумя не виден третий, значит, все стоит „в створе“, находятся на одной прямой. Протягиваем шнур и отмечаем на нем по рулетке каждые два метра, втыкаем колышки сантиметров 20–30 высотой. Провести к этой прямой перпендикуляры, получить прямые углы из каждой точки можно опять-таки издревле известным способом, с помощью „египетского треугольника“, то есть треугольника со сторонами в 3, 4 и 5 одинаковых отрезков (мы, естественно, по привычке пользуемся метровыми), который имеет прямой угол. Получается сетка квадратов 2X2 м, каждому из которых присваивается номер и выделяется место в системе координат: по одной линии квадраты обозначены буквами по алфавиту, по другой, перпендикулярной первой, – цифрами. Хорошо, конечно, по краям раскопа поставить таблички с соответствующими обозначениями. Впрочем, видел я такой порядок только один раз, у латвийских археологов. Дощечки с буквами – голубые, с цифрами – желтые. Красиво. Сделано все с таким расчетом, чтобы можно было их видеть и с другого конца раскопа. Удобно. Очень облегчает работу и чертежников, и лаборантов, собирающих в конце каждого дня находки, и специалиста, ведущего дневник.

Да, нужно не забыть сразу же протрассировать и бровки. Это такие полосы земли шириной в 30–40 см, которые пересекают весь раскоп вдоль и поперек через каждые 6–8 м. Они не вскапы-

ваются. Остаются для контроля. По мере углубления раскопа превратятся в длинные стенки. Бровка входит в квадрат. Зачем они нужны? По ним будет изучаться стратиграфия поселения, то есть напластования грунта. Стенки эти должны быть идеально вертикальными и ровными, их боковая поверхность тщательно зачищается тонкими срезами лопатой. Тогда на свежезачищенной поверхности бровки бывает видно, где закончился пахотный слой, где – слой чернозема, где появился слой материковой земли, как залегает культурный слой, как располагаются разного рода перекопы и ямы, через которые прошла бровка. В этих вертикальных разрезах часто бывает заметно то, чего не разглядишь на плоскости.

Сетка из шнуров, конечно, хороша, но о них постоянно будут спотыкаться, выдергивая колышки, люди. Ее приходится снимать предварительно, если есть возможность (а она бывает лишь на задернованной поверхности), протрассировав линии мелкими канавками, глубиной 2 см. Если же такой возможности нет, шнуры придется протягивать каждый раз, когда начинается вскрытие новых квадратов, иначе они могут получиться неровными.

Культура раскопок в том и заключается, чтобы все линии были ровными, по шнуру, все стеночки – строго вертикальными, все углы – прямыми. Между краем раскопа и отвалом земли должна быть дорожка в 30–40 см, чтобы земля в раскоп не сыпалась, и травка на ней должна зеленеть, не засыпаться. Лишний „мартышкин“ труд? Может быть, но это показатели класса работы, уважения к своему делу. Ведь именно аккуратность, ровность строчек и швов без морщинок и зажимов отличают костюм от Кардена от тех, что сшиты на наших фабриках.

Увы, не всегда получается так, как хотелось бы. Рабочих мало, требовать от них многого за их зарплату тоже нельзя, сроки начинают поджимать. Да и в нашем характере есть такая черта, делать все кое-как, абы как. Бороться, очевидно, нужно с этим в себе.

И вот наступил торжественный момент. Рабочие встали по одному-два на квадрат по краям раскопа, лаборанты положили

около каждого квадрата по листу оберточной бумаги, надписали на них соответствующий номер (сюда будут складываться находки, в конце дня их заберут и отнесут в лагерь), полетели первые комья земли, операция по вскрытию началась.

Прокопав раскоп на первый штык, выбросили землю, собрали в пакеты первые находки, черепки. Их количество на том или ином квадрате может быть сигналом о лежащих ниже объектах. Теперь по всей вскрытой площадке делается подчистка, тонкими горизонтальными срезами выглаживается, „вылизывается“ вся поверхность. Пока ничего еще не видно, но в одной части раскопа, глядишь, вроде бы рассыпаны мелкие крошки рыжей глины, а в другой – земля кажется чуть темнее и черепков в этих квадратах чуть больше. В дальнейшем здесь нужно быть внимательнее и осторожнее. Однако пока ничего не ясно.

Пошли по всему раскопу на второй штык. Теперь внимание. На лопату берется земли поменьше, срезы делаются тоньше. Ага, вот в том месте, где была рыжая крошка, появились куски оранжевой глины уже покрупнее. В рыжую глину не врезаться, копать только до нее! А вот в другом месте лопата стала наткаться на камни. Не выковыривать их! Оставить на месте! Обойти. К концу второго штыка земля на всем раскопе посветлела, слой чернозема вроде бы снят, и только в том месте, где и на первой подчистке грунт был чуть потемнее и помягче, темнота сохраняется.

Не надо углубляться, дно раскопа должно быть по-прежнему горизонтальным. Теперь опять подчистка тонюсенькими срезами, да так, чтобы крошки земли не засыпали зачищенную поверхность. Сапогами не топтаться! И побыстрее выровняйте, чтобы земля подсыхала равномерно! Кто ходит по раскопу в кедах и „протекторами” наследил! Зачистить здесь еще раз! Следов лопаты тоже не должно быть видно!

Зачем все это? Что же мы ищем? А ищем мы ямы, дырки. Дырка – самая прочная вещь на свете. Оно и понятно. Вырыли в древности для каких-то целей яму или вкопали столб. Потом люди с этого места ушли, столб сгнил, яма заполнилась окружающей землей, ветры нанесли пыль, дожди замыли. Но затекла туда и земля из культурного слоя, слоя грязи и мусора. Это заполнение темнее того грунта, в котором яма была вырыта. Заполнение ямы от столба из-за сгнившего дерева тоже окажется темнее. При зачистке поверхности на свежем срезе эти темные пятна оказываются заметными.

Теперь настала пора чертежников. Пока не засохла земля, пока видны пятна, нужно быстро нанести их на план раскопа, как и скопления комьев с включениями рыжей глины-обмазки и скопление камней. Заодно поправить сетку раскопа: пока копали, колышки кое-где сместились. Иначе фиксация будет неточной. План чертится на миллиметровке, поэтому дело не очень хитрое: перенести на чертеж все контуры пятен, очертания развалов обмазки в масштабе 1:20, а некоторые детали, например очаги, развалы сосудов – еще и в 1:10. Не забыть сразу же нанести на планы номера квадратов, стрелку, указывающую на север, и подписать каждый чертеж: название экспедиции, год раскопок, наименование поселения, номер сооружения, если их на раскопе несколько, масштаб, дату. На каждый штык вскрытой площади должен быть план.

Сразу же нужно с помощью нивелира зафиксировать все глубины: верх и низ скопления обмазки в нескольких точках, глубину дна раскопа на колышках, а иногда и между ними. Данные нивелировки проставить на плане. Нивелир, этот нехитрый прибор –

трубка да пара стеклышек, все показывающий вверх ногами, всегда должен быть на раскопе. Через риски на стеклышке надо поймать цифры на полосатой рейке, установленной нулем на нужную точку, тогда станет известно, на какой глубине она находится. Но сегодня тренога с прибором встала так, завтра – иначе, сегодня нивелир находится в одном месте, завтра – в другом, потому что отвалы мешают видеть. Измерения же нужно, естественно, делать от одной точки отсчета. Этот условный „0” устанавливают с самого начала раскопок, забивают там колышек посOLIDнев, чтобы не сковырнули его ненароком. Прежде всего рейку ставят на этот „0”, а потом при каждом измерении разницу отбрасывают. Так что быстро считать в уме археологу тоже нужно уметь.

Нулевой колышек – штука важная. Представьте себе, что кто-нибудь его выдернет и выбросит или собьет нечаянно. Как потом работать? Все дальнейшие расчеты пойдут насмарку. Поэтому хорошо иметь и пару запасных колышков, разница которых с „0” измерена была вначале, еще при разбивке раскопа.

Но вот первые контуры легли на листы миллиметровки, глубины замерены. Что дальше? Теперь в дело пойдут ножи, кисти, совки. Землю выковыриваем, куски рыжей глины-обмазки и камни оставляем, черепки, естественно, тоже. Пройдет некоторое время, работа эта, нужно сказать, занудливая и кропотливая, и перед нами возникнут развалины некогда стоявшего здесь глинобитного дома, сгоревшего и рухнувшего. В обгоревших кусках глины видны то тут, то там отпечатки прутьев – стены были из плетня, обмазанного глиной.

Такие наземные дома у черняховцев бывают достаточно большие, метров 10, а то и 20 в длину и 4–5 м шириной. Пока развал выглядит бесформенным, но общие контуры его уже ясны.

Бывает, что часть развала уходит в стенку раскопа, а над ней возвышается отвал – гора уже выкинутой из раскопа земли. Что поделаешь, нужно отвал отодвигать, расчищать место для прирезки новых квадратов.

Объявляется общий аврал. Пыль стоит столбом. Кто взбирается на самый верх земляной кучи и оттуда сбрасывает землю, кто подгрызает ее сбоку и снизу, так чтобы земля осыпалась на лопату. Несколько часов совместной ожесточенной работы, и гора переместилась на 4, а то и на 6 м. Разбиваются новые квадраты, опять трассируются шнурами.

Чтобы земля не засыпала уже расчищенную часть, ее прикрывают листами плотной оберточной бумаги, между новыми квадратами и старыми оставляют небольшую стенку-бровку с той же целью – не засыпать, не портить расчищенное. Стенку можно будет убрать в последний момент, когда и в новых квадратах дойдем до уровня обмазки.

Дошли, расчистили развал обмазки полностью, убрав часть рухнувших кусков. Можно выявить пол. Но только после того, как все нанесено на план, сфотографировано.

С фотографией тоже проблема. Большой дом никак не хочет влезать в кадр. Забираешься на отвал, благо он теперь как гора. Все равно не вмещается. Сядишь на плечи кому-нибудь из ребят повыше. Не получается. Откуда-то притаскивают лестницу, несколько человек ее держат, балансируешь на ее верхушке. Наконец, все помещается, снимаешь одним аппаратом, вторым, третьим: один с широкой пленкой, другой – дубль – с узкой, третий – слайд. Предварительно на снимаемый объект так, чтобы попали в угол кадра, укладываются этикетка с названием памятника, годом раскопок, номером постройки (их на раскопе может быть несколько) и стрелка, установленная по компасу и указывающая на север, а также метровая рейка для масштаба. Все это нужно, чтобы потом не запутаться самому в фотографиях и не ввести в заблуждение коллег, пользующихся твоим отчетом о раскопках.

Эту процедуру приходится повторять несколько раз по мере того, как идет расчистка. Но вот под кусками обмазки уже на полу жилища или рядом, под завалившейся стенкой, виден развал сосуда или нескольких разбитых, раздавленных. Но черепки лежат вместе, их можно будет склеить, в другом углу жилища оказалось скопление глиняных пирамидок высотой 20–30 см с отверстием в верхней части. Это грузила вертикального ткацкого станка, оттягивавшие нити основы. От деревянных частей и ткани не осталось и следа, а грузила стоят, как стояли две с половиной тысячи лет тому назад. А в противоположной части дома на полу заметны остатки очага – небольшая площадка прожженной глины с невысоким бортиком. Все такие детали, естественно, фиксируются не только на общем плане постройки, но и отдельно, в более крупном масштабе. И, конечно, фотографируются.

А как же с находками? Дело в том, что кроме керамики их может не оказаться. Хотя почти наверняка будут обнаружены пряслица – небольшие глиняные диски с дырочкой, их надевали на веретено; могут оказаться в доме железный ножичек, иголка, еще какая-нибудь мелочь. Если же попадается обломок стеклянного кубка, бусина стеклянная или сердоликовая, бронзовая пряжка, обломок костяного гребня или застежка плаща – фибула, это уже большое счастье.

Пока расчищали остатки наземного большого жилища, на соседних квадратах раскопа тоже шла работа. Там при зачистке были выявлены более темные пятна. Вот под этим круглым, метр полтора в диаметре, скорее всего окажется хозяйственная яма погреб. А вот это большое, прямоугольное, 3X4 м, вероятно заглибление вырытой в древности землянки. А тут серия небольших ямок от столбов. Иногда все эти пятна видны хорошо, чаще не очень. Тогда начинаются дебаты. Каждый видит пятно особой конфигурации. Один обнаружил пять столбовых ямок, другой только одну. Да еще следы старых кротовых, сусличьих и мышиных нор и ходов с толку сбивают. В них ведь тоже земля более темная. Для человека неопытного вообще все странно, он ничего не видит. Археологи же ходят вокруг раскопа и так посмотрят и этак, с одной стороны, с другой. Тут дополнительно подчистят там подправят. Кто-то ножом потыкает в предполагаемую ямку и рядом – не ощущается ли разницы. Другой пытается то же самое почувствовать босыми пятками.

Действительно, археолог должен обладать совершенно особым чувством земли, уметь ее видеть. Это приходит с опытом. Как художник различает до 40 оттенков черного цвета, там где профан видит один, так и археолог обостренно должен воспринимать оттенки грунта, чувствовать их, хотя ни тот, ни другой не могут толком на словах объяснить, в чем разница. Иногда пятна бывают лучше видны с утра, по росе, иногда – сразу по подчистке, а иногда – через час-два, а то и через несколько дней отстоятся. В чем тут секрет, не совсем понятно. Какие-то специфические свойства почвы.

То же шестое или уже седьмое „чувство земли“ не в меньшей степени понадобится, когда начнется выборка заполнения. Где еще заполнение, а где уже стенка, пол? Иногда они различимы по едва заметным признакам. А тут требуется осторожность. Раз-два копнул лишнее и „зарезал“, обратно не приклеишь.

Как выбирать заполнение ям? Ножом и совком, понемногу. Опытный человек может выбирать поначалу в средней части и лопатой, небольшими срезами, но искать стенки и пол нужно

обязательно ножом. Работа эта тоже довольно тяжелая: сидишь весь день на корточках, уткнувшись носом в землю, внимание напряжено, ответственность большая – не „зарезать” бы.

Проще и интереснее, если при разборке выйдешь на какой-нибудь крупный предмет – на развал черепков целого сосуда, на остатки очага или печки-каменки. Мелкие кусочки земли легко откалываются от более плотной керамики, камня. Эти кусочки сметаешь кистью, сдуваешь, и постепенно все больше и больше обнажается расчищаемый объект. Вот один крупный черепок, под ним другой, его перекрывает третий. А вот и полукруг венчика, а там – обломок доньшка сосуда. Лежит голубчик. Раздавлен нещадно, но склеить будет можно.

†

Если заполнение ямки от столба выбирается совком сразу, то заполнение землянки или большой хозяйственной ямы не следует разбирать сразу по всей поверхности, лучше начать с половины или даже четверти площади. Тогда на оставшихся стенках, в разрезе, можно будет увидеть прослойки земли, которые подскажут, как происходило заполнение ямы, где затекал один слой, где другой, где следы рухнувшей крыши. Заметно это, правда, далеко не всегда, слой так промылся дождями, перемешался кротами и червями, что выглядит однородным. Но если повезет и прослойки сохранились, картину разрушения удастся представить, реконструировать мысленно. Выбирать заполнение можно двумя

способами: небольшими горизонтальными срезами по всей поверхности разбираемого сектора землянки, постепенно углубляясь, или, наоборот, сначала в центре дойти до пола, нащупать его и потом небольшими вертикальными срезами двигаться к стенкам жилища. Можно так и так. Кому как удобнее.

Очень важно следить за положением каждого черепка каждой находки. Обязательно нужно отличать те вещи, которые находились на полу жилища, от тех, которые найдены в заполнении. Ведь последние попали туда позже, когда землянка уже была покинута обитателями. Черепки эти были или занесены с улицы при замывах дождями, или брошены сюда людьми, жившими на поселении после разрушения жилища. До наших дней население готово использовать любую яму в качестве помойной. Возможно, они попали с рухнувшей крыши, которая была покрыта дерном или засыпана землей, бравшейся древними людьми ту же, из своего культурного слоя. Следовательно, эти находки в заполнении прямого отношения к жителям землянки не имеют, те ими не пользовались. Они были в употреблении до или после оставления жилища, может быть, всего на 5–10 лет, но тем не менее. Черепки в заполнении чаще находят, лежащими на ребре наискосок, а на полу – плоскостью. Находки с пола и из заполнения нужно обязательно упаковывать отдельно, не смешивать. Впрочем, мелкие находки с пола тоже не всегда достоверны. Ведь почва живет, дышит. Земля постоянно перемешивается кошками, кротами, червями. Мелкие вещи постепенно опускаются на дно. Вот если на полу окажется развал целого сосуда, это уже более достоверно, можно поверить, что его оставили обитатели жилища.

Иногда отсутствие точной фиксации положения черепков в жилище рождает научные коллизии. Один пример. В Львовской и Хмельницкой областях есть группа поселений черняховской культуры, в которых в отличие от молдавских не обнаружены наземных глинобитных домов – только землянки, причем тогдашние, отличающиеся от найденных в других регионах. Они более правильной квадратной формы, не выявлены столбы, поддерживающие

ие крышу (стены были, очевидно, сложены в виде деревянного
руба). в углу находились каменные печки. Такая форма жилища
печей характерна для культуры славян VI–VII веков. По всем
меющимся данным черняховская культура прекратила свое
уществование в конце IV – начале V века н. э. На поселениях же
львовской и Хмельницкой областей сочетаются гончарная чер-
няховская керамика и лепная, очень похожая на раннеславян-
скую. Исследователи таких памятников полагают, что им удалось
поймать тот самый момент, когда носители черняховской куль-
туры постепенно перестали производить гончарную керамику
и перешли только к лепной, то есть стали по культуре славянами.
Отсюда следует два вывода: во-первых, славянская культура
сложилась уже в первой половине V века, а, во-вторых, носители
черняховской культуры – тоже славяне. Что ж, такое вполне
возможно. Случаи, когда народ меняет свою, так сказать, внеш-
нюю культуру, то есть набор вещей, которыми он пользуется,
сохраняя при этом язык и культуру духовную, известны. Однако
скептики выражают сомнение в правомерности применения
такой модели событий к данному случаю, поскольку при раскоп-
ках черняховские и славянские черепки из жилищ не были раз-
делены на найденные на полу и в заполнении. А значит, возможен
другой вариант: сначала существовало черняховское поселение,
затем через некоторое время пришли славяне, вырыли свои
землянки с печами-каменками, а когда ушли, оставленные
землянки заполнились черняховским слоем. Вот все и смеша-
лось. В пользу такого хода событий говорит, в частности, тот
факт, что славянские горшки сохранились более или менее
полно, среди них есть склеившиеся сосуды, а черняховская кера-
мика представлена лишь обломками, ни одного целого сосуда.
Следовательно, и проблему происхождения славянской культуры
нужно решать как-то иначе. Она, очевидно, не развивалась из чер-
няховской на территории современных Львовской и Хмельницкой
областей, а сложилась в другом месте. Кто же прав? Видимо,
пока не будут раскопаны новые аналогичные поселения, но уже
с точной фиксацией находок, вопрос останется открытым.

способами: небольшими горизонтальными срезами по всей поверхности разбираемого сектора землянки, постепенно углубляясь, или, наоборот, сначала в центре дойти до пола, нащупать его и потом небольшими вертикальными срезами двигаться к стенкам жилища. Можно так и так. Кому как удобнее.

Очень важно следить за положением каждого черепка, каждой находки. Обязательно нужно отличать те вещи, которые находились на полу жилища, от тех, которые найдены в заполнении. Ведь последние попали туда позже, когда землянка уже была покинута обитателями. Черепки эти были или занесены с улицы при замывах дождями, или брошены сюда людьми, жившими на поселении после разрушения жилища. До наших дней население готово использовать любую яму в качестве помойной. Возможно, они попали с рухнувшей крыши, которая была покрыта дерном или засыпана землей, бравшейся древними людьми ту же, из своего культурного слоя. Следовательно, эти находки в заполнении прямого отношения к жителям землянки не имеют, те ими не пользовались. Они были в употреблении до или после оставления жилища, может быть, всего на 5–10 лет, но тем не менее. Черепки в заполнении чаще находят, лежащими на ребре наискосок, а на полу – плоскостью. Находки с пола и из заполнения нужно обязательно упаковывать отдельно, не смешивать. Впрочем, мелкие находки с пола тоже не всегда достоверны. Ведь почва живет, дышит. Земля постоянно перемешивается корнями, кротами, червями. Мелкие вещи постепенно опускаются на дно. Вот если на полу окажется развал целого сосуда, это уже более достоверно, можно поверить, что его оставили обитатели жилища.

Иногда отсутствие точной фиксации положения черепков в жилище рождает научные коллизии. Один пример. В Львовской и Хмельницкой областях есть группа поселений черняховской культуры, в которых в отличие от молдавских не обнаружено наземных глинобитных домов – только землянки, причем тоже отличающиеся от найденных в других регионах. Они более правильной квадратной формы, не выявлены столбы, поддерживав

ние крышу (стены были, очевидно, сложены в виде деревянного сруба), в углу находились каменные печки. Такая форма жилища с печей характерна для культуры славян VI–VII веков. По всем имеющимся данным черняховская культура прекратила свое существование в конце IV – начале V века н. э. На поселениях же Львовской и Хмельницкой областей сочетаются гончарная черняховская керамика и лепная, очень похожая на раннеславянскую. Исследователи таких памятников полагают, что им удалось поймать тот самый момент, когда носители черняховской культуры постепенно перестали производить гончарную керамику и перешли только к лепной, то есть стали по культуре славянами. Отсюда следует два вывода: во-первых, славянская культура сложилась уже в первой половине V века, а, во-вторых, носители черняховской культуры – тоже славяне. Что ж, такое вполне возможно. Случаи, когда народ меняет свою, так сказать, внешнюю культуру, то есть набор вещей, которыми он пользуется, сохраняя при этом язык и культуру духовную, известны. Однако скептики выражают сомнение в правомерности применения такой модели событий к данному случаю, поскольку при раскопках черняховские и славянские черепки из жилищ не были разделены на найденные на полу и в заполнении. А значит, возможен другой вариант: сначала существовало черняховское поселение, затем через некоторое время пришли славяне, вырыли свои землянки с печами-каменками, а когда ушли, оставленные землянки заполнились черняховским слоем. Вот все и смешалось. В пользу такого хода событий говорит, в частности, тот факт, что славянские горшки сохранились более или менее полно, среди них есть склеившиеся сосуды, а черняховская керамика представлена лишь обломками, ни одного целого сосуда. Следовательно, и проблему происхождения славянской культуры нужно решать как-то иначе. Она, очевидно, не развивалась из черняховской на территории современных Львовской и Хмельницкой областей, а сложилась в другом месте. Кто же прав? Видимо, пока не будут раскопаны новые аналогичные поселения, но уже с точной фиксацией находок, вопрос останется открытым.

Каждый этап расчистки землянки, естественно, должен фиксироваться на фотопленке и чертежах. Последние чертежи снимки делаются, когда землянка разобрана полностью. Не следует забывать показывать на чертежах разрезы, профили каждого объекта и каждой ямки, необходимо вычертить расположение слоев, видимых на стенках раскопа и бровках. После этого бровки нужно срыть, в них ведь могут оказаться очень важные находки.

Если раскопки поселения завершаются полностью, то остатки наземных сооружений, очагов надлежит разобрать и землю под ними прокопать. Может статься, что кроты затащили какую-нибудь мелочь поглубже. Затем раскоп должен быть засыпан.

Мы рассмотрели достаточно простой случай раскопок однослойного поселения. Но, вероятно, в древности участков, удобных для поселения, было не так уж много, люди часто селились по нескольку раз на одном и том же месте. Многие поселения многослойные. Тогда разбираться в напластованиях бывает еще труднее. Объекты зачастую перекрывают друг друга, и хорошо еще, если это культуры очень разные и далеко отстоящие друг от друга во времени. А если они и по времени близки, и в облике их есть нечто общее, то головоломка появится еще больше, жилища и ямы будут перерезать, накрывать друг друга, и трудно разобраться, что раньше было построено и сделано, что позже. Спутаетесь что-нибудь, а из этого последуют ошибочные выводы исторического порядка.

Раскопки городищ ведутся так же, как и неукрепленных поселений, дополнительно лишь делается разрез вала: закладывается длинная траншея, прорезающая вал, ров перед ним и участок который непосредственно примыкает к внутренней стороне укрепления. На тщательно зачищенных стенках этой траншеи можно будет увидеть, как вал строили. Скорее всего ставили деревянные срубы-клетки, забивая их землей с камнями или без них, а затем сверху засыпали всю эту конструкцию. Получался вал, а уже по его верху возводили или тын из бревен, или рубленые деревянные стены с бойницами для стрелков и башни

статки верхних сооружений до нас, конечно, не могли дойти, их мы можем только вообразить. Использовались и иные конструкции для возведения вала: насыпь обмазывали глиной и обжигали, повторяя операцию несколько раз, строили каменную стенку из обработанных или обработанных камней и сверху засыпали емлей и т. д. Конструкции могли быть разнообразными.

А как раскопать курган? Разбивают его крестообразными бровками на четыре сектора и вскрывают каждый сектор отдельно, постепенно углубляясь, начиная с вершины. Здесь тоже не следует забывать о зачистках: в насыпи могут оказаться так называемые впускные захоронения, совершенные уже после сооружения кургана, или следы тризны – пира, который устраивали, поминая покойного. Когда же насыпь снята, зачистки должны выявить и контуры могильной ямы или нескольких ям, вырытых в материке, выброс, или, как говорят археологи, выкид, светлой материковой земли из этих ям, и ровик, кольцевой или иногда квадратный, опоясывающий курган по периметру, из которого строители брали землю для насыпи, хотя, очевидно, приходилось приносить ее и со стороны. Ровики, вероятно, играли и какую-то религиозную, сакральную роль в ритуале захоронения. Впрочем, ровика может и не оказаться.

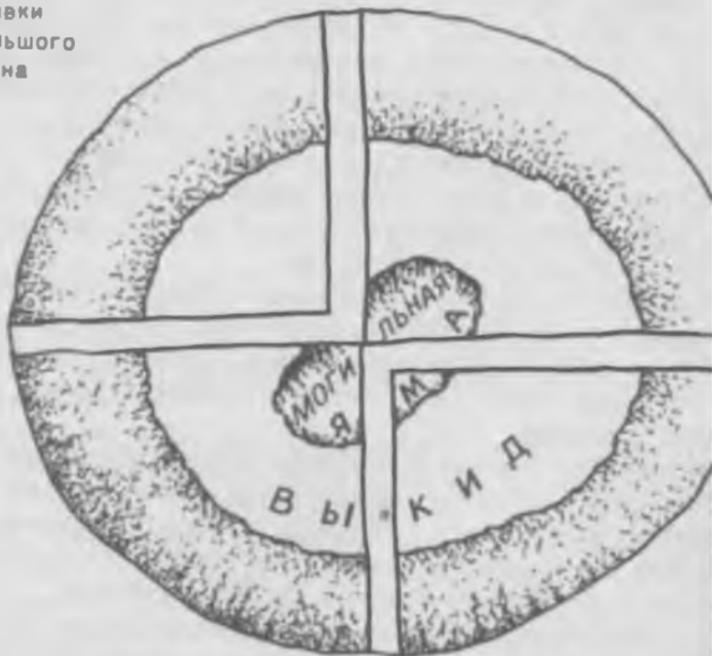
Нужно учесть, что пятна могильных ям зачастую бывают еще уже заметны, чем землянки на поселениях. Их заполнения, не содержащие угля и древесных остатков, слабее выделяются на фоне материка: земля лишь немного темнее, чуть-чуть более „пестрая“, мешаная.

Нередко курганы еще в древности подвергались разграблению. Грабители копали ямы-шахты или ходы-мины. Их тоже нужно проследить, в них могут попасться и вещи, потерянные или брошенные злоумышленниками, которых прежде всего интересовало золото. Для нас же и глиняный горшок – ценность.

По прослойкам, видимым на свежезачищенных бровках, можно проследить последовательность сооружения кургана. Под перекрестие бровок, особенно если курган большой и бровки соответственно пришлось сделать достаточно широкими, чтобы

План
разбивки
небольшого
кургана

они не рухнули, попадает, однако, большой участок. Это может мешать выявлению контуров центральной могильной ямы, да и весь участок перекрестия (а это 1–1,5 м) в стратиграфическом отношении остается неисследованным. Польские и немецкие коллеги во избежание этого поступают следующим образом. Бровки как бы сдвигаются по отношению друг к другу на их ширину. Есть в таком методе и определенное неудобство: чтобы получить на чертеже разрезы через весь курган, одну из половинок каждой бровки приходится делать в зеркальном изображении. Впрочем, когда в центральной яме дойдем до захоронения, бровки все равно придется снести (естественно, сначала нанеся на чертеж и сфотографировав), иначе они будут мешать расчистке погребения.

Но так – крестообразно и вручную – копаются лишь небольшие курганы. Большие курганы – скифские, сарматские или эпохи

бронзы – исследуются с помощью бульдозера или скрепера, хотя всегда бывает страшновато, когда такая гроыхающая и грубая машина въезжает на памятник и начинает его грести и курочить. Нужен очень опытный бульдозерист, умеющий делать сравнительно тонкие, не более 10 см толщиной, ровные горизонтальные срезы на пропеченном солнцем грунте насыпи.

Тем не менее приходится идти на использование техники: для раскопок вручную потребовалось бы слишком много рабочей силы, ее взять негде, дело бы двигалось медленнее, а нужно спешить. Ведь большие курганы копаются сейчас лишь в тех местах, где им непосредственно угрожает уничтожение: они попадают в зону застройки. И финансируются эти раскопки, как правило, строительными организациями, благо у нас есть закон, обязывающий проводить предварительное археологическое обследование застраиваемой территории и раскопки памятников. К сожалению, закон не всегда соблюдается, то и дело памятники гибнут. Хорошо, если археологи вовремя спохватятся и помашут перед носом строителей и проектировщиков законом. Возникают иногда и конфликты.

При раскопках бульдозером, естественно, приходится отказаться от поперечных бровок. Оставляется одна продольная или две-три, в зависимости от размеров кургана. Задача археолога

состоит в том, чтобы прежде всего следить за работой бульдозера, идти за ним и смотреть, не появятся ли на поверхности более темные пятна заполнения ям, светлые пятна выкида и т. д. Как только такое обнаружится, бульдозер останавливается и далее следует уже обычная археологическая работа: зачистки, выборка заполнения могильной ямы, расчистка погребения (ни одна вещь не должна сдвинуться со своего места), фотографирование, черчение.

Здесь часто возникает еще одна сложность: нужно так распределить работу, чтобы к концу дня погребение было расчищено, зафиксировано. Приходится иной раз работать до темноты, а то и на ночь оставлять сторожить одного-двух человек. Просто так ведь недочищенное погребение не бросишь, вдруг да придет кто-нибудь и из любопытства или просто из вредности что-то разрушит, сдвинет с места. К сожалению, и такое бывает.

Нужно сказать, что расчистка костяка, пожалуй, один из самых острых и интересных моментов при раскопках. Вот при выборке земли, при очередной зачистке дна ямы из земли выглянул белый кусочек кости. Череп. Ножом скалываешь с него мелкие

комочки земли, сметаешь их кистью. Лежит целый, скалится. А рядом мелькнуло под ножом что-то зелененькое. Так и есть. Бронзовая сережка – простенькое колечко. А тут из под ножа выкатилась круглая бусинка. Осторожно. Скалывать нужно уже совсем мелкие крошки земли. Кухонный раскопачный нож меняем на перочинный или на скальпель, кисть малярную – на художественную, потоньше. Крошки земли уже сдуваешь. Сохранить на месте, как говорят, *in situ*, не сдвинув, не сдуть бусинки, задача не простая. Требуется чрезвычайная аккуратность. Работает почти как реставратор, расчищающий картину, продвигаешься по миллиметру. Чертежник садится рядом, чтобы фиксировать сразу все появляющееся из-под кисти. Потом он сделает и окончательный чертеж всего скелета, всей могилы, но лучше вести фиксацию параллельно расчистке, вдруг да что-то сдвинется или разрушится в ее процессе.

Иногда под курганом оказываются и более сложные погребальные сооружения, чем просто ямы. Это могилы с подбоем и катакомбы. В стенке ямы выкапывалась специальная ниша, куда и помещали покойника с вещами. Катакомбы еще сложнее. В одной из стенок ямы – в боковой или торцовой – выкапывалась пещерка, часто пол ее несколько ниже дна ямы, туда и укладывали покойных, одного или нескольких, вход в пещеру катакомбы закрывали или камнем, или деревом. Раскапывать такие сооружения непросто. Катакомбу найдешь, но попасть в нее трудно, расчищать костяки в ней неудобно и опасно: свод может рухнуть. Приходится вскрывать ее крышу сверху. Трудоемко, тем более что сооружения эти часто бывают большие и глубокие. Так что и на больших курганах лопате приходится немало потрудиться.

Пожалуй, проще и интересней всего копать грунтовые, бескурганные могильники. В принципе, все делается так же, как и на поселении. Квадраты, штыки, зачистка, поиски ямы, расчистка. Вещи находят значительно чаще, да и стратиграфических загадок, как правило, поменьше, хотя бывают заковыристые ситуации, когда несколько погребений перекрывают и перерезают друг друга, и нужно выяснить, кто был раньше похоронен, а кто –

позже. С отвалами земли на могильнике тоже попроще, можно ссыпать на уже отработанный участок. Раскопки ведутся так называемой подвижной траншеей по 4–6 метров шириной. Расчистили, зафиксировали все выявленные здесь захоронения и начали соседние квадраты, отбрасывая землю на предыдущий раскоп.

И еще. Что бы мы не раскапывали – городище, поселение, могильник, курган, необходимо всегда соблюдать одно правило: не оставлять грязного раскопа. В конце рабочего дня нужно последний раз зачистить или подмести раскоп, подравнять стенки и бровки, поправить сбившиеся колышки, убрать накопанную землю, собрать и запаковать все находки, черепки. Зачем? Во-первых, как уже говорилось, из уважения к своему делу. Во-вторых, потом земля засохнет или, наоборот, размокнет под дождем, и делать это будет труднее. А самое главное, аккуратный раскоп, как и чисто убранная квартира, создает особую атмосферу. Аккуратность рождает точность, а точность в науке помогает открытиям. Наши же открытия не столько в эффективных находках (на них то ли повезет, то ли нет), сколько в стратиграфических наблюдениях, в правильном выявлении объектов, их деталей, соотношения. А здесь без тщательности раскопок и точности фиксации не обойтись. Приучиться так работать должна вся команда раскопщиков. Перепутаем мы или не различим разные слои, смешаем находки, что-нибудь не отметим – за этим могут последовать ошибочные выводы исторического порядка.

ЧТО ТАКОЕ КАМЕРАЛКА?

Раскопать памятник мало. Ведь раскопать – значит, разрушить, а нужно сделать так, чтобы любой другой археолог мог пользоваться этим материалом, как и ты, в любое время, даже через много лет после проведения раскопок, иначе весь труд экспедиции будет потрачен впустую. Взяв в руки любой черепок

из найденных при раскопках, он должен знать, как и где черепок был обнаружен, в какой позиции, на какой глубине, в какой части раскопа. Обеспечить это и должна так называемая камеральная обработка, то есть сделанная в камере, в комнате. В экспедиции ее правда, заменяет чаще всего большая палатка или просто навес. Начинается камералка еще в поле, завершается чаще всего уже в городе.

Найденная керамика, как уже говорилось, заворачивается в пакеты, с каждого квадрата, с каждого штыка, из каждого сооружения – в отдельный. Пакеты надписываются, а для надежности внутрь кладется еще этикетка, бумажный квадратик, на котором написан номер квадрата, штык, глубина. Не следует забывать указывать название экспедиции и год раскопок. Вдруг что-нибудь случится, материал не будет обработан в поле, привезут его в город и перепутают с пакетами какой-нибудь другой экспедиции или с материалами другого памятника, другого года раскопок. Поди потом разберись!

Пакеты приносят в лагерь, здесь керамику моют, высушивают в тени, естественно, стараясь не перепутать и не смешать содержимое пакетов. Иногда черепки бывают покрыты плотным белесоватым слоем почвенных солей, их не отскоблить, приходится вымачивать в соляной кислоте. Затем находки шифруют, состав-

дляют их опись. На каждой черепке, по возможности на внутренней стороне, пишут тушью шифр экспедиции (аббревиатуру ее названия и год), шифр памятника, то есть сокращенное название из двух-трех букв и номер, под которым эта находка будет помещена в описи. А в описи кратко описывают находку, например: фрагмент стенки лепного или гончарного сосуда, желтого или серого, или черного цвета, с орнаментом или без орнамента, в специальной графе ставят номер квадрата, штык и другие данные, если они есть, — номера постройки, ямы, глубину залегания здесь и т. п. Попадают иногда черепки, на которых тушью не напишешь, он сам черный или сделан из такой глины, что тушь расплзается. Тогда помогает мазок масляной краской или гуашью. На нем можно писать.

В опись, естественно, заносятся и все другие находки, будь то бусины, железные или бронзовые изделия или их обломки, глиняные пряслица и прочее, то, что называется индивидуальными находками. Шифр на них не всегда напишешь, поэтому к ним или подвешивают этикетку на нитке или укладывают в специальную коробочку, а на ней пишут шифр. Поэтому спичечные коробки, любые картонные коробочки из-под сигарет, чая, зубного порошка, из-под чего угодно в экспедиции не выбрасываются. Они всегда могут пригодиться.

Всякая индивидуальная находка, как только она зафиксирована на раскопе, отмечена на чертеже и сфотографирована, должна быть тут же зарисована специалистом, ведущим раскоп, в дневнике. Вдруг что-нибудь случится, и ее не донесут до лагеря, хоть рисунок останется. А в лагере уже в спокойной обстановке ее снова по всем правилам нарисует художник. Археологический рисунок имеет свою специфику, это не натюрморт, а скорее чертеж-схема. Все размеры и пропорции должны точно соответствовать реальным, рисуется почти каждая вещь в двух-трех проекциях: вид сбоку, вид сверху и т. д. Показываются разрезы, сечения. Но при этом должны ощущаться объемность и фактура вещи: из железа она или из бронзы, из кости или из стекла. Это передается самыми скуными средствами, будто свет падает из верх-

него левого угла. Чтобы показать углубление, бывает достаточно сделать левый верхний угол чуть с большим нажимом, а для выпуклой части – нижний правый. Около каждого рисунка ставится масштаб, даже если рисунок 1:1. Дело в том, что потом из этих рисунков для отчета и публикации komponуют таблицы, которые фотографируются и ксерокопируются, уменьшаются и увеличиваются и не всегда в кратное число раз. Если масштаба нет, то потом будет трудно представить себе реальные размеры вещи.

Рисуются, конечно, и наиболее выразительные черепки, те, что с орнаментом или по которым можно представить целую форму сосуда или хотя бы его верхней части – венчика. Венчик – самая информативная деталь сосуда. Если от него сохранился кусочек хотя бы в 3–4 см, можно установить диаметр сосуда. Делается это просто. На листе бумаги циркулем вычерчивается ряд дуг через каждый сантиметр или полсантиметра. Прикладывая черепок к этой матрице, легко подобрать подходящую дугу и тем самым определить диаметр венчика.

Оформление его можно варьировать почти до бесконечности. Он может быть отогнут больше или меньше, утолщен или утоншен, округлен или срезан горизонтально. Эта часть сосуда в большинстве случаев не функциональна, и, оформляя его так или иначе, мастера скорее всего действовали, подчиняясь каким-то интуитивным подсознательным импульсам, невольно отражая некое состояние своей эпохи. В чем тут дело, не совсем понятно, точнее, совсем не понятно, психологический механизм этого явления не изучен, но каждая эпоха проявляет склонность к тем или другим пропорциям, формам, орнаментам. Искусствоведы это хорошо знают. Около каждого черепка обязательно рисуется его разрез, профиль. Изображение можно сделать еще информативнее, если заштриховывать профили разными условными значками, в зависимости от категории посуды, состава глины, примесей в ней. Естественно, около каждого рисунка подписывается шифр и номер по описи.

Чтобы представить себе форму сосуда, правильно нарисовать профиль черепка, нужно установить его правильное поло-

ние, его наклон. Это не всегда ясно, нужен опыт, знание форм тех сосудов, которые находили ранее. Помогает и такой простой прием: поставить черепок венчиком на плоскость или, еще лучше, накрыть его какой-нибудь плоскостью, дощечкой, картонкой, так, чтобы просвета не было. Ведь большинство сосудов были сделаны так, что могли стоять и вверх дном. Сосуды с неровным верхним краем все-таки редкость, исключение.

Если найдено несколько черепков от одного сосуда, положим, венчик, часть дна и обломок стенок, то можно попытаться сделать и графическую реконструкцию сосуда. Нарисовать их вместе с профилями, определить диаметры, вырезать изображения и, передвигая, добиться такого положения, чтобы продолжения линий профилей совпадали. Иногда бывает достаточно трех-четырех черепков, чтобы такая реконструкция получилась, хотя относительно высоты то и дело возникают сомнения.

Целые сосуды археологам достаются сравнительно редко. Даже в погребениях они по большей части раздавлены землей. Но их можно склеить. Вымытые черепки раскладывают на лотке и начинают подбирать друг к другу. И так вертят, и иначе, и вот парочка изломов совпала, а к ним, глядишь, присоединился и третий. Склеиваешь, чтобы не развалились, пока клей сохнет, устанавливаешь в ящике с песком. Берешься за поиски следующей пары и так далее, пока не получится целый горшок, кувшин или миска. И это большое удовольствие, когда после нескольких дней кропотливой работы перед тобой вместо груды черепков окажется целый сосуд. И горшки, и миски – они ведь круглые. Поэтому, когда каких-то кусочков не хватает, не страшно, остальное восстановится, вылепится из гипса. Белый гипс красится, тонируется под цвет горшка. Можно сделать так, что издали и заметно не будет. Однако цвет дополненной части должен все-таки чуть-чуть отличаться, чтобы знать, где подлинник, а где результат реставрации.

Еще одна работа, которая регулярно ведется во время раскопок, – статистика. Подсчитывается, сколько каких черепков было найдено на каждом квадрате, в каждом штыке, сколько обломков

гончарных, лепных, лощеных и нелощеных сосудов, мисок, горшков, сколько посуды одной культуры и другой, если памятник смешанный. Потом все эти данные пригодятся. За их расположением на плане поселения может многое скрываться.

Подсчеты делаются в поле, потому что чаще всего у археологов нет возможности взять с собой все найденные черепки, и будет негде хранить. С хранилищами (фондами) всегда напряженно и в музеях, и в институтах академии наук. Часть черепков мелких, маловыразительных, в основном обломков стенок сосудов, учитывается в статистике и идет на выброс. Сохраняются те, которые позволяют судить о форме: венчики, донышки, крупные фрагменты стенок. Обязательно должны сохраняться все находки из комплексов.

Практика такая, конечно, порочна. Следовало бы сохранять все. Мы не можем знать сегодня, что окажется важным и интересным завтра. Приведу один пример. В Эрмитаже хранится коллекция из раскопок большого поселения черняховской культуры у села Лепесовка Хмельницкой области. В течение шести лет, с 1957 по 1962 год его раскопки вела Мария Александровна Тиханова. Материал огромный, в Эрмитаже сейчас порядка 70 тысяч черепков, а часть была выброшена. Тщательно велась статистика. Я будучи студентом один сезон провел в Лепесовке. Каждый вечер все специалисты во главе с Марией Александровной разбирали и подсчитывали черепки. Все необходимое было сделано, все подсчеты сохранились. Но прошли годы, и ситуация несколько изменилась. Польские коллеги выделили в своих материалах новую культуру — вельбаркскую, а украинские археологи в Поднепровье, главным образом на левобережье, нашли памятники еще одной новой культуры — киевской. Среди лепесовских материалов оказались находки и той, и другой. Важно было бы вычислить, какой процент среди жителей поселения могли бы занимать представители этих культур, сколько черепков они оставили. Но когда мы с Марией Александровной подсчитывали черепки, мы ни о киевской, ни о вельбаркской керамике еще не знали, просто понятие таких не существовало. Первую относили к невыразительной

лепной, которая есть и в черняховской культуре, а вторую зачисляли в другую культуру с территории Польши – пшеворскую, тоже представленную в Лепесовке.

Теперь по эрмитажным материалам пришлось делать подсчет заново, но результаты уже не столь надежны, часть черепков ведь была выброшена.

Что сделать, чтобы избежать таких ситуаций? Видимо, брать все, все хранить. Выбрасывать минимальное количество, уж самую мелочь из числа того, что очевидно, регулярно, а как раз все сколько-нибудь непонятное, невыразительное сохранять. И не забывать еще одно правило: не выбрасывать в помойку, куда попало. Нужно захоронить выброс на раскопе или вблизи него, отметив это место на плане, а если имеется возможность, то оставить какой-то знак на поверхности. Тогда в случае острой необходимости эти черепки можно будет найти.

Вечерами для специалистов, когда землекопы могут отдохнуть, начинается второй рабочий день, а в дождливые дни привлекаются на это дело, то есть мыть керамику, разбирать пакеты, шифровать и т. д., и другие члены экспедиции.

В поле, как правило, все это сделать не успевают, приходится продолжать в городе. Но основная задача по возвращении – подготовить отчет об экспедиции. Начальнику экспедиции в ближайшие же дни предстоит еще сдать в бухгалтерию финансовый отчет, отчитаться за каждую истраченную копейку. Любой расход должен быть подтвержден документом. Купили нож или щетку для расчисток, лопату, карандаш или перья – дай счет из магазина, ездили на автобусе в соседнее село – представь билет и объяснение, зачем ездили. Ведомости на зарплату, трудовые соглашения с сотрудниками и рабочими, справки о том, что они были в отпуске и имели право работать в экспедиции и т. д. Бухгалтерская работа – труд не легкий. А что-то упустил, просчитался и приходится расплачиваться из собственного кармана. Нередко так и бывает, хорошо, если на небольшую сумму.

Но главное не это, главное – научный отчет успеть сделать до мая. Чертежи с миллиметровок перебелить тушью на ватман,

проявить фотографии. Каждый этап работ должен быть отражен в отчете, подтвержден соответствующими чертежами и. фотографиями. Должны здесь быть и рисунки вещей, опись находок. Важно сделать так, чтобы у читателя, пользующегося отчетом, возникло ощущение, будто он сам присутствовал на раскопках. Керамику и вещи из пакетов надо разложить по коробкам или лоткам в соответствии с номерами шифра, подготовить для хранения в фондах.

К маю переплетенные текст отчета и альбом иллюстраций к нему должны быть посланы в Полевой комитет. И только если Полевой комитет будет удовлетворен отчетом, тебе выдадут Открытый лист на право раскопок в следующем сезоне.

АРХЕОЛОГ В КАБИНЕТЕ. СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Существует достаточно расхожее представление, что главное дело археолога – раскопки. Летом копает, зимой материалы обрабатывает, летом опять копает и т. д. Сказка про белого бычка. Но это все равно, как если бы следователь, осмотрев место преступления, закрыл дело и прекратил поиски преступника. Нет, настоящее дело только начинается. Археология – наука историческая, и основная ее задача состоит не в том, чтобы раскопать как можно больше памятников, а в том, чтобы на материале всех находок, добытых разными археологами в разные годы, мысленно восстановить всю картину жизни древнего населения, то есть совершить то самое путешествие в прошлое, о котором говорилось вначале.

Древнее поселение или могильник раскапывали несколько лет, а в интересующей нас картине он окажется совсем небольшим кубиком мозаики. После осмотра места преступления детектив начинает собирать улики в других местах, искать свидетелей, сопоставлять их показания, проверять, он стремится воссоз-

датель, когда и как все произошло, пробует разные версии, отбра-
выбывает одни, как не согласующиеся с теми или иными данными,
работывает другие, пока истина не будет установлена. Все это
делает и археолог. Большая часть времени в году уходит у него
на раскопки, написание отчета и подготовку публикации рас-
копанных памятников, а на чтение того, что написали другие, на
знакомство с отчетами коллег, на просмотр материалов в му-
зеях. Если археолог работает, скажем, в Кишиневе, то он должен
знать все, что происходит не только в Молдове, но и вокруг – на
Украине, в Румынии, Болгарии, Венгрии, Польше и Крыму. Нужно
выяснить, в чем молдавские памятники сходны с обнаруженными
вокруг, в чем отличны. Где еще встречаются такие же находки?
Что по их поводу думают коллеги? Как датируют, как трактуют?
Без этого многое понять будет нельзя.

Археология, как и любая наука, – занятие прежде всего ин-
теллектуальное. В 1980 г. чешский археолог Ярослав Малина
издал двухтомник под весьма характерным названием „Археоло-
гия вчера и сегодня, или Где у археологов больше серого вещест-
ва: под ногтями или между ушами?“. В первом томе были изложе-
ны его соображения по поводу того, что такое археология как
наука, и рассказана история ее развития, а во втором были
собраны уже опубликованные статьи археологов разных стран,
где предлагались наиболее остроумные, по мнению издателей,
решения некоторых теоретических проблем: как, какими мето-
дами можно выяснить с наибольшей достоверностью, что за исто-
рическая реальность скрывается за археологическими наход-
ками. Они ведь безгласны. На найденных горшках не написано,
какие люди их сделали, какому народу они принадлежали, когда
эти люди жили, чем занимались, какие события тогда происхо-
дили? Есть всего кучка черепков, жалкие развалины жилищ, ске-
леты или сожженный прах когда-то живших людей. Как заставить
их заговорить?

Будь труд чешских коллег издан тиражом побольше да еще
переведен на русский язык, мы бы просто сослались на него.
А так придется рассказать немного о самых фундаментальных

понятиях науки археологии, о некоторых приемах и методах интеллектуальной деятельности археологов.

Что такое археологическая культура? Мы это понятие уже неоднократно упоминали, пора, наконец, его и объяснить, тем более что, наверняка, уже возникло недоумение. Все мы прекрасно знаем, если человек плюет и бросает бумажки на пол мусорит, то поступает некультурно. А если пользуется урной, то культурно. При чем же тут археология? Археологи раскапывают, как уже говорилось, в основном мусор, следовательно, то, что они называют культурным слоем, надо бы называть бескультурным слоем.

Но дело в том, что одни и те же слова часто употребляются в разных значениях. Слово „культура” восходит к латинскому *culture*, то есть возделывание, обработка земли или вообще чего-либо. Таким образом, все, к чему человек приложил свои руки и интеллект, будет предметом окультуренным, предметом культуры. Культурой оказывается на земле все, за исключением дикой природы. С этой точки зрения человек, бросающий бумажки в урну, и человек, бросающий их мимо урны, – культурные люди. Только у них разный культурный уровень. Первого родители научили определенным правилам поведения, второго – нет, на воспитание первого было больше затрачено усилий, чем на воспита-

ние второго. Возникающее противоречие как будто бы снимается. Просто в обыденной жизни мы делаем акцент на оценочной, как говорят, аксеологической стороне понятия: культурный – некультурный. А наука культурология (есть такая отрасль знания, лежащая где-то между философией и социологией) обращает основное внимание на другую, не аксеологическую сторону того же понятия. Для культурологов культура – результат всей человеческой деятельности, или даже сама человеческая деятельность. Впрочем, исследователи об этом много спорят. Тут не все так уж просто. Археологу такую литературу также приходится читать, иначе ему со своими делами не разобраться. Я разделяю позицию известного культуролога Э. С. Маркаряна, хотя есть и другие точки зрения.

В нашем обыденном сознании слово „культура” связывается, кроме того, с ансамблями песни и пляски, оркестрами, театрами, музеями и библиотеками. А заводы, фабрики, транспорт, строительство вроде бы к культуре отношения не имеют. По Э. С. Маркаряну, все немного иначе. Культура как бы пропитывает всю нашу жизнь. Он проводит даже такую аналогию: если представить любое общество в виде некоего организма (а это, в общем-то, так и есть), то можно говорить о его морфологии, то есть самом теле, органах, и физиологии, то есть способе функционирования организма. Одни органы, скажем, печень, имеют большее значение для физиологии, чем другие, например, кости скелета. Культура и является как бы физиологией общественного организма. Значит, важно не что, а как. Одну и ту же задачу можно решить несколькими способами. Дома строят везде, но делают их по разным проектам, посудой пользуются все люди, но она может быть различной. Сами по себе дома или посуда – морфология, а то, как они сделаны, какие они, как используются, – физиология, культура. То есть каждый специальный организм обладает своей культурой, отличающей его от другого.

И здесь мы подходим к еще одной стороне вопроса. Дело в том, что человек – существо общественное. Он не может жить в одиночестве. Заметили ли вы, что каждый из нас всегда в своей

повседневной жизни связан с той или другой группой людей, тем или другим сообществом? И даже не с одним, а с несколькими одновременно. Класс, школа, семья и все родственники, группа знакомых и друзей по двору, по улице, кружок или команда и т. д. И в каждой такой группе свои отношения, свои манеры поведения, разговоры и даже набор используемых вещей. Содержание портфеля школьника отличается по набору от сумки, которой утром рабочий едет на стройку. То есть в каждой группе своя культура, чуть-чуть отличная от культуры другой группы. Маленькие группы входят органично в состав более крупных объединений. Общий язык соединяет всех молдаван, всех русских и всех украинцев. Молдавские сельские дома отличаются от украинских хат и русских изб, хотя сейчас идет процесс интеграции и крупноблочные дома новостроек Кишинева, Киева и Санкт-Петербурга почти не различимы.

Различие в массе окружающих вещей становится особенно заметным, когда пересечешь границу. Не только звучит иная речь, но и бегают машины других марок и форм, на них не наши номера, на дорогах другие указатели, милиционеры и железнодорожники в чужой форме, телефонные будки иначе раскрашены и даже, кажется, у лошадей и собак, какие-то незнакомые морды. Другая культура.

Кроме общечеловеческой культуры есть масса локальных и групповых культур. Это еще один оттенок того же слова, который отражен в словосочетании „археологическая культура” поскольку нечто подобное было и в древности. Во всяком случае археологи уже давно заметили, что памятники по своему сходству образуют некие общности: совпадает вид и фактура черепков, формы посуды, украшений, топография поселений и могильников, обряды погребений. Например, для I века н. э. на огромном пространстве приблизительно от Клузы в Румынии до Курска характерны многочисленные поселения с очень похожей серой керамикой, сделанной на гончарном круге, с остатками больших наземных глинобитных построек или небольших полуземлянок, а также грунтовые могильники, где мертвых хоронили как по

обряду трупосожжения, так и по обряду трупоположения (те и другие обязательно есть на каждом таком древнем кладбище). В могилах однотипные вещи: та же серая гончарная посуда, бронзовые и железные застёжки плаща (фибулы) очень похожих форм, сходные костяные гребни и некоторые украшения – сердоликовые и янтарные бусы, железные подвески в виде миниатюрного ведерка и многое другое. Если нанести на карту все случаи находок таких вещей, то они образуют не совсем совпадающие фигуры, но все вместе дают концентрацию именно в отмеченном большом регионе, за пределы которого будут выходить лишь единицы. Очевидно, мы имеем дело с некой культурной общностью. Ее и стали именовать черняховской культурой от названия села Черняховка, расположенного недалеко от Киева, где в 1901 году украинский археолог В. В. Хвойко раскопал первый могильник такого рода.

А на территории южной и центральной Польши для того же периода выявлена иная культурная общность. Гончарной керамики не так уж много, чаще встречается лепная, не тщательно сделанная: черная, залощенная до блеска или, наоборот, нарочно ошершавленная (перед обжигом сосуд обмазывали слоем глины с песком и получалась своеобразная огрубленная поверхность), поляки называют ее хрповатой. Могильники, как и в черняховской культуре, большие, со многими захоронениями, но трупоположения встречаются редко. Как правило, в сравнительно небольшую ямку ссыпаны остатки сожжения – мелкие, перегорелые (кальцинированные) белые косточки, уголь, зола, положены вещи – посуда, в основном разбитая, фибулы, гребни и очень часто – оружие, длинные мечи (они, как правило, согнуты несколько раз, закручены, иначе и в могильную яму не поместились бы), наконечники копий, шпоры, щиты. От последних сохраняются лишь центральные железные выпуклые бляхи (умбоны), прикрывавшие руку, которая держала щит, да иногда ручка или оковка края. Эту культуру именуют пшеворской, по названию города Пшеворск в юго-восточной Польше.

В центральной Беларуси и в восточной Литве в это время существовала своя общность. Здесь известна масса городищ, то есть все поселения были укрепленными. Обнаруженная на них керамика исключительно лепная, гончарной нет вовсе, но не пшеворскую она совсем не похожа: не лощеная, не хрповатая, грубо слепленные горшки покрыты сверху донизу расчесами, сделанными или гребнем, или щепкой. Отсюда и название — культура штрихованной керамики. Погребальные памятники этой культуры совсем не известны. По всей вероятности, население хоронило мертвых по какому-то особому обряду, так что следов до нас не дошло. Их могли оставлять в лесу, просто на какой-нибудь поляне, подвешивать на деревьях, топить в реке, сжигать и развеивать прах по ветру и т. д. Этнографы подобные обряды наблюдали у разных народов земного шара.

По соседству, в верховьях Днепра и Двины, на Смоленщине, опять же обнаружена похожая группа памятников: городища, нет погребений, лепная и очень примитивная керамика, но без штриховки. Эту культуру называли днепро-двинской.

И таких культур для разных регионов и эпох археологи выделили великое множество. Иногда возникают сложности, порождающие дискуссии. Например, северо-западными соседями черняховцев в Прикарпатье, на территории Ивано-Франковской и Закарпатской областей было население, пользовавшееся гончарной керамикой, фибулами, пряжками и украшениями, аналогии которым можно найти в черняховской культуре, но хоронило оно своих покойников по другому обряду: мертвых сжигали и насыпали над ними курганы. Некоторые исследователи предлагают включить эти памятники в состав черняховской культуры, большинство же предпочитает видеть здесь особую культуру — культуру карпатских курганов. Кто прав? Можно спорить, хотя, думается, не всегда такие споры плодотворны. В конечном счете не столь важно, как что назвать, все это условно. Важно зафиксировать степень различия и сходства, поточнее определить распространение каждого элемента культуры в пространстве и времени, выяснить, откуда тот или иной элемент культуры взялся,

был ли он у местного населения раньше, в предшествующую эпоху, или есть у соседей, далеких или близких? А о названиях нужно договориться, созвать конференцию, обсудить, что будем называть археологической культурой, а что ее локальным вариантом и хронологическим этапом развития.

Все-таки что скрывается за теми группировками памятников, которые объективно наблюдаются и которые мы называем археологическими культурами, давая им условное наименование по одному из памятников, по территории распространения или какому-либо наиболее яркому элементу?

Ясно лишь одно, археологические культуры представляло население, обладавшее определенным сходством культуры, находящееся в тесных контактах друг с другом, иначе бы такого сходства не возникло, и в течение того периода, пока археологическая культура существовала, передававшее свои традиции от поколения к поколению. А может быть, мы имеем здесь дело с древними народами, этносами? Очень похоже, что так оно и есть.

Теперь нужно разобраться, что такое этнос, народ и насколько применимы наши сегодняшние представления об этом к древнему населению. С точки зрения обыденного сознания, опыта сегодняшнего дня все достаточно просто. Есть многочисленные народы – англичане и русские, немцы и молдаване, французы и украинцы, испанцы, итальянцы, армяне, китайцы, индусы и т. д. Кажется, что все они были всегда. Но с этой же точки зрения совершенно очевидно, что Солнце вращается вокруг Земли, хотя на самом деле все наоборот. И сколько ученых сгорело на кострах инквизиции, прежде чем человечество поверило науке, а не своим глазам. Так и мы, обратившись к трудам этнографов, специально изучающих этносы всего земного шара, и историков, убедимся, что все совсем не так просто. Мы напрасно будем искать современные народы в трудах, скажем, Геродота, жившего в V веке до н. э. Кроме греков и персов мы там, пожалуй, больше никого не найдем. Да и греки и персы времен Геродота так мало похожи на современных греков и иранцев, что считать их теми же народами можно только с большой долей условности.

А где все прочие народы, известные Геродоту? Где скифы, фригийцы, разные там меланхлены, нёвры, будины, киммерийцы? Все они исчезли, растворились в других народах, живших позднее.

Если разобраться, то выяснится, что все современные народы Европы существуют как этнические единицы не более тысячи лет, от силы полторы-две, а многие – меньше. Тысяча лет тоже немало, но человечеству порядка двух миллионов лет и, по крайней мере, около 40 тысяч лет существует человек современного вида – homo sapiens. Сколько раз за это время возникали разного рода объединения людей, распадались и создавались новые? Очевидно, в мире нет вечных народов. Они появляются, живут и исчезают. Сложные этнические процессы идут и сегодня, скажем, в Индии, в государствах Африки, да и у нас, в Советском Союзе, и в Соединенных Штатах Америки. Для нас любой человек, приехавший из Индии, – индус, хотя там живет не менее 80 национальностей, любой человек из США – американец, будь он пуэрториканец, потомок переселенцев из Англии, Голландии или евреев из Одессы. А для француза человек, приехавший из Советского Союза, – русский, будь он молдаванин, белорус или якут.

Как только по тем или иным причинам – политическим, экономическим, географическим – возникает какое-либо объединение народов, тут же появляются тенденции к их слиянию, объединению, интеграции, чему способствуют смешанные браки, двуязычие, обмен привычками, манерой поведения и т. д. К этим процессам можно относиться по-разному, как можно любить или не любить дождь, но он – объективная реальность, и никуда от этого не деться.

Другое дело, что всякую национальную культуру, национальный язык, особенно малых народов, следует беречь и сохранять, так же, как следует беречь и сохранять памятники старины и оберегать природу от безжалостного разрушительного действия индустриализации. Зачем же мокнуть под дождем, если можно устроить навес или просто открыть зонтик? К сожалению, чело-

чество только сейчас начинает понимать значение таких охранительных мер и все еще редко их принимает, в результате чего взрываются, сносятся соборы и старинные здания, разрушаются археологические памятники, гибнет природа на Байкале и Арале, происходят столкновения на национальной почве. Все это явления одного порядка – демонстрация низкой культуры в аксеологическом значении этого слова.

В мире нет не только вечных народов, но и чистых народов. Если повнимательнее рассмотреть историю любой современной нации, то окажется, что все они – результат сплава, слияния нескольких народов. Предками французов были и галлы-кельты, и римляне, завоевавшие эту землю при Юлие Цезаре и подарившие свой язык, и германцы-франки, давшие название нации. А в действительности процесс был еще сложнее, в V веке н. э. в нем участвовали племена вестготов и бургундов, пришедшие из Восточной Европы, да и позже картина оставалась довольно пестрой, даже когда французские короли к XIV веку объединили все земли между Рейном и Пиренеями.

В Британии кельты появились в III веке до н. э., а раньше там проживало смешанное население, проникшее на острова с континента. Затем в I веке н. э. появились римляне, потом германцы – англ и саксы, наконец, в 1066 году – норманны, тоже германцы, выходцы из Скандинавии, но говорившие уже на варварской латыни, освоенной ими на территории Франции (об отношениях норманнских рыцарей с англосаксонскими лучниками-йоменами все читали в „Айвенго” Вальтера Скотта). И все они вместе взятые – предки англичан. Примеры такого рода можно было бы продолжать и продолжать.

В конце 60-х – начале 70-х годов на страницах журналов „Советская этнография”, „Вопросы истории”, „Вопросы философии”, „Природа” и других велась долгая и оживленная дискуссия о том, что же такое этнос, как его определить. Выступали этнографы, языковеды, историки, философы, социологи и культурологи, высказывавшие самые разные точки зрения. Оказалось, что это все весьма не просто. Понятие „этнос”, как солнечный зайчик, ускользает из рук исследователей при каждой попытке накрыть его каким-либо строгим определением.

Казалось бы, самое важное, что объединяет любой народ, это язык. Но швейцарцы говорят на трех языках: немецком, французском и итальянском. Австралийцы, ирландцы, американцы, канадцы – народы разные, а говорят все по-английски. Житель какого-нибудь поселка под Мюнхеном в южной Германии плохо понимает своего сельского сородича из-под Гамбурга на севере страны: диалекты их очень различны. Хотя и тот, и другой понимают литературный немецкий язык, язык радио и телевидения. Такая же ситуация в Китае.

Может быть, решающий фактор – проживание на одной территории? Но евреи и цыгане живут в самых разных странах, своей территории у них нет. Государство Израиль, созданное ООН после второй мировой войны на землях, откуда евреи были выселены еще римлянами, – образование новое и небольшое, оно не могло бы вместить всех евреев мира, а они есть даже в Африке. Да и далеко не все еврей хотят покинуть те страны, где их предки прожили несколько столетий. Древнееврейский язык – иврит, принятый теперь в Израиле, мало кому известен в других странах. Другой язык – идиш, один из диалектов немецкого, тоже постепенно утрачивается, и большинство евреев говорят на языке тех стран, где они живут. Полного слияния, однако, не происходит, многие евреи до сих пор достаточно четко осознают свою причастность к этому народу, и соседи их иногда из своей среды выделяют. Похожее происходит и со многими другими народами, значительные группы которых оказались вне своей основной территории: армяне, греки, литовцы, шведы, ирландцы, корейцы и др.

Возможно, экономика, способы ведения хозяйства определяют этнос? Но этнографы знают чукчей-оленоводов и чукчей-морских охотников, „лесных” монголов, занимающихся сельским хозяйством, и монголов-степняков, скотоводов.

Тогда, видимо, культура? Но этнографическая культура украинцев Закарпатья и украинцев Полтавщины весьма отличается друг от друга. На Полтавщине нет ни кептарей-безрукавок, ни топориков, с которыми ходят закарпатские горцы, иначе строятся

дома, иная делается керамика. С другой стороны, именно культура существенно выделяет среди соседей некоторые объединения, которые вряд ли назовешь этносами, например, кубанских казаков с их черкесскими шапками-кубанками или донских казаков с их лампасами на штанах.

Говорят еще, что во главе угла лежит стереотип поведения. Есть и такое. Мы привыкли умываться под проточной водой из-под крана, а англичане затыкают отверстие в раковине, наполняют ее водой и умываются. И очень страдают, приезжая к нам: в гостиницах затычки для раковин не предусмотрены, приходится привозить с собой. Стереотипы поведения действительно существуют. Но проблемы это не решает, они присущи не только народам. У монахов и военных казаки тоже свои стереотипы. Архангельские поморы и донские казаки, те и другие русские, стереотипами поведения тоже различались. А дворяне, купцы и крестьяне?

То есть ситуация сегодня, как и в недавнем прошлом, сложная, и вряд ли в древности она была проще. Скорее всего, она была еще сложнее. Сегодня письменность, литература, радио и телевидение, обучение, промышленное производство стандартных изделий и централизованное руководство объединяют нас в значительно более тесное культурное единство в пределах государства, чем это могло быть раньше.

Выводы, которые можно было сделать из упомянутой дискуссии, оказались весьма печальными для археологов. Единственным сколько-нибудь объективным критерием, позволяющим определить, к какому этносу относится тот или иной человек, та или иная группа людей, оказался критерий субъективный – самосознание. Кем себя человек считает – русским, молдаванином, украинцем, тем он и является. Другого, по сути дела, не дано. Разве что еще мнение окружающих людей.

Сегодня можно проводить анкетирование, учитывать данные переписи населения, запись в паспорте. А что может археолог? Ведь у раскопанного скелета не спросишь, кем он себя считает – готом, гетом, славянином или сарматом. Своего мнения он нам не скажет. Да и как мы знаем от этнографов, ощущал он не столько свою принадлежность к некоему большому народу, сколько к объединениям меньшим – к роду и племени.

Племена могли существовать и сами по себе, но могли и создавать союзы, объединяться на некоторое время. В союзы входили как родственные по языку, происхождению и культуре племена, так и далекие в этом отношении друг от друга. Начинаясь процесс формирования народности, но союзы часто распались, и на их месте возникали новые, в ином несколько составе, иногда под руководством другого племени или рода. Процесс начинался снова.

То есть этнос всегда в движении, всегда в изменении. „В реку нельзя войти дважды“, – сказал один древнегреческий мудрец. Причем те самые моменты, совокупность которых и позволяет отличать один народ от другого, меняются с разной скоростью. Быстрее всего изменяется политическая ситуация. Для смены власти, завоевания, миграции, революции требуется год-два. А вызванные этим изменения культуры, стереотипов поведения растянутся, по крайней мере, на два поколения, то есть лет на 30–60. Изменения в языке будут протекать еще медленнее, особенно если не просто один язык вытесняет другой, а будет складываться некий третий, как, например, произошло с английским, соединившим германский саксонский с французским. На это потребуются уже несколько столетий, как и на изменение генофонда, антропологического типа. Последним процессам часто и не удастся завершиться, за это время политическая ситуация изменяется еще раз или два. У истоков каждого этноса, наверное, лежит то или иное политическое объединение, известное или не выявленное. Но процесс очень сложный. Если слились две реки, то какую из них считать истоком вновь образовавшейся. По названию? Но оно условно. Очевидно, каждый конкретный случай следует рассматривать отдельно.

Если союзу племен удавалось просуществовать в течение одной-двух сотен лет, это, по всей вероятности, и отражалось в явлении, которое мы называем археологической культурой. Впрочем, решить вопрос однозначно для любой археологической культуры мы не можем, каждый конкретный случай следует рассматривать особо.

Таким образом, утверждение, что за археологической культурой скрывается некий народ, этнос, не лишено определенного смысла, если не забывать о всех тех сложностях, о которых речь шла выше. Это этносы в определенной степени условные.

А можно ли выяснить, какой именно этнос скрывается за той или иной археологической культурой? Только иногда, далеко не всегда. Возможных путей решения этого вопроса два.

Путь первый. Если кто-нибудь из древних авторов с достаточной определенностью написал, что там-то и там-то, между какими-то реками (и если реки удастся отождествить с современными) жил в его время такой-то народ и там же расположена единая археологическая культура, то задача решается. И уже не важно, как этот народ сложился, какое население в него входило, современники, очевидно, воспринимали его как некое единство. Например, Иордан, автор VI века, пишет, что „на излучине Понта (то есть Черного моря) от Данастра до Данапра обитают славянские племена антов”. Там же располагается так называемая пеньковская культура VI–VIII веков. Правда, она несколько шире, пеньковские памятники есть и в Молдове, и на левобережной Украине. Но другие авторы VI века отмечают антов несколько иначе. Прокопий Кесарийский пишет, что они живут к северу от кутригуров, а те кочевали в степях между Днепром и Доном, то есть анты оказываются и в лесостепной части левобережной Украины. Из источников известно также, что анты неоднократно в середине VI века вторгались в пределы Византийской империи из-за Дуная и обитали где-то к северу от его устья. Так что наличие пеньковских памятников в Молдове тоже не удивительно. Но это случай почти идеальный и довольно редкий.

Чаще древние авторы, когда писали об отдаленных землях, не очень четко представляли себе реальную географию, знали ее лишь в самых общих чертах. Они перечисляют, скажем, ряд народов, населявших Северное Причерноморье, но границ между ними не указывают, следует лишь перечисление. Хорошо, если в этом списке число племен и народов совпадает с количеством культур, их локальных вариантов или культурных групп, видимых

при нанесении памятников на карту. Тогда с определенной долей вероятности можно делать сопоставления, хотя, конечно, на уровне догадки. А если число не совпадает? Тогда кто-то из перечисленных народов остается без культуры и соответственно без своего более точного места на карте или какие-то группы населения оказываются без этнического определения. Значит, или автор знал не всех, или под одной культурой скрывается несколько народов, или под одним названием древние объединяли людей разного происхождения и разных культур. Все эти варианты возможны. Остается надеяться, что раскопки и разведки принесут какие-то новые данные.

Удачным для этнического определения может оказаться такое стечение обстоятельств, когда письменные источники отмечают переселение какого-то народа на новые территории, а археологи для этого же времени отмечают находки вещей, аналогичных распространенным на исходных землях, и наблюдают возникновение новой культуры. С уверенностью можно предположить, что ее образование стимулировано именно появлением пришельцев: И опять же не так уж важно, что процесс был сложным, что в нем принимали участие, естественно, и местное население, и группы соседей, увлеченных передвижением. Северная Америка была колонизована не только выходцами из Англии, были там голландцы и немцы, французы и ирландцы, другие народы, даже русские. Все они вместе и создали новую американскую нацию. Сплав локальных вариантов общеевропейской культуры породил новую американскую культуру. В ходе колонизации выработался хорошо знакомый нам по вестернам стереотип поведения американцев, заметно отличавший их от европейцев.

Но и в том случае, когда данные письменных источников и археологии совпадают, вряд ли мы с уверенностью скажем об этнической принадлежности каждого погребенного или обитателя землянки на поселении. Единственное, что можно констатировать: мы имеем дело с остатками культуры тех людей, которых древние авторы называли, положим, анты.

Обращаясь к письменным источникам, не нужно забывать об их неравноценности: одним можно доверять больше, другим – меньше. Показания свидетелей следует проверять. Хорошо, когда два-три автора говорят об одном и том же и их данные совпадают. Достоверность таких сведений особенно весома. Сведения автора, современника событий, а тем более их участника, очевидно, ценнее, чем данные, записанные два-три века спустя. Поэтому, привлекая письменные источники, прежде всего предстоит выяснить, когда, при каких обстоятельствах было написано произведение, где жил и работал автор, чем он еще занимался, какими источниками информации мог пользоваться. Одно дело, когда перед нами научный трактат историка или географа, вроде трудов Тита Ливия, Корнелия Тацита или Страбона, другое дело, если мы знакомимся с записками политического деятеля, например, Юлия Цезаря, и третье, когда мы читаем поэтическое произведение или ученическое упражнение в риторике, в красноречии. Каждое произведение по-своему преломляло и так или иначе, больше или меньше искажало действительность.

Но это все случаи, когда нам известны письменные источники об интересующих нас территориях и народах. А если их нет? Тогда мы выбираем второй путь, сугубо археологический, так называемый ретроспективный и, сразу скажем, гораздо менее надежный. А начинается он всегда с того момента, когда данные письменных источников и археологии совпадают. От известного идем к неизвестному при следующем допущении: для существования этноса необходима передача культурных традиций от поколения к поколению. Родители обучают своих детей, старшие – младших. Поэтому, если мы имеем археологическую культуру, этническая принадлежность которой известна, и на той же или другой территории – иную, предшествующую первой культуру, а между этими двумя культурами есть связующие элементы – сходные вещи, аналогичные в чем-то обряд погребения и облик построек и поселений, мы можем предполагать, что передача традиций произошла, а следовательно, и вторая, более ранняя

культура принадлежит тому же этносу. И так, выясняя связь культур друг с другом, можно выстроить достаточно длинную цепочку, уходящую в глубь веков.

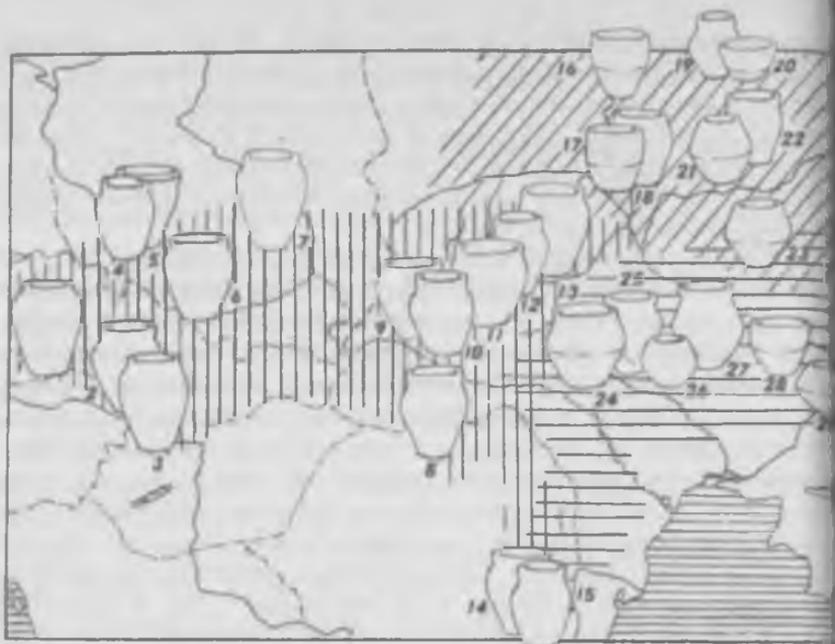
Учитывая, однако, все то, что говорилось об этносе и его культуре ранее, вы уже чувствуете определенную слабость построения такого рода. Но другого выхода нет, и ретроспективным методом можно пользоваться с соответствующими оговорками на его ненадежность, он дает скорее поводы для предположений истины, а не саму истину.

Рассмотрим, несколько упрощая, два примера. Один из недавнего прошлого, а второй из седой древности. Сегодня наша повседневная обиходная культура и жизнь очень мало напоминают жизнь москвитов конца XVII века времен Алексея Михайловича, хотя триста лет в историческом масштабе не так уж много. Большинство археологических культур так и существует именно по 200–300 лет, редко больше. Культура Московии времен Тишайшего отличалась удивительным своеобразием и была мало похожа на культуры окружающих стран. Ее атрибутами были русские церкви, иконы, высокие боярские шапки и шитые золотом песцовые шубы, красные кафтаны и бердыши стрельцов, сани, способ упряжки с дугой и оглоблями и т. д. Трудно найти где-нибудь что-то подобное. Резкую трансформацию эта культура претерпевает благодаря реформам и всей деятельности Петра. В России появляются камзолы, корабли, треуголки, шпаги, парики, шпили и колонны зданий и т. д. Россия вошла в круг европейской культуры, да, нужно сказать, и приток иностранцев из самых разных стран Европы стал достаточно большим. Коснулось это прежде всего горожан и дворянства, даже заговорившего по-французски, но деревня в основном сохраняла прежние традиции. Почти два столетия петровская культура эволюционировала без скачков и в том же ритме, в каком происходили изменения европейской культуры. Резкий перепад вызвала революция. В обстановке гражданской войны и „военного коммунизма“ начала складываться новая специфическая культура, затронувшая правда, лишь сравнительно узкую прослойку реввоенсоветов-

ских деятелей. В моду вошли кожанки, буденовки, галифе, маузеры, шинели и гимнастерки с „погуляями“. Поворот к нэпу прервал развитие этой культуры и снова включил Россию в европейский культурный круг, где в результате бурного процесса индустриализации и первой мировой войны произошли свои перемены. Фраки и сюртуки сменились пиджаками, длинные платья с турнюрами и без – короткими и т. д.

„Железный занавес“ сталинизма опять изолировал СССР от Европы и мира, в очередной раз возникла новая самобытная культура, проявлявшаяся в архитектуре тортообразного сталинского барокко, в живописи соцреализма, в законсервировавшейся с 30-х годов моде на широкие брюки, двубортные пиджаки с ватными плечами и велюровые шляпы. Снова мы были ни на кого не похожи. Наступила „оттепель“ 60-х, и мы приблизились к европейским стандартам и следуем за ними с тех пор, отличаясь лишь качеством и отставая на n-ное количество лет. Что принесет нам перестройка, пока говорить рано. При всех переменных, даже самых резких, можно уловить и элементы преемственности, причем иногда не сразу, а „через шаг“. Так в 1943 году были введены столь ненавистные в послереволюционные годы золотые погоны, мундиры милиционеров 50-х годов напоминали форму городских, а школьная форма девочек просто повторяет гимназическую, только платья короче.

На протяжении почти всего трехсотлетия в многонациональной стране сохранялось не столько русское, сколько российское самосознание основной части населения. Национальные формы были как бы вкраплены с различной интенсивностью в разных регионах в общероссийскую суперкультуру, создавая ее локальные варианты. Сходные процессы можно выявить и в древних культурах, но нужно учитывать, как уже говорилось, стабилизирующую и нивелирующую роль государственности. Мы уже заметили выше, что славянам-антам середины VI века соответствует так называемая пеньковская культура. Рядом с ней еще две синхронных и очень похожих культуры. С северо-запада примыкает пражско-корчакская, распространенная приблизительно от Праги до Житомира, а с северо-востока – колочинская, охватывающая территорию в основном вдоль Десны и Сейма. Отличаются

Карта распространения трех раннеславянских культур VI-VII вв. и основных форм горшков, их характеризующих (по П. Н. Третьякову). Горизонтальная штриховка – пеньковская культура, вертикальная – пражско-корчакская, косая – колочинская

эти культуры друг от друга лишь преобладанием различных форм горшков: в пеньковской больше биконических, в колочинской – цилиндро-конических, а в пражско-корчакской – с более плавным профилем, похожих на матрешку без головы.

В середине VI века, по словам Иордана, существовали три группы славянских племен – анты, склавины и венеты. Если анты были носителями пеньковской культуры, то склавином могла бы соответствовать пражско-корчакская культура, а венетам – колочинская. Не совпадает лишь одно. У Иордана имеются сведения о существовании антов и раньше, в конце IV века, когда пень-

ковская культура еще не сложилась. Они воевали против Винитая, вождя остготов, были разбиты, после чего победители распяли вождя антов Божа. Где конкретно происходили эти события, Иордан не сообщает.

В IV веке на территории, занятой позднее славянскими племенами, обнаружены две культуры: черняховская и киевская. Причем на Днепровском левобережье наблюдается довольно любопытная картина: и черняховские, и киевские памятники сосуществуют вперемешку. Можно найти поселения тех и других буквально рядом, в пределах одного километра. Дело в том, что реки левобережья, как правило, имеют широкую пойму. Вот здесь, на песчаных дюнах, и предпочитали селиться носители киевской культуры. А черняховцы тяготели к коренному берегу, к черноземам. Способы ведения сельского хозяйства у них были несколько различны, каждый жил в своей экологической нише, не очень мешая друг другу и не часто контактируя. Впрочем, известны и исключения. Так где же искать антов Божа и прочих славян? Черняховская культура на славянскую почти не похожа, поэтому предпочтительнее второй вариант: в киевской культуре.

Действительно специальные исследования показали, что колочинская и пеньковские культуры очень схожи с киевской по многим показателям. Однажды даже предлагалось название пеньковской культуры перенести на киевскую. Пражско-корчакская культура несколько отличается но, может быть, дело в том, что киевские памятники на левобережье специально исследовались, а к западу от Днепра таких работ не проводилось, хотя, как уже говорилось, отдельные находки киевской керамики отмечены здесь на черняховских поселениях, например в Лепесовке. Возможно, и на правобережье была чересполосица, пока не выявленная? Допустим, носители киевской культуры и есть те протославяне (от греческого „протос” – первый), первославяне, предки славян, известных Иордану. А как возникла сама киевская культура? Здесь мы оказываемся в положении богатыря на перекрестке трех дорог: куда ни пойдешь, все нехорошо.

Прямой путь от киевской культуры ведет нас к культуре зарубинецкой II-I веков до н. э. через так называемые постзарубинецкие памятники I-II веков н. э. Об этих культурах мы еще будем говорить во второй части книги и увидим, что, идя этим путем, мы попадаем не к славянам, а скорее к другому народу – бастарнам.

Исследователи отмечают в киевской культуре некоторые западные элементы, скорее всего пшеворские. Но, направляясь этой дорогой, придем опять в германский мир. Пойти направо, на север, в лесную зону? Некоторые общие элементы с культурами штрихованной керамики и днепро-двинской тоже есть. Но там расположена зона, где языковеды отмечают массу названий рек объяснимых лишь из балтских языков. Поэтому указанные культуры традиционно принято считать балтскими. Потомками древних балтов являются современные латыши и литовцы.

Получается, что нет славян, да и только. Такая ситуация возникает довольно часто при работе ретроспективным методом. Многие культуры имеют несколько корней, и мы далеко не всегда в состоянии узнать, какой из них именно был этническим.

Что касается конкретного случая со славянами, то мне видится решение этого вопроса через лесную зону и балто-славянское языковое единство, существовавшее, по мнению ряда лингвистов, в древности. Но это тема особая, о ней надо специальную книжку писать.

Все приведенные примеры нам были нужны для того, чтобы показать, сколь сложно соотношение этносов и культур. Они могут и совпадать, и не совпадать или совпадать на каком-то этапе истории, но не совпадать на следующем или предыдущем. Жесткие правила здесь не применимы, в каждой конкретной ситуации вопрос нужно решать особо, специальным исследованием, взвешиванием всех точек зрения. Историческая истина, как птичка в руках. Зажмешь ее в тиски строгих определений и категорических утверждений – задушишь, будешь держать слабо, в рамках фактов – вырвется и улетит, превратится в фантазию.

Можно сделать и другой вывод из изложенного. Если археологическая культура и отражает определенное состояние этносов

(все-таки за каждой из них стоит вполне реально существовавшее население, обладавшее определенным единством на данном этапе своего развития), то смена культур, их трансформации, передвижения и изменения явно указывают на какие-то политические, исторические события. Мы не можем знать их конкретный ход, имена участников, точные даты до года и дня, но то, что события происходили, археологические источники фиксируют. Как сейсмограф записывает на бумажной ленте смещение пластов в глубине земли, так и археология, изучая изменения культур, отмечает смещение этнических и социальных пластов древности. Поэтому даже когда мы изучаем культуры тех времен и тех территорий, о которых письменные источники молчат, мы можем с определенной долей вероятности восстановить в общей форме ход исторических событий и процессов. Мы не можем знать, как называли себя, на каких языках говорили люди, объединенные той или иной культурой эпохи бронзы или эпохи неолита, жившие четыре-пять и более тысяч лет тому назад, они будут фигурировать у нас под условными названиями археологических культур, но кое-что из их истории мы можем выяснить.

Как и в любой другой науке, в археологии много спорных вопросов, как и все ученые, археологи любят спорить. Не много найдется таких тем, по поводу которых не существовало бы расхождений, разных точек зрения и мнений. И это подтверждает банальную мысль: в спорах рождается истина. Не случайно люди издавна придумали процедуру суда с защитником и обвинителем. В руках у них одно и то же дело, те же самые факты, но преподносят они их с разных сторон, проверяют и опровергают друг друга, а уже третья сторона – судьи и присяжные – решают, кто более прав. Истина – результат судебного разбирательства, хотя без ошибок и здесь не обходится.

Так что спорить полезно и необходимо, важно только, чтобы спор был конкретным и корректным и не походил на спор Остапа Бендера с ксендзами, который ограничивался лишь утверждениями: „Бог есть!“ или „Бога нет!“. Иногда и археологи в своих спорах об этносах и археологических культурах попадают в по-

хожую ситуацию, и, если разобраться, оказывается, что суть расхождений коренится в различном понимании хода исторического процесса, в разных, скорее психологических, чем научных, установках. Одни, их называют автохтонистами, представляют себе дело так, что на Украине всегда, испокон веков жили украинцы, в Молдове – молдаване, в Польше – поляки и т. д. И с точки зрения обыденного сознания это выглядит вполне естественно, не менее естественно, чем вращение Солнца вокруг Земли. Что же касается исторических и политических бурь, передвижений и переселений народов, то они, по мнению автохтонистов, серьезной роли не играли. Культуры менялись, а народы оставались те же. И в какой-то мере они, наверное, правы. Хотя, если изменялась культура, а вместе с ней менялись и стереотипы поведения, язык, названия, то имеем ли мы дело с тем же самым народом или уже с другим? Обычно автохтонисты в качестве исходной точки выбирают какую-нибудь из культур эпохи бронзы на своей территории и от нее тянут цепочку преемственных культур вверх, до наших дней, но, следуя их логике, нужно опускаться и ниже, до обезьяно-людей эпохи палеолита. У каждого народа будет своя родная обезьяна.

Другой точки зрения придерживаются миграционисты, или аллохтонисты. Народы постоянно перемещаются, осваивают новые земли, прежде же население или выбивают, или покоряют и ассимилируют. Каждая новая культура – новый народ, и истоки его следует искать где-то на другой территории.

Автохтонисты, исходя из своего кредо – непрерывности проживания населения на одной территории, ищут факты, подтверждающие преемственность культур, и часто не находят. Аллохтонисты легко их разбивают, показывая, что между культурами больше различий, чем общего, что между ними то и дело выявляются хронологические разрывы. „Хорошо, – говорят автохтонисты, – вы утверждаете, что эта культура пришлая, но на той территории, откуда она пришла, – другая культура и, следуя вашей логике, другой народ”. Аллохтонисты не находят ответа.

Теперь попробуем взять на себя роль присяжных и вынести вердикт: кто же прав в этом споре. Думаю, что, исходя из всего

Спор автохтониста с аллохтонистом... и его результат
(по рисунку из польского научно-популярного журнала по археологии
„3 отхлани векув“)

сказанного выше об этносах и культурах, наш ответ ясен. Спор в такой форме не имеет смысла. Обе стороны и правы и не правы в своих утверждениях. Дело касается вопросов веры в тот или иной вариант хода исторического процесса. В громадном многообразии исторических процессов, происходивших на Земле, наверное, не так уж трудно найти территории и народы, развитие которых подтвердило бы модель автохтонистов. Но это будут случаи сравнительно редкие. При желании можно обнаружить в истории и события, подтверждающие модель аллохтонистов, когда целый народ, снявшись с места, переходил на другие земли, перенеся с собой и культуру. Истина, как часто бывает, находится где-то посередине. Но не обязательно строго по центру, а где-то в широком интервале между крайними точками. Во-первых, миграции принимали разные формы: не обязательно весь народ сразу покидал насиженное место, могла уйти часть населения или небольшие группы выходцев из разных мест, тогда переноса культуры и не происходило. Во-вторых, местное население, конечно, далеко не всегда исчезало полностью, чаще оно играло ту или иную роль в становлении нового общества, новой культуры. И таких вариантов – масса.

Как и что происходило, нужно решать на конкретном материале, по возможности отказавшись от тех или иных психологических установок. История так многообразна в конкретных проявлениях, и писать ее следует, как призывал еще историк Корнелий Тацит, „без гнева и пристрастия”. Археологам есть о чем поговорить не круша бессмысленно копий в спорах автохтонистов и аллохтонистов. Например, как уже ясно, очень важно выяснить соотношение разных культур. В каком случае можно говорить, что, несмотря на изменения, традиции одной культуры перешли в другую, а в каком случае – нет. Но при этом, очевидно, будет мало просто сравнить две культуры и подсчитать число общих элементов. Ведь обе существовали по 200–300 лет, то есть приблизительно столько же, сколько прошло со времен Екатерины или Алексея Михайловича. Корректнее сравнивать поздние памятники одной культуры с ранними памятниками другой, последующей. Иначе нас не будут устраивать промежутки в 200–300 лет, ранние и поздние памятники еще нужно вычленить из общей массы. Более точные даты нам необходимы и для сопоставления с данными письменных источников. О том, как вообще устанавливаются даты, поговорим несколько ниже, а до этого надо рассказать еще об одной процедуре археологических исследований, без которой невозможно ни датировать памятники, ни выделять культуры, ни сравнивать их. Речь пойдет об основном методе археологического исследования – типологии.

Типы и типология. Что такое типология? Изучение типов. Казалось бы, горшок всегда горшок, и меч всегда меч. Но горшок может быть выше и ниже, с округлыми бочками или ребристый, максимально расширен в верхней части или посередине, с венчиком более или менее отогнутым и узким или широким дном и т. д. Мечи бывают длинные и покороче, широкие и узкие, с перекрестием у рукоятки и без. Перекрестие тоже может иметь разную форму. Для того, чтобы как-то оперировать с огромной массой находок, сделанных археологами в разных странах, нужно привести их в какой-то порядок, классифицировать, разложить по полочкам. По одним признакам выделить типы, по другим

– подтипы, бывают серии похожих типов, варианты подтипов и т. д. Получается целая система, вещи неизбежно собираются в какие-то группы. Собственно говоря, любая наука классифицирует объекты своего изучения, будь это микрочастицы у физиков-атомщиков, звезды, планеты и другие небесные тела у астрономов, образцы пород у геологов и минералогов и т. д. О том, сколь важной может оказаться удачно сделанная классификация, свидетельствует пример с „Периодической системой” Менделеева.

Археологи постоянно занимаются классификацией своих материалов, параллельно подготавливая публикации раскопанных памятников, то и дело пишут специальные статьи, посвященные классификации тех-или иных категорий предметов. И такие работы очень выручают их коллег. Попался, скажем, на черняховском поселении обломок костяного гребня. Нам уже нет необходимости пролистывать громадное количество публикаций разных памятников, чтобы найти похожий и реконструировать его форму полностью, потому что еще в 1969 году Галина Федоровна Никитина уже собрала и классифицировала все гребни, относящиеся к черняховской культуре, а немецкая исследовательница Зигрид Томас еще раньше проделала такую же работу по всем памятникам Центральной Европы. Достаточно обратиться к этим двум работам и нужная нам форма почти наверняка найдется. В них будет указано, на каких конкретно памятниках такие гребни встречены, с какими вещами вместе, как они датируются и на каком основании.

Работы этого рода значительно облегчают археологам и общение друг с другом. Например, еще в конце прошлого века шведский исследователь Оскар Альмгрен объехал все европейские музеи, собрал и классифицировал фибулы первых веков нашей эры, так называемого римского времени, выделил 247 типов. Эти застежки плаща весьма разнообразны по конструкции и форме, в двух словах каждую из них не опишешь, а в книжке Альмгрена даны хорошие иллюстрации. Поэтому специалисты в беседах друг с другом и в своих работах описания опускают и просто ссылаются, положим, на фибулу Альмгрен 61 или фибулу VI группы Альмгрена. И все всем понятно.

С выделением же типов, подтипов, вариантов и т. д. не всегда все бывает просто. Что значит узкий и широкий? Низкий и высокий? Где кончается одно и начинается другое? Приходится делать промеры, сопоставлять пропорции, выделять какие-то условные пределы того или другого. Все чаще археологи начинают прибегать к математике, применяют различные формулы, выражаются с помощью графиков, гистограмм. Они пользуются ЭВМ для расчетов, что позволяет иногда разбивать на типы и группы те объекты, которые, на первый взгляд, кажутся почти неразличимыми.

Выделение археологической культуры, по сути, тоже можно считать процедурой классификации, только уже не отдельных предметов, а их совокупности, сочетаемости, распространения. Археологи немало спорили, какой должна быть эта процедура выделения культур и типов. Выделять ли сначала культуру, а потом изучать типы внутри нее или сначала выделить побольше типов, а потом уже культуру. Сразу вспоминается вечный спор о том, что было вначале – курица или яйцо? Одного не бывает без другого. Прежде всего, естественно, выделяются типы и культуры, которые определимы „на глазок”, интуитивно. Более тщательное исследование или подтверждает, или опровергает эти предварительные выводы, вносит уточнения. С учетом последних опять возникают новые интуитивные предложения, они снова проверяются и уточняются и т. д.

Много дискутировали археологи о том, что же собой представляют выделяемые нами типы: объективная ли это реальность или наш сугубо субъективный инструмент познания. Спор не имел особого смысла, потому что это и то, и другое.

Все вещи в мире существуют реально, но все они даны нам лишь через наше сознание, лишь постольку и настолько, насколько мы можем ощущать их. Не важно как – видеть, трогать или вычислять их с помощью компьютера. Это уже дело техники нашего контакта с вещью. Очевидно, муха видит мир иначе, чем мы с вами. И каждый из нас видит любой предмет чуть иным в силу специфики своего организма, своей культуры. Вспомните известную восточную притчу о семи слепцах, ощупывающих слона. Один сказал, что слон похож на веревку, потому что ему попался хвост, другой, что слон похож на дерево или колонну, так как он наткнулся на ногу и т. д.

Поскольку выйти за рамки нашего сознания мы при всех обстоятельствах не в состоянии, будь то персональное сознание, коллективное сознание какой-то группы людей или всего человечества, то и любой предмет мы воспринимаем несколько отличным от того, каков он есть на самом деле. Как заметил великий немецкий философ Иммануил Кант, мы вынуждены всегда носить „пространственно-временные очки нашего сознания“. С этим ничего не поделаешь. Но, даже уяснив с их помощью внешний вид предмета, мы еще ничего не знаем о том, что внутри него, не ведаем его химического состава, молекулярного строения и т. д. Всегда какая-то часть любого предмета, явления остается непознанной, неисследованной. Обнаружив для себя какую-то иную сторону предмета, мы тут же сталкиваемся с новыми вопросами, и процесс этот бесконечен.

В двух последних пассажах мы вторглись в ту часть науки археологии, где она соприкасается с наукой всех наук – с философией, точнее, с тем ее разделом, который называется теорией познания, гносеологией. Как видите, определенные знания в этой области археологу тоже необходимы, тем более что философия приучает к размышлению, обостряет наши мыслительные способности. Игнорировать ее в процессе освоения своей профессии не следует.

Таким образом, с одной стороны, археология вполне самостоятельная наука. У нее есть и свои источники, и свой предмет изучения – памятники древности, и своя методика – типология. Что же касается раскопок, то это своего рода экспериментальная база нашей науки. Появляются в последние годы попытки теоретического осмысления археологии как науки, создания теории археологии. Но, с другой стороны, археология остается дисциплиной вспомогательной, является частью истории, пытается своими методами, по своим источникам восстанавливать ход исторических событий и процессов. А какая же история без дат? Прежде всего нужно выяснить, когда случилось событие, а потом уже все остальное. Потому что, как говорил еще мудрейший Козьма Прутков, „Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины, а где последствия?”

Как узнать время? Посмотреть на часы, на календарь. Мы уже довольно много дат называли, упоминая те или иные культуры. А откуда мы их знаем? Ведь ни на одном черепке, ни на одной вещи никаких дат не проставлено.

Первый и самый распространенный способ – мысленно двигаться по цепочке аналогий. Скажем, в черняховском погребении найдены гончарная миска, стеклянный кубок и костяной гребень. Гребни такого типа известны не только в черняховской культуре, но и в погребениях Центральной Европы. В одном из них гребень сочетается с фибулой определенного типа, а такая фибула оказалась и в составе монетного клада, самая поздняя монета которого чеканена при императоре Константине, правившем с 306 по 337 год н. э. Следовательно, клад с фибулой мог попасть в землю никак не ранее 306 года, начала правления Константина. Мог попасть и позже, но со временем эта вероятность понемногу уменьшается. Во всяком случае мы имеем вполне определенный хронологический указатель – не ранее 306 года, только позднее – *terminus post quem*. Стеклянные кубки такого типа тоже известны, в том числе с монетой императора Проба 276–282 годов н. э. Как видим, сочетание этих дат помогает выявить ориентировочное

время погребения. Однако период бытования данного типа мисок, гребней и кубков не обязательно полностью совпадает с датами монет. Монета фиксирует лишь один из моментов этого бытования, хотя и с достаточной надежностью. Да и само время бытования не может отстоять слишком далеко от даты монеты.

Таким образом, получается, что погребение, совершенное в один какой-то день, датируется несколькими десятилетиями – временем совместного бытования вещей, попавших в могилу. Можно говорить даже об „узкой” датировке, более надежной, когда бытовали все вещи комплекса совместно, то есть в интервале между временем появления типов более поздних и исчезновением из обихода типов более ранних, и о „широкой” – времени бытования всех вещей данного комплекса вообще, которое может охватывать сто лет и более. Вероятность совершения захоронения в тех частях „широкой” даты, которые выходят за „узкую”, естественно, меньше, но полностью исключать ее нельзя.

Нужно, очевидно, учесть еще один момент. Каждый тип вещей существует во времени неравномерно. Поначалу их делают немного, так сказать, опытную партию, затем такие вещи входят в моду, получают широкое, массовое распространение, потом из моды выходят, но продолжают еще некоторое время использоваться. Они могли попасть в могилы, но в сочетании с другими, более поздними предметами.

Если для культуры набирается десяток-другой таких цепочек аналогий да десяток-другой датированных таким образом комплексов, можно говорить и о периоде существования культуры.

Только ли монеты могут служить фундаментом для расчета датировок? В основном – да, хотя есть и некоторые другие способы их определения. Например, известно, что при извержении Везувия в 79 году н. э. погибли города Помпеи и Геркуланум. Следовательно, все найденные там вещи относятся ко времени не позднее этой даты. Если мы найдем вещь, аналогичную обнаруженной в этих городах, у нас опять будет определенный ориентир, но уже *terminus ante quem*, то есть до определенного срока. Слои разрушения городов и крепостей врагами тоже дают *terminus*

ante quem для всех находок. Разрушение же самого слоя может определяться как по найденным в нем монетам, так и исходя из исторических свидетельств. Так, например, известно, что в 260 году н. э. германцы-алеманы прорвали границу Римской империи на участке между Рейном и Дунаем, так называемый рэтийский лимес, и заняли прилегающие земли – „декуматские поля”. Римские крепости-кастеллы были разрушены, на „декуматских полях” появились поселения и могильники алеманов, кстати любопытного племени, образованного выходцами из разных частей Германии (что отразилось в названии – „всякие люди”, „сброд”). Находки в разрушенных крепостях и с памятников „декуматских полей” получают соответственно хронологическую привязку, а следовательно, и аналогичные им вещи из глубин Германии.

Система крепостей, башен и укрепленных лагерей легионов, которые римляне построили вдоль своей границы по Рейну и Дунаю, вообще дает достаточно большие возможности для хронологических определений I–IV веков н. э. Некоторые укрепления существовали недолго – по 5–10 лет, другие перестраивались, совершенствовались (известно, при каких императорах), разрушались варварами или самими римлянами при внутренних неурядицах. Известны даты этих событий, проверяемые находками монет.

Но это для римского времени. А для других эпох? Хорошим хронологическим индикатором могут оказаться ручки амфор – специальных остродонных сосудов для перевозки вина и оливкового масла. В V–III веках до н. э. в греческих городах-государствах были специальные чиновники-астиномы, которые на ручках амфор ставили свое клеймо, удостоверяя, очевидно, точность объема сосуда, а возможно, и качество содержимого. Существовала своего рода государственная приемка. Мудрые греки понимали, что выпуск некачественного продукта подрывает как престиж государства, так и торговлю. Имена астиномов встречаются и на датированных надписях из этих городов,

амфоры иногда находят в датированных слоях, и исходя из этих данных, время проставления большинства клейм удается определить с точностью до 20–30 лет.

Для более ранних эпох принцип датировки остается тем же, только цепочки аналогий длиннее, а соответственно и даты менее надежны, более приблизительные. Но восходят они в конечном итоге к каким-либо находкам из мира древних цивилизаций – Египта, Ближнего Востока, Малой Азии.

А как быть со временем еще более ранним, когда ни монет, ни письменности еще на земле не было? Здесь приходится обращаться к физикам-ядерщикам. Они установили, что любая сгоревшая органика, то есть уголь, содержит радиоактивный изотоп углерода – C^{14} . Образовавшись, он тут же начинает распадаться, скорость этого распада физики подсчитали, а следовательно, могут сказать и сколько лет прошло с момента пожара. Для этого существуют специальные приборы и лаборатории. Сдаешь физикам уголь, они говорят его дату. Для большей надежности несколько образцов нужно послать в разные лаборатории, а потом из всех полученных дат вывести среднюю. Первоначально, когда этот метод разрабатывался, физики исходили из того, что распад C^{14} идет равномерно, потом оказалось, что скорость его по разным причинам менялась. Теперь во все полученные ранее даты нужно вносить изменения, делать калибровку, для чего составлены специальные таблицы.

Метод этот, естественно, применяется для всех эпох, но физики тоже дают ориентировочную дату – ± 100 лет. Не многим точнее, чем при обычной археологической методике. Кроме того, физики говорят, что чем ближе образцы к современности, тем менее надежны их определения: по разным причинам происходят сбои.

Есть метод и у геофизиков. Оказывается, магнитный полюс Земли меняет свое место, а обгоревшая глина сохраняет магнитную напряженность времени обжига. Таким образом, любая глиняная печка или очаг могут служить источником хронологической информации. Нужно лишь точно измерить ее положение к стра-

нам света, пометить на образце, взять его инструментом не магнитным, то есть не железным, и отдать физикам. Они определят, когда глина обжигалась. Но метод тоже небезупречный. Дело в том, что изменение магнитного поля Земли происходило неравномерно, и шкалу этих изменений геофизики строили на наших же археологических датировках.

Со временем, когда оба физических метода будут усовершенствованы, они, вероятно, станут основными для археологов, но пока особых преимуществ перед археологическими они не дают, за исключением, конечно, тех случаев, когда мало или совсем нет датированных находок.

Стоит сказать еще об одном методе – дендрохронологическом. Годовые кольца на пнях, на бревнах все видели. Можно считать с точностью до года. Годовые кольца бывают разной ширины, в благоприятные годы шире, в плохие – уже. Сопоставляя спилы разных деревьев, последовательность чередования узких и широких колец, можно получить довольно длинную шкалу. А если включить в нее бревна из построек, дата которых известна, скажем, из церкви, упомянутой в летописях или документах, то остальное подсчитать уже совсем нетрудно, а главное, с большой точностью. Для северных древнерусских городов – Новгорода, Старой Лядоги и других, где хорошо сохраняется дерево, этот метод чрезвычайно важен. Но вообще дерево сохраняется в земле плохо и пока дендрохронологическая шкала не опускается ниже IX века. Появились, правда, в последнее время сообщения, что французским и немецким дендрохронологам удалось довести свою шкалу до III века до н. э., но мы ею пока пользуемся редко – дерева мало.

Нетрудно заметить, что в цепочках аналогий наборы вещей зачастую повторяются. Впервые на это обратил внимание еще на заре археологии – в 1896 году – шведский исследователь Оскар Монтелиус: „...Есть вещи, которые часто выступают вместе в „закрытых комплексах“, есть вещи, сочетающиеся друг с другом редко, и есть вещи, не встречающиеся вместе никогда“. Это он тогда же ввел в нашу науку понятие „закрытой находки“ или „за-

крытого комплекса", то есть комплекса, относительно которого не возникает сомнения, что все найденные вещи попали в землю одновременно, в один момент. Это может быть погребение, клад, разрушенное жилище и т. д. Монтелиус же явился основоположником типологического метода вообще, показав, что эволюция типов вещей может проверяться как при помощи стратиграфии, когда одна могила перерезает другую, более раннюю, так и самими наборами сочетающихся друг с другом вещей. Им же была предложена первая общеевропейская система хронологии, основывающаяся именно на наблюдениях такого рода: постоянно сочетающиеся друг с другом вещи образуют периоды или, как их стали позднее называть, ступени хронологии.

На первых порах наблюдения велись на глазок. Археологи, обладавшие недюжинной памятью, колоссальной эрудицией и блестящими комбинаторными способностями ума, держали в голове сотни типов вещей и комбинаций их сочетаемости в закрытых комплексах и описывали результаты своих сопоставлений. Блестящими примерами таких работ могут быть исследования Отто Тышлера, Пауля Рейнеке, Эрика Блюме, Ганса-Юргена Эггерса.

Но затем все чаще ученые стали прибегать к довольно простому приему составления корреляционных таблиц типа турнирных. В спорте на таких отмечается, кто с кем сыграл и с каким счетом, а здесь — какие типы встречены вместе, сколько раз и в каких комплексах. Таблицы позволяют делать наблюдения, которые на глазок подчас и не заметишь.

Одним из пионеров работ такого рода был советский исследователь П. П. Ефименко, успешно применивший в 20-е годы корреляционные таблицы для разработки хронологии нескольких больших могильников раннего средневековья, расположенных в районе Рязани. Но потом эта методика, как часто у нас бывает, почему-то забылась, тогда как европейские археологи в послевоенные годы стали ею пользоваться достаточно широко, и в результате в области хронологических разработок ушли далеко вперед, значительно улучшив и уточнив ту систему хронологических определений, которая была создана еще в начале века.

На сегодняшний день выделяется ряд эпох: гальштат (VIII века до н. э.), латен (V-I века до н. э.), римское время (I-IV века н. э.), переселения народов (V-VI века н. э.). Каждая эпоха подразделяется еще на несколько ступеней, обозначенных буквами с цифрой - A₁, B₁ и B₂, C₁, C₂ и C₃ и т. п. Иногда различаются более мелкие подразделения - B_{1a}, B_{1b}, C_{1a} и C_{1b} - или переходные ступени - B₂/C₁ и т. д.

В последние годы у нас все чаще появляются работы с применением корреляционного метода, но к созданию системы мы только-только собираемся приступить. А пока выводим наши цепочки аналогий на европейскую систему и по ней определяем даты. Иногда это „работает“ хорошо, а иногда, возможно, и дает искажения. Время бытования одних и тех же типов вещей, имеющих широкое распространение, может совпадать не полностью на разных территориях.

О том, что конкретно представляет собой европейская хронологическая система, мы будем говорить во второй части книги. Отправляясь путешествовать в прошлое, нам придется вооружиться этими знаниями.

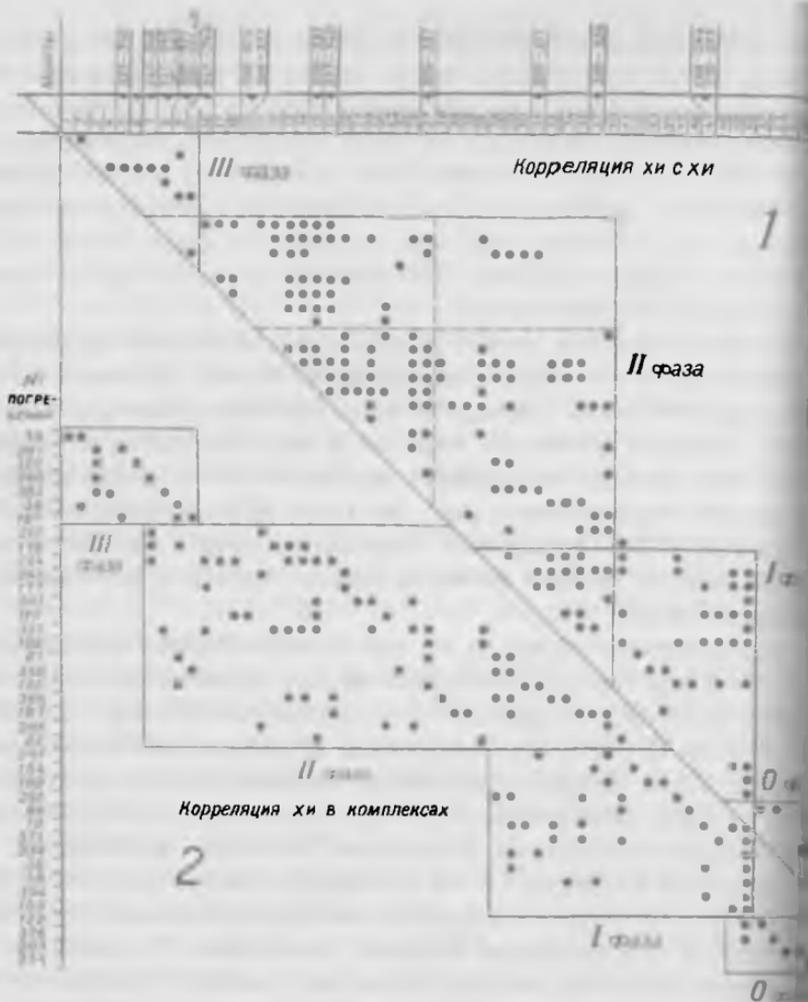
Но об этом позже, а пока, наверное, есть смысл рассказать, как делаются корреляционные таблицы и что из этого получается. Коррелировать можно предметы из погребений одного могильника, если он достаточно большой - не менее двух десятков захоронений, вещи из всех закрытых комплексов культуры или с определенной территории. Чем больше закрытых комплексов, чем репрезентативнее выборка, тем лучше. Для начала удобно обзавестись двумя наборами карточек: с изображением всех встречаемых в выборке типов вещей, где будут перечислены номера погребений, откуда такие типы происходят, и самих комплексов. Можно, конечно, обойтись и без карточек, просто пользоваться книжками с публикациями памятников. Но опыт показывает, что затраты времени на изготовление карточек окупаются.

Далее, пронумеруем все типы вещей, которые будем коррелировать. Это будут наши хронологические индикаторы (XI)

ещи, встреченные в погребениях один раз, в „игре”, естествен-
но, участия не принимают. Затем на листе разлинованной на
сетки бумаги выпишем эти же номера и по оси абсцисс, и по оси
ординат и начнем, перебирая карточки с комплексами, отмечать в
поле таблицы сколько раз какой тип сочетался с другим. Отме-
тать придется дважды, и по одну сторону от биссектрисы, раз-
деляющей наш прямой угол осей координат на две части, и по
другую. Это понятно. Можно ограничиться, конечно, и одной поло-
виной, они ведь одинаковые.

Поначалу картина может получиться достаточно хаотичная,
но переставляя XI , меняя их местами, можно добиться того,
чтобы данные в поле таблицы начали группироваться вдоль диа-
гонали, образуя скопления, кластры в виде квадратов (или тре-
угольников, если мы пользуемся половиной поля). Третий-четвер-
тый вариант перестановок дает уже более выразительную карти-
ну, а уж десятый – наверняка. Главное, не делать механических
ошибок, работа требует внимательности. Но и эта таблица еще
предварительная.

Составляем следующую. На одной оси координат обозначаем
наши XI в том порядке, в котором они выстроились на предвари-
тельной таблице, а на другой оси – номера погребений, комплек-
сов. В поле точками или крестиками отмечаем случаи находки
каждого XI , в каждом комплексе. Картина может получиться
опять не очень выразительная, но мы можем добиться ее улучше-
ния, получения кластров, передвигая полоски комплексов, а
иногда меняя и порядок XI . Не занимаемся ли мы подгонкой? Да
нет. Саму сочетаемость предметов мы ведь не меняем, от объек-
тивности не отказываемся. Впрочем, некоторые XI , может быть,
придется и выкинуть, они идут через всю таблицу, сочетаются со
всеми другими, с большинством их. Впрочем, это сигнал к тому,
чтобы к данному типу повнимательнее приглядеться. Не скры-
вается ли за ним несколько объединенных нами подтипов, ва-
риантов? Может быть, удастся выделить вещи, различающиеся
размерами, пропорциями, какими-нибудь деталями. Горшок
горшку, фибула фибуле – рознь. Если получилось, то попутно мы

Пример работы корреляционным методом (обработка О. В. Шаровым материалов могильника черняховской культуры Данченцы в Молдове). 1 – корреляция хронологических индикаторов XII друг с другом (показана лишь первая таблица сверху от диагонали, так как нижняя ее повторяет); 2 – корреляция XII в комплексах могильника (определены абсолютные даты по находкам вещей, аналогичных данченским, в комплексах с монетами; даты монеты даны в верхнем ряду)

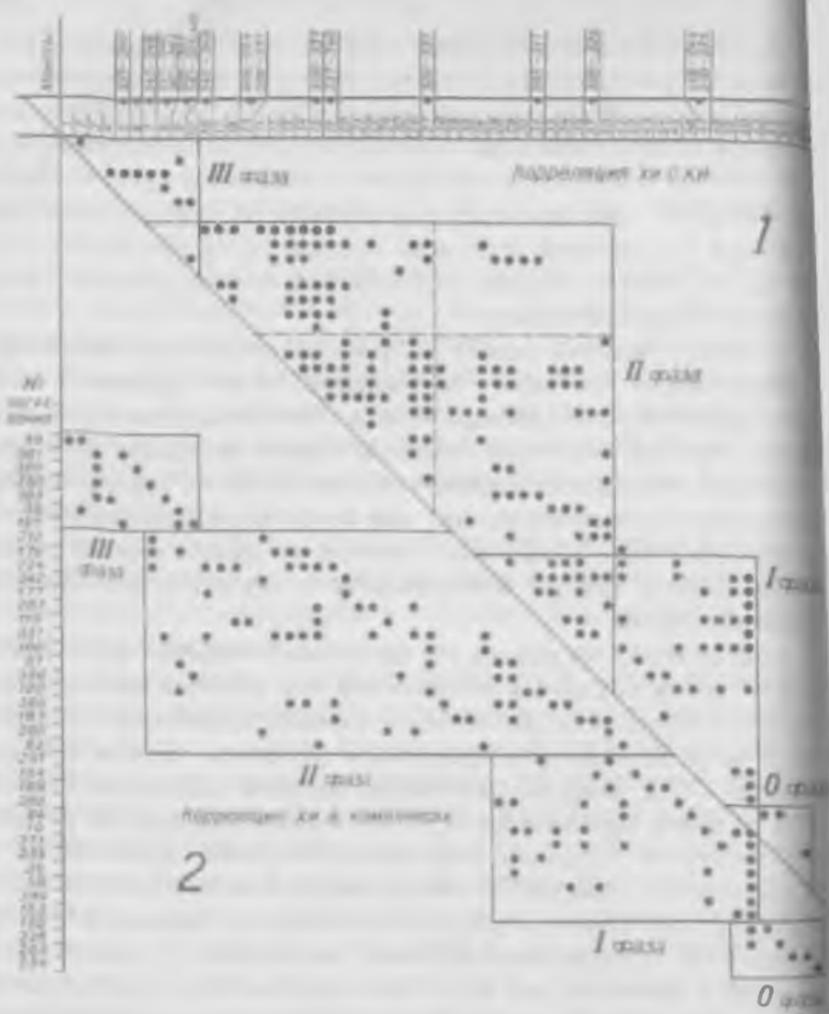
выполнили еще одну задачу, улучшили типологию. Если же нет, значит, этот тип к корреляции индифферентен, и его можно безболезненно убрать.

Итак, в конечном счете и на второй таблице нам удалось получить какие-то группировки – кластры (см. вкл.) Что за ними скрывается? Группы древнего населения, носившие разные костюмы. Ведь фибулы, булавки, пряжки, бусы, сережки, браслеты и прочее – все детали костюма погребенного. А по костюму прежде всего различаются мужчины и женщины. Это следует иметь в виду, и если пол погребенных известен, то комплексы мужских и женских погребений лучше сразу же коррелировать отдельно.

Могут, конечно, за полученными кластрами скрываться и какие-то другие группировки людей внутри одной общины, если мы коррелировали материалы могильника, всей культурной общности или закрытые комплексы археологической культуры. Ведь представители разных социальных группировок – знать, воины, свободные общинники, рабы или другие зависимые люди – могли погребаться и по разным обрядам, с разным набором вещей, положенных в могилу. Вероятны и другие причины различия, вплоть до обстоятельств смерти.

Но почти наверняка здесь отражается еще одно. На примере сегодняшней нашей жизни, из истории и этнографии мы знаем, что в любом обществе жизненные установки, мода, а следовательно, одежда и украшения у представителей разных поколений в той или иной степени отличаются. Именно эти различия мы скорее всего и улавливаем. Границы между кластрами не очень ясные, как не очень четки, текучи границы между поколениями. Все же прочие обстоятельства, о которых говорилось, скорее смазывают картину.

Хронология у нас здесь получится относительная. Мы знаем последовательность смены группировок вещей, но нам не известны ни длительность существования каждой группировки, ни положение ее в абсолютном счете времени. И помочь здесь в силах лишь цепочка аналогий: находки, интересующие нас, выводятся на абсолютные даты монет или других хронологических

Пример работы корреляционным методом (обработка О. В. Шаровым материалов могильника черняховской культуры Данчены в Молдове). 1 – корреляция хронологических индикаторов XI друг с другом (показана лишь часть таблицы сверху от диагонали, так как нижняя ее повторяет); 2 – корреляция XI в комплексах могильника (определение абсолютных дат по находке вещей, аналогичных данченским, в комплексах с монетами; даты монеты даны в верхнем ряду)

выполнили еще одну задачу, улучшили типологию. Если же нет, значит, этот тип к корреляции индифферентен, и его можно безболезненно убрать.

Итак, в конечном счете и на второй таблице нам удалось получить какие-то группировки – кластры (см. вкл.) Что за ними скрывается? Группы древнего населения, носившие разные костюмы. Ведь фибулы, булавки, пряжки, бусы, сережки, браслеты и прочее – все детали костюма погребенного. А по костюму прежде всего различаются мужчины и женщины. Это следует иметь в виду, и если пол погребенных известен, то комплексы мужских и женских погребений лучше сразу же коррелировать отдельно.

Могут, конечно, за полученными кластрами скрываться и какие-то другие группировки людей внутри одной общины, если мы коррелировали материалы могильника, всей культурной общности или закрытые комплексы археологической культуры. Ведь представители разных социальных группировок – знать, воины, свободные общинники, рабы или другие зависимые люди – могли погребаться и по разным обрядам, с разным набором вещей, положенных в могилу. Вероятны и другие причины различия, вплоть до обстоятельств смерти.

Но почти наверняка здесь отражается еще одно. На примере сегодняшней нашей жизни, из истории и этнографии мы знаем, что в любом обществе жизненные установки, мода, а следовательно, одежда и украшения у представителей разных поколений в той или иной степени отличаются. Именно эти различия мы скорее всего и улавливаем. Границы между кластрами не очень ясные, как не очень четки, текучи границы между поколениями. Все же прочие обстоятельства, о которых говорилось, скорее смазывают картину.

Хронология у нас здесь получится относительная. Мы знаем последовательность смены группировок вещей, но нам не известны ни длительность существования каждой группировки, ни положение ее в абсолютном счете времени. И помочь здесь в силах лишь цепочка аналогий: находки, интересующие нас, выводятся на абсолютные даты монет или других хронологических

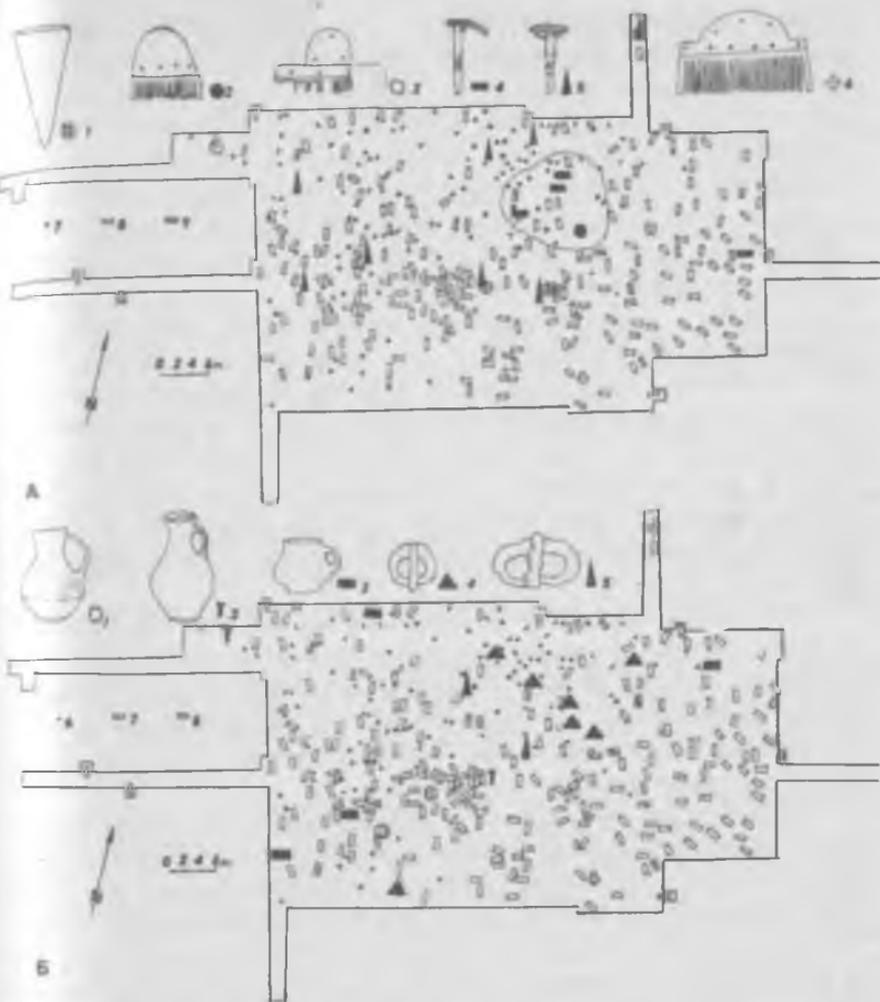
определителей, для чего на заключительном этапе в корреляцию можно включить и одиночные вещи, если они дают возможность выхода на абсолютные даты. Определенные преимущества мы все же получим. Если из трех выделенных хронологических групп, ранняя и поздняя имеют выход на абсолютные даты, а средняя – нет, она все равно как бы зажимается ими.

Корреляционный метод часто используется в сочетании с методом горизонтальной стратиграфии. Если на плане могильника отметить условными значками погребения разных групп, полученных при корреляции, или некоторых наиболее выразительных вещей из них, то можно будет наблюдать и эволюцию могильника, фазы его использования. Совершались ли захоронения сначала в центре, а потом ближе к периферии или от одного края к другому. А за этим кроется еще одна возможность. Погребения, не попавшие в корреляцию из-за малого количества находок или по другой причине, могут быть продатированы исходя только из места их положения на плане могильника.

В общем же при удачном стечении обстоятельств оба метода позволяют устанавливать даты с точностью до 20–30 лет, во всяком случае, до 50. В результате мы имеем возможность представить изучаемую культуру, а следовательно, и оставившее ее сообщество людей в эволюции, в динамике. Нет необходимости говорить, сколь это важно для нашей конечной цели – реконструкции исторических процессов.

Может оказаться так, что одни могильники были заложены раньше или позже, чем другие той же культуры, со временем изменялись ее границы. Нам станет известно, когда именно, на какой ступени эволюции культуры ее носители вступали в контакты с теми или иными соседями и т. д.

Не следует, правда, забывать и о некоторой условности наших хронологических определений. Любая хронологическая система, разработанная с применением корреляционного метода, представляет собой как бы сетку, где вертикальные ряды ячеек образуют фазы эволюции могильников, стадии изменений культуры или ступени общих изменений на более широкой терри-

Пример использования горизонтальной стратиграфии (планиграфии) могильника Будешты в Молдове (по Иону Ионице). Относительно более ранние вещи концентрируются в центральной части могильника. А: 1 – стеклянные кубки, 2, 3, 6 – роговые гребни, 4, 5 – фибулы. Б: 1–3 – гончарные кувшины, 4–5 – пряжки

тории, а Горизонтальные ячейки – вещи или наборы, имевшие широкое, интеррегиональное распространение и синхронизирующие вертикальные ячейки друг с другом. Причем в основе своей это система относительной хронологии, то есть ячейки могут сжиматься, растягиваться, перекашиваться. Потянув „сетку” в одном месте, мы почти неизбежно вызовем трансформацию ее и в другом. И только в некоторых местах эта „сетка” закреплена за абсолютные даты более или менее жестко, что ставит пределы возможным трансформациям системы.

Конечно, хронологическими изысканиями археологи не ограничиваются. Интересует их и многое другое. Способы ведения хозяйства людей изучаемых культур, социальная структура этих обществ, их идеология – верования, ритуалы, представления о мире и т. д. Здесь чаще всего привлекаются параллели из этнографии, данные письменных источников. Есть достаточно любопытные примеры более или менее удачных разработок и в этих областях. Но обо всем не расскажешь. Пока что ограничимся сказанным.

Что делать археологу за письменным столом? За письменным столом обычно пишут. Но прежде чем что-то написать, нужно прочитать все, что до тебя написали по интересующему вопросу. Всего, однако, сразу не перечитаешь. Но образованный человек отличается от невежды не тем, что знает много, а тем, что знает, где и что можно узнать.

Поэтому все начинается с библиографии. На столе всегда стоит несколько ящичков с библиотечными каталожными карточками, тут же пачка чистых карточек, некоторые заводят и настоящий библиотечный куб. За жизнь карточек накапливается много.

Вы спросите, зачем это? Ведь есть в библиотеках каталоги и алфавитные, и систематические, и с подборкой книг по темам. Составлением их занимаются профессионалы – библиографы. Есть специальные библиографические справочники. Все это так, но пользоваться приходится не одной библиотекой, а несколькими. Ни один библиограф не составит именно такой библиографии, именно по тем разделам, которые могут понадобиться вам.

читая ту или иную книгу, всегда натыкаешься или на какие-то сведения, или на ссылки на другие работы, которые в данный момент тебе не нужны, но могут понадобиться в будущем. Проще сразу написать карточку и поставить в соответствующий раздел, чем потом искать по каталогам и библиографическим справочникам. Хотя и ими, конечно, постоянно приходится пользоваться.

Каждая библиотека раз в полмесяца или в месяц устраивает выставку новых поступлений. Прочитать сразу все выложенные книги невозможно, можно лишь пролистать. Поэтому опять же выписываешь названия необходимых или чем-то заинтересовавших статей и книг на карточки и ставишь их в свою картотеку. Возникнет необходимость, взять уже будет несложно.

Поначалу я экономил время и не всегда писал на карточке все полностью. Но потом понял, что экономии не получается. Доведется через несколько лет сослаться на эту книгу и придется опять идти в библиотеку, заказывать некогда уже читанную книгу ради того, чтобы вставить инициалы автора, год или место издания, номера страниц и т. д. Посмотреть это на карточке – дело минутное.

Хорошо карточки еще и дублировать, одну ставить в тематический каталог, другую – в алфавитный, по авторам. Когда нужно найти соответствующее издание для ссылки, то во второй это сделать легче.

Конечно, коллекционированием карточек с названием работ ограничиваться не приходится. Книги нужно читать, и не только читать, но и штудировать – конспектировать, делать выписки, перерисовывать рисунки вещей из комплексов, карты их распространения и т. д. Под рукой всегда должен быть листик кальки или тонкой полупрозрачной почтовой бумаги. Прорисовывается тот или иной вызвавший интерес комплекс, нужно не забыть подписать, откуда, из какого издания он взят, выписать и литературу, на которую сослался автор, не всегда сразу к этой литературе обратишься, но впоследствии может пригодиться. Опять дублирование? Но, право, это в конечном итоге экономит время.

Выписки, заметки, прорисовки из книг и полевых отчетов, зарисовки вещей из музейных коллекций и фондов экспедиций вместе с записями возникающих тут же собственных соображений (потом могут забыться) собираются, раскладываются по соответствующим папкам и папочкам. Перекладывать, сортировать их порой кажется излишней тратой сил, руки все время не доходят, но это полезно. Иногда именно в процессе таких необязательных действий появляются какие-то наблюдения, соображения, возникают версии, идеи.

Впрочем, рождаются они в самых разных местах, порой в совсем неподходящих, при довольно неожиданных ассоциациях. Как и в любом творческом процессе. Стимулом может быть и случайно взятая с полки книга или статья, и разговор с приятелем, с коллегой. Необходимость быстро отреагировать на замечание оппонента высекает искру. Каков механизм этих процессов нейрофизиологи, занимающиеся деятельностью мозга, пока еще, насколько я знаю, не выяснили. Но это их забота.

Если же искра высечена, соответствующая папка достаточно разбухла и в картотеке немало карточек, значит, пора браться за эту тему. Идею проверить, сопоставить данные, взять еще не протудированные книги, перечитать уже читанные, проследить цепочки взаимных ссылок, проверяя их, возможно, составить карты, таблицы и т. д.

Даже если возникшая первоначально версия не подтвердилась или подтвердилась не полностью, писать все равно пора.

Во-первых, новые версии могут возникнуть в процессе работы. Во-вторых, уже сама сводка материалов будет полезна, только нужно их обработать, выяснить, какие данные надежны, а какие – не очень, что ясно сейчас, а что – еще нет. И сделать это надо честно и четко. Тогда коллеги будут благодарны, ведь вы избавляете их от необходимости совершать ту же работу. В ссылках они получают сводку литературы, смогут по ним и вас проверить, и обратиться к вопросу заново. Возможно, именно ваша статья и вызовет их озарение.

Всегда следует помнить и осознавать: наша конечная цель – воссоздание общей картины прошлого. А это дело общее, коллективное. Одному сделать невозможно. Каждый кладет свой камушек, каждый выкладывает свой кусочек мозаики, и расположить его следует так, чтобы он стыковался с соседними, с предыдущими и последующими. Удастся это не всегда и не сразу.

Считается, что параллелизм в науке не нужен. Я же, признаться, греха здесь не вижу. Вряд ли два исследователя, занимаясь даже одной и той же темой, обрабатывая один материал, придут к абсолютно одинаковым выводам. Если же так случится, тем лучше, значит, они достаточно близко подошли к истине. Если же выводы частично не совпадут или даже окажутся противоположными, то коллеги или следующее поколение исследователей, когда наука обогатится новыми сведениями, решат, кто был более прав, чья версия лучше стыкуется с последними данными. Отпадают обычно самые крайние точки зрения, истина чаще всего оказывается где-то посередине или вообще в стороне. Но возникшая дискуссия так или иначе способствует обострению интереса к теме, ее новым исследованиям, значит, она не бесплодна.

Поскольку все мы делаем общее дело, неоправданной кажется иногда проявляющаяся тенденция поприветствовать материал, не показывать его коллегам, не давать полной информации, не разрешать зарисовки и фотографирование. Странное проявление эгоизма. Материалы ведь принадлежат науке, а не кому-то персонально. И добывались они за государственный счет.

Каждый исследователь всегда обязан указывать источники своей информации, будь это публикации или еще неопубликованные материалы – отчеты, устные сообщения, письма. Существует хорошая традиция в специальной ссылке благодарить людей, предоставивших неопубликованную информацию или наведших на ту или иную мысль.

Очевидно, неэтично не сделать такой ссылки, но столь же неэтично скрывать информацию. Я сам музейщик и раскопщик и плохо представляю себе, как можно что-то не показать из моего хранения или из моих раскопок, не рассказать все, что я знаю. Озарение по поводу моего материала ведь может наступить не обязательно у меня. Я могу годами сидеть на нем и не заметить того, что сразу бросится в глаза другому. У каждого свой круг ассоциаций. Мой коллега опубликует это в одном контексте, я затем сделаю это в другом ключе, могу с ним спорить. А если мы не особенно расходимся, то почему бы не сделать это совместно, не поставить перед статьей две фамилии.

Возникающие психологические сложности где-то понятны. Всегда бывает немного обидно, когда тебя кто-то опережает, высказывает идею, которую ты уже вынашивал, да не успел сформулировать. Успех соседа вызывает зависть, зачастую даже неосознаваемую. Этот „синдром Сальери” свойствен представителям любой творческой профессии. Его нужно научиться в себе подавлять.

Итак, материал вами собран, идея родилась, пора ее оформить, изложить на бумаге, подготовить статью. К сожалению, нас не учили писать, основных навыков литературного творчества не дали ни в школе, ни в университете. И нужно признаться, все мы пишем плохо, коряво. Обидно бывает, вроде бы интересную мысль высказал, а читатель не понял или понял совсем не так. Кто виноват? Вряд ли стоит обвинять читателя в глупости или невнимательности. Виноват сам, излагал, значит, слишком сложно и запутанно. Что делать? Очевидно, учиться писать. Как? Не знаю, наверное, просто надо прислушиваться к звучанию каждой фразы, подбирать слова, стараться разнообразить их употребление,

обдумывать композицию статьи, последовательность изложения, соразмерность частей, а не писать как придется. Во всяком случае, литературной формой и в научной статье пренебрегать не следует.

Замечено, что отрицательную реакцию у читателей вызовет зачастую и безапелляционность высказываний автора. Немедленно возникает желание все оспорить. В нашей науке, где все построено на сопоставлении предположений, категоричность суждений вряд ли уместна. Статья же, написанная без нажима, осторожно подводящая читателя к выводам, убедит его скорее.

Следует постоянно помнить об одном правиле, отличающем любую научную работу от беллетристики: читатель не обязан верить на слово. Все факты, которыми оперируешь, все послышки, из которых исходишь, должны быть подтверждены ссылками на соответствующую литературу с указанием страниц, номеров рисунков и т. д. Читатель, следуя ссылкам и подняв указанную литературу, должен стать обладателем всей той информации, которой ты пользовался, иметь возможность ее проверить.

О читателе вообще следует заботиться. Привести по возможности рисунки аналогий, особенно если они взяты из редких, не всем доступных изданий, продумать систему таблиц и карт, которые проиллюстрировали бы твои выводы. Можно даже начать работу над статьей именно с их подготовки. Наглядная форма, кстати, самого себя хорошо дисциплинирует и многое проясняет.

Публикуя, скажем, могильник или поселение, хорошо постараться дать все находки по комплексам на таблицах, хотя это и сложно из-за разномасштабности вещей. Ведь читателю потом все равно придется перерисовывать их в этом порядке для своей картотеки. Зачем же заставлять его делать лишнюю работу.

Наконец, нужно помнить, что читать статью будут не только узкие специалисты по твоей отрасли археологии, но и люди, занятые близкими проблемами. А они не обязаны знать всего, что узким специалистам хорошо известно. Значит, изложить нужно подробнее и яснее. Рассказать немного об истории проблемы, кто и что думал до тебя по этому поводу, упоминая какой-нибудь памятник, нельзя не сослаться на его публикацию или не указать его местонахождение.

А это все рождает ряд сложностей. Прежде всего как уложиться в заданный объем статьи. Нужно научиться, натренироваться писать работы оптимального объема, выдавать как раз то количество информации, которое сразу легко воспринимается.

Издание статьи дело долгое. Пока будет напечатана, пройдет года два, а то и больше. Реакцию коллег на нее узнаешь и того позже. Им ведь тоже нужно что-то написать и издать. Лет через шесть-восемь только и почувствуешь, как отнеслись к твоим идеям, принимают их или нет. Более оперативный способ проверки своих идей – встреча специалистов на разных конференциях, семинарах, симпозиумах. Их бывает по нескольку в году, с разной тематикой, в разных городах и странах. Жаль только, что на всех побывать не удастся.

Делаешь доклад и сразу чувствуешь реакцию. И здесь опять же многое зависит от его формы и оформления. Как за короткие 20 минут успеть изложить всю информацию и быть правильно, адекватно понятым? Очень помогают таблицы, карты, их подбор и последовательность. Идея должна быть ясна уже из них. Ну и говорить нужно четко и недвусмысленно.

Жизнь во время конференций, конечно, напряженная. По десять-двенадцать докладов ежедневно. Таблицы, диапозитивы, дискуссии. Информация идет валом. Разговоры и споры в кулуарах до поздней ночи. Здесь-то чаще всего и высекаются искры новых идей. Заодно и в местных музеях и фондах стараешься что-то увидеть, полистать отчеты коллег в архиве. С конференции приезжаешь всегда обогащенный новой информацией, заряженный эмоционально, готовый к новым свершениям.

Сразу же, правда, захлестывает текучка: пора готовить отчет об экспедиции, а для этого нужно завершить камералку, закончить начатые статьи, оформить их, писать очередную рецензию, отзыв на диссертацию, и все срочно – коллег нельзя подвести. А тут пришла корректура, приехал кто-то из коллег смотреть материалы, проконсультироваться. У музейщика есть свои заботы – хранительская работа: описи, карточки, прием, передача материалов, подготовка выставок, их каталогов, проведение экскурсий. Во всяком учреждении еще возникает какая-то внутренняя деятельность – заседания, комиссии. Вроде бы все нужно. Надо

успеть сходить в библиотеку, просмотреть выкладку новых поступлений, набрать книжек, потом разложить карточки. И так далее, и так далее. Дни катятся за днями, не успеваешь то одно, то другое. Сроки всюду подпирают. Для серьезного вдумчивого занятия наукой остается не так уж много времени. В основном вечера и ночи. Когда нормальные люди садятся смотреть телевизор, наконец, добираешься до стола. Обкладываешься книгами, папками с выписками и до часа-двух ночи отправляешься путешествовать в прошлое. И это, наверное, лучшие часы в жизни. Все остальное – лишь подготовка к ним.

Впечатлениями о четырех таких путешествиях я и хочу поделиться во второй части книги.

**ЧЕТЫРЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
В ПРОШЛОЕ**

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРВОЕ. В СТРАНУ ГЕТОВ И СКИФОВ

Греки и варвары. Если бы мы задумали побывать на землях Молдовы в IV веке до н. э., какое население мы бы там застали? Гетов и скифов. Междуречье Днестра и Прута представляло собой пограничный район между двумя массивами этих племен. Геты — часть фракийцев, заселявших земли современных Румынии и Болгарии. Вся полосу Евразийских степей от Дуная до Алтая занимали различные племена кочевников, известные древним грекам как скифы. В китайских хрониках их называли „народы Сэ“. Восточных же скифов греки именовали еще саками. Из этой же среды многочисленных ираноязычных народов выделились позднее и группировки сарматских племен.

Южнее находились две цивилизации, противостоящие друг другу: греческая, эллинская, давшая миру первые понятия о демократии, и персидская, управляемая монархами династии Ахеменидов. О них нет необходимости рассказывать, они известны из учебника истории. Надеюсь, все помнят про греко-персидские войны, про битву при Марафоне, про 300 спартанцев, про деятельность Перикла в Афинах и многое другое. И, конечно, о завоеваниях Александра Македонского на Востоке.

Фракийцы, даки, геты. Эти народы, как уже говорилось, заселяли земли современных Болгарии, Румынии и Молдовы. Тех, которые размещались к югу от Дуная, а точнее к югу от гор Гема, делящих Болгарию на две части, обычно называли фракийцами, а северных — то гетами, то даками. Первое наименование чаще употреблялось для обитавших в восточной части, а второе — для живущих в западной. В родственности всех их древние не сомневались. Все они были фракийцами, хотя и распались на разные племена и племенные группы. В письменных источниках насчитывается 86 наименований различных фракийских племен.

Первые упоминания о фракийцах восходят еще к временам мифическим и легендарным. Фракийский царь Рес участвовал в Троянской войне, помогал оборонять Трои от греков-ахейцев. Фигурируют фракийцы, хотя и косвенно, в мифе об аргонавтах. К спутникам Язона, отправлявшегося в Колхиду, присоединился

Карта основных памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа в Днестровско-Дунайском междуречье (по А. И. Мелюковой)

знаменитый певец Орфей – одна из самых загадочных фигур мифологии. По легенде, записанной греческим писателем Диодором, Орфей был из царского фракийского дома, и власть его деда Харопса утвердил сам бог Дионис.

В мифах, наверное, есть зерно исторической истины, но датировать все эти события трудно: где-то между XIII и VIII веками до н. э. Археология тоже дело не очень проясняет. На пространствах, занятых позднее фракийцами, известен целый ряд археологических культур и групп, существовавших в указанный промежуток времени и объединяемых иногда понятием „фракийский гальштат”. Часть их, действительно, сходна между собой, но имеются и отличия. Например гава-галиградская культура XI–VIII веков до н. э. охватывает часть Трансильвании, северо-восточную Венгрию, юго-восточную Словакию, Закарпатскую Украину и Верхнее Поднестровье вплоть до Збруча, в Молдове в это же время распространены памятники типа Кишинев – Корлэтеь; в Добрудже за Дунаем – типа Бабадаг; южнее, в Болгарии – типа Пшеничево; в северо-западной Болгарии и примыкающей к ней части Румынии – типа Инсула–Банулуй. Среди этих групп в IX–VIII веках до н. э. происходят какие-то перемещения, трансформации, образуется культура Басараби, занимающая большую часть Румынии, северную Болгарию, часть Югославии и Венгрии; на Среднем Днестре возникает группа Сахарна – Солончены, а похожая группа Стойканы – Козья в запрутской Молдове. Некоторые исследователи появление последних связывают с переселением на север носителей групп Бабадаг и Инсула–Банулуй, другие – с приходом населения с востока, с Украины. Культура Басараби, по предположению одних, получила развитие в юго-западной Румынии, другие связывают ее с движением племен с запада, из Центральной Европы. Картина, как видите, весьма сложная и запутанная. Были ли все представители этих культур уже фракийцами или только некоторые, тогда какие именно? В названных культурах, особенно в Басараби, есть формы сосудов, уже близкие посуде реальных исторических фракийцев, но есть и различия. Процесс сложения культур фракийцев, даков и гетов остается не до конца ясным.

Хотя фракийцы были ближайшими северными соседями греков, они казались народом загадочным и таинственным, а страна их – дикой и враждебной. Не случайно в греческой мифологии именно Фракия считалась родиной бога войны Ареса и бога холодного северного ветра Борея. Греки вообще с трудом воспринимали людей, отличавшихся от них образом мыслей, а здесь разница этнической психологии была особенно заметна.

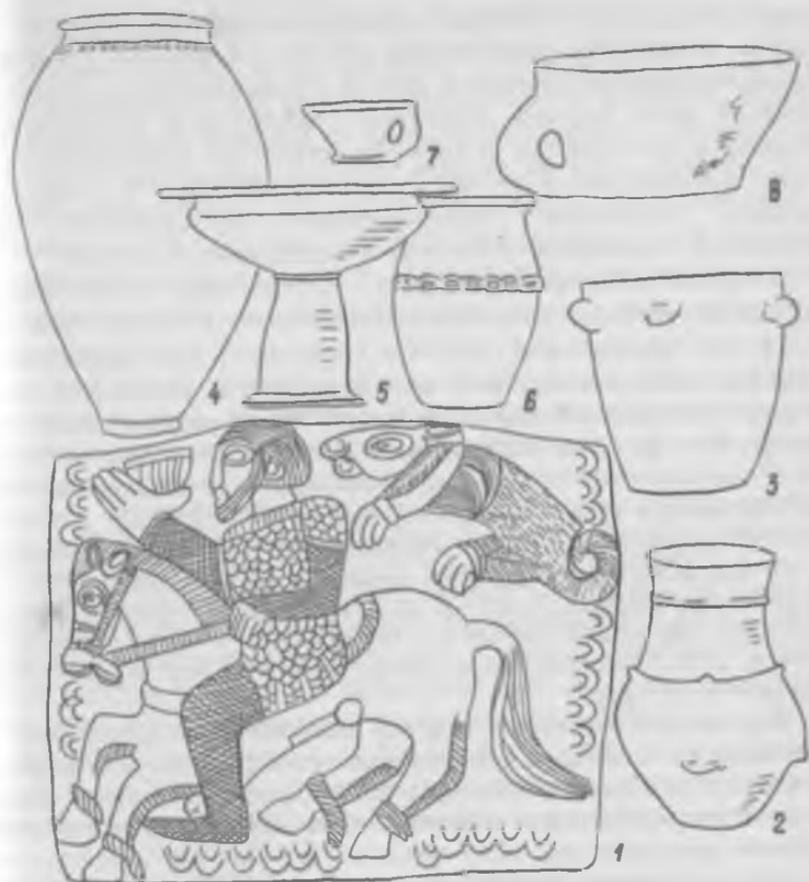
„Отца истории“ Геродота, как и других греков, поражало, например, что фракийцы с радостью встречали смерть и провожали мертвеца в последний путь песнями и весельем, плакали же при рождении ребенка, потому что его ждала трудная жизнь. Действительность они воспринимали, вероятно, в темных тонах в отличие от оптимистичных жизнелюбов греков. В то же время греческий мрачный загробный мир стонающих теней за Стиксом совсем не походил на потустороннюю светлую обитель, куда, по понятиям фракийцев, они отправлялись после смерти и где их ждали вечная жизнь и блаженство.

Станным казался грекам и обожествленный фракийцами царь Залмоксис, научивший, по преданию, свой народ вере в загробное счастье. И совсем варварским представлялся им обычай общения с этим богом. Каждые пять лет фракийцы посылали Залмоксису вестника с просьбами: избранного по жребию приносили в жертву, бросив на поднятые копь.

Поражало греков и многоженство фракийцев, и обычай убивать любимую жену на могиле мужа, и продажа детей в рабство богатому соседу. Для греков и римлян, представителей античной цивилизации, владение рабом-соплеменником вообще казалось вещью невозможной, хотя на Древнем Востоке, в Месопотамии и в Египте такое практиковалось. По целому ряду проявлений фракийцы ближе народам Востока – соседям-скифам из Северного Причерноморья или далеким персам. Подобно скифам они носили шаровары и высокие войлочные шапки, обшивали одежду золотыми бляшками-аппликациями, славились как коневоды. Да и язык их, хотя относится к индоевропейской семье, но к группе „satem” наряду со скифским и персидским, в отличие от греческого, латинского и кельтского, принадлежавших к группе „kentum”. Фракийский мир – это своего рода островок Востока в Европе.

Персы рассматривали Фракию как свой форпост в Европе, хотя владели ею всего около 30 лет, со времени похода Дария на скифов в 512 году до н. э. Ахеменидские серебряные сосуды – вероятно, дипломатические дары персидских царей фракийским династам – найдены в Болгарии, а влияние ахеменидского искусства на собственно фракийское более заметно, чем греческого.

Археолога, изучающего материальную культуру фракийцев, поражает удивительная традиционность, устойчивость. Еще в V веке до н. э. фракийцы освоили производство посуды на гончарном круге, но в быту продолжали широко пользоваться и керамикой, вылепленной вручную. Высокие грубые тюльпановидные „гетские” горшки, украшенные то налепными шишечками, то валиками разной формы с пальцевыми вдавлениями-ячейками, находят на поселениях V–IV веков до н. э. и на памятниках IV века н. э. То же касается усеченно-конических, так называемых „дакийских”, кружек с массивной ручкой и высоких ваз-фруктовниц на полой ножке. Примеры подобной устойчивой традиции на протяжении 800 лет наблюдаются не столь уж часто. Возможно, это отражает некоторую склонность к консерватизму в психическом складе фракийцев. Отсюда, видимо, и слабая восприимчивость к иноземным влияниям, и специфика их социальной истории. Уже в V веке до н. э. вожди племени одрисов создали в южной части

Некоторые элементы гето-дакийской культуры: 1 – серебряная бляшка от конской сбруи из клада в Летнице (Болгария); 2–8 – основные формы гето-дакийской посуды

фракийского мира рабовладельческое государство, то есть по уровню социальной организации они не во многом уступали грекам или персам. Замечено, однако, что фракийская государственность была сильно пропитана пережитками первобытной племенной организации. Поэтому политические объединения, то и дело возникавшие в различных частях фракийского мира, как правило, оказывались недолговечными. Центробежные силы племенных традиций ослабляли их или разрушали изнутри.

В первой половине IV века до н. э. царем одрисов был известный своей хитростью и вспыльчивостью Котис I (382–359 годы до н. э.). Ему наследовали Аматок и Кербослепт. При дворах этих династов работали, вероятно, мастера-торевты, создавшие свой специфически фракийский стиль искусства, не похожий ни на что другое. Ими были изготовлены, например, квадратные бляшки для украшения конской сбруи со сценами охоты, борьбы зверей, изображениями всадников и божеств, выполненными в стиле наивного реализма, которые происходят из кладов в Луковите и Летнице, а также серебряные поножи и золотой кувшинчик из погребения во Враце. К этому же кругу художественных вещей относятся некоторые находки с территории Румынии – золотой шлем из Поляна-Коцофентешти, шлем, поножи и кубок из гробницы в Хаджикьоле и др.

Фракийским мастерам удалось соединить экспрессивность и условность скифского и ахеменидского искусства с повествовательностью и сюжетностью греческого, добавив к ним ни с чем не сравнимую наивно-грубоватую выразительность примитива и детского рисунка.

Сцены терзания хищниками травоядных животных – излюбленный мотив скифского искусства. Но в передаче фракийского мастера они не выглядят столь жестокими и кровожадными, как у скифов, хотя и не лишены экспрессивности. Есть детали, перекликающиеся с мотивами персидского ахеменидского искусства, но выполнены они более наивно. Фракийские мастера значительно уступали грекам в точности передачи пропорций и деталей, в композиции, были не всегда умелы, но это не лишало их изделия выразительности.

Новый стиль, вероятно, достаточно точно отражает характер фракийцев – народа прямодушного, по словам Геродота. Процесс становления стиля, однако, завершиться не довелось. Междоусобная борьба Аматока и Кербослепта привела к распаду Одрисского царства как раз в тот момент, когда на престол Македонии вступил предприимчивый Филипп II, отец Александра Македонского. К 339 году до н. э. фракийские племена были вынуждены подчиниться Македонии. Культурная традиция не оборвалась полностью, но такого набора вещей одного стиля мы уже не знаем.

Среди самых больших археологических сенсаций последних лет была находка из Рогозена в Болгарии. Копая водопроводный канал у себя в огороде, тракторист Иван Димитров обнаружил 65 серебряных сосудов. Тотчас, несмотря на тяжелые зимние условия, археологи начали раскопки и в 5 м от первой находки выявили вторую яму, где было укрыто еще 100 сосудов.

Болгарские исследователи полагают, что это была казна одного из вождей племени трибалов, занимавшего земли современной северо-западной Болгарии. Среди находок выявлены и дипломатические дары от правителей одрисов, о чем свидетельствуют греческие надписи на сосудах с именами одрисских царей Сатока, Котиса и Кербослепта. Зарыт клад, вероятно, в связи с военной опасностью во время столкновений трибалов с Филиппом или Александром Македонским. Возможно, последним владельцем этих богатств был царь трибалов Сирм, сражавшийся с Александром в 335 году до н. э. На некоторых сосудах заметно влияние кельтского искусства. А именно в это время македонский царь вел с кельтами переговоры, имевшие весьма важное значение для дальнейшей судьбы древнего мира: победив трибалов и заключив мир с кельтами, Александр развязал себе руки для восточной кампании, а кельты начали завоевание Среднего Подунавья. Многие сосуды клада выполнены в том же собственно фракийском стиле, что и вещи из Летницы и Луковита. Один кубок почти полностью повторяет находку из Хаджикиоля.

После смерти Александра в 323 году до н. э. между его генералами началась борьба за власть. Активно вмешался в нее и правитель Фракии Лисимах, объявивший себя самостоятельным государем. Одновременно ему приходилось бороться с фракийскими вождями, пытавшимися отстаивать независимость. Преуспел в этом царь гетов Дромихет, которому удалось заманить Лисимаха в безводную Буджакскую степь и окружить. Истомленные жаждой македоняне были согласны на все. Пришлось оставить захваченные были крепости и откупиться. В Молдове прослеживается цепочка гетских городищ, которые, возможно, располагались вдоль восточной границы царства Дромихета.

Вскоре Лисимах погиб, сражаясь со своими бывшими соратниками, но Фракия тут же стала добычей новых захватчиков — кельтов. Примерно в 280 году до н. э. они потерпели неудачу в северной Италии, и их экспансия обратилась на восток. К тому же Никомед Вифинский нанял их отряды для борьбы в Малой Азии. Фракия оказалась на пути.

Археологическим отражением кельтской оккупации являются, в частности, находки в Мезеке в Болгарии. В склепе знатного фракийского семейства кельты беззастенчиво похоронили своего вождя вместе с колесницей, украшенной бронзовыми деталями. Тогда же они заняли Трансильванию, где обнаружен целый ряд больших кельтских могильников.

Через 70 лет, к 212 году до н. э., местным племенам удалось изгнать захватчиков из Фракии. В начале II века до н. э. прекратились захоронения и на кельтских могильниках Трансильвании. Вероятно, освободились и даки. Но восточная часть бывшего царства Дромихета оказалась занята бастарнами, выходцами из Центральной и Северной Европы, носителями культуры Поянешты — Лукашевка. В то же время македонские цари Филипп V и Персей, несмотря на поддержку бастарнов, потерпели ряд поражений от римлян. Македония как самостоятельное государство перестала существовать, а Одрисское царство попало под протекторат Рима. Следующее объединение большей части фракийских племен произошло лишь спустя сто лет, в середине I века до н. э.

Итак, некоторые общие представления о фракийцах-гетах мы имеем, в какой-то мере к знакомству с ними готовы. Но на территории Молдовы нам могут встретиться и скифы. Нужно собрать некоторые общие сведения и о них.

Скифы. Греков многое удивляло в скифах, но прежде всего сам образ их жизни. У них не было ни городов, ни деревень, их жилища – кибитки, установленные на телегах. Сами они находились всю жизнь в седле, в непрерывном движении по бескрайним просторам степей. Что заставляло скифов передвигаться, почему им не сиделось на месте? Сложилось так не вдруг, а в течение нескольких столетий.

Гениальных изобретений, которые действительно переворачивали бы мир, направляя все дальнейшее развитие по новому пути, сделало человечество не так уж много. Одним из них было изобретение колеса. Колесо помогло возникновению телеги, в нее стали запрягать быков. Это случилось примерно во 2-м тысячелетии до н. э. в эпоху бронзы и значительно увеличило подвижность населения земли. Начали осваиваться степные пространства, лучше всего приспособленные для скотоводства. Вскоре медлительных быков в упряжке заменили быстрые лошади. Появились и боевые колесницы.

Занимаясь коневодством, люди приспособили лошадь для верховой езды. Это был шаг не менее важный, чем изобретение колеса, к тому же совпавший с изобретением железа. Теперь несколько конных пастухов могли справляться с довольно большим стадом. А чем стадо больше, тем быстрее оно подъедает траву и вытаптывает пастбище, тем чаще его нужно перегонять на новое место. Если в эпоху бронзы скотоводы занимались параллельно выращиванием злаков, то теперь для этого становилось все меньше возможностей. В поисках новых пастбищ для всевозрастающего стада приходилось постоянно двигаться. Сложилось узкоспециализированное кочевое хозяйство, определившее весь образ жизни. Но одним мясом не проживешь, только в кожу не оденешься. Захочется и хлеба, и более мягкой и удобной одежды из ткани. Да и различные изделия из металла нужны. их, в седле сидя, тоже трудно изготовить.

Кочевники начинают искать контакта с земледельцами и цивилизованными, „промышленными” странами – Ираном, другими государствами Передней Азии, Грецией и Китаем. Необходимые продукты можно, конечно, купить, обменять на шкуры и мясо. Но проще, выгоднее отобрать, захватить как добычу, заставить отдать в виде дани. А возможности такие есть, чрезмерных усилий кочевое хозяйство не требует, всегда найдутся люди, руки которых не заняты работой, но способны держать лук и меч. Они готовы совершить набег, чтобы отогнать себе оставленное без охраны чужое стадо, отбить притязания соседей на спорное пастбище, устроить налет на земледельцев, перехватить караван купцов, организовать поход на города цивилизованных стран: ограбить округу, обложить осадой, потребовать дани. Такие мероприятия не совершишь небольшим отрядом, нужна организация, поэтому в степях то и дело возникают созданные разными вождями объединения кочевников с жесткой военной дисциплиной. Но они в большинстве случаев недолговечны и редко переживают своего создателя и его ближайших потомков, распадаются, давая место новым объединениям под руководством другого вождя, нового племени.

Лучше всего всякую эпоху отражает искусство. Оно несет в себе тот эмоциональный заряд, который любой другой источник

Скифский звериный стиль. Золотая бляха из „Сибирской коллекции” Петра I

донести до нас не может. Скифские мастера создали удивительное искусство звериного стиля. Фигурки животных располагались везде: на золотых бляшках, нашивающихся на одежду, на ножнах мечей, на оковках деревянных сосудов, на других вещах. Прекрасные образцы этого стиля на деревянных изделиях сохранила для нас вечная мерзлота Пазырыкских курганов на Алтае. Алтайские и причерноморские вещи очень похожи, стилистически едины. Один народ, один образ жизни, одно искусство, хотя племена, конечно, различные. Стремительно несутся куда-то вдаль в летящем галопе с поджатыми ногами олени. В жестокой схватке переплелись, перекрутились мускулистые, налитые силой, напряженные как сжатая пружина тела животных: гордых благородных травоядных – оленей, ланей, лошадей – терзают могучие кровожадные хищники – львы, тигры, пантеры. Изображения

полны динамики и движения. Замкнутость композиций создает ощущение бесконечности этой борьбы, как бесконечно было кру. говращение кочевков, войн, переселений.

А переселяться, и на далекие расстояния, кочевникам приходилось то и дело. Как ни обширны евразийские степи, не хватало для всех многочисленных стад равноценных пастбищ, водопоев и особенно зимников, где снежный покров невелик и животные могли прокормиться на подножном корму. Свободных, незанятых участков не было. Поэтому достаточно было выдаться более снежной холодной зиме или, наоборот, более жаркому лету, когда пересыхали, мелели реки и выгорала трава, как кочевники оказывались на грани катастрофы. Они были вынуждены искать новые земли, заселенные слабо или заселенные слабыми.

Существуют некоторые регионы с благоприятными природными условиями, но ограниченные в пространстве, которые служили своего рода „генераторами народов“. Численность населения в них быстро возрастала, наступала перенаселенность и достаточно было малейшего нарушения стабильности, как генератор выбрасывал массу переселенцев. В 1974 г. Лев Самойлович Клейн написал небольшую статью но, может, одну из самых блестящих своих работ, которая так и называлась „Генераторы народов“.

Для Евразии он назвал три таких „генератора“. Один из них находился в степях Монголии, отделенных от остальной степи Саяно-Алтаем и Тянь-Шанем, с севера прикрытый шапкой тайги, с востока – лесами Приморья, с юга – пустыней Гоби и Великой Китайской стеной, которой китайцы пытались отгородиться от кочевников. Места для скотоводства там прекрасные, но если равновесие по той или иной причине нарушалось, выход был один – на запад через Джунгарские Ворота. Тогда по всему поясу евразийских степей прокатывались волны переселений кочевников. И такие выбросы „монгольский генератор“ производил с определенной регулярностью, которая хорошо прослеживается в исторические времена: гунны, тюрки, монголы. Не обязательно волна выносила к Дунаю всех тех, кто прошел через Джунгарские

Геродота. Чаще движение происходило по принципу „падающего
асмино”, одни племена подталкивали и сдвигали с места другие,
те – третьи и т. д.

Второй такой „генератор”, по мнению Л. С. Клейна, находился
в Скандинавии, хотя там жили не кочевники, а земледельцы. Дело
в том, что в лесах и болотах Северной и Центральной Европы
тоже не так уж много мест, пригодных для успешного ведения
земледельческого хозяйства. В Скандинавии их вообще мало.
Перенаселенность возникала быстро, и на юг устремлялись бе-
женцы в поисках новых земель. С проблемой постоянной эмигра-
ции Скандинавские страны справились лишь к началу XX века за
счет интенсификации хозяйства.

Третий „генератор” Л. С. Клейн обнаружил на Аравийском
полуострове, но он нас сейчас не интересует.

С Львом Самойловичем трудно не согласиться. Но нужно
сделать одну оговорку. На самом деле, все несколько сложнее.
Передвижения народов могли „генерироваться” не только в трех
указанных точках. Спорадически в силу тех или иных условий, и
не только экологических, экономических, но и политических, они
могли зарождаться и в других местах, самых различных. В ука-
занных „генераторах” это происходило лишь с несколько боль-
шей регулярностью.

У нас нет доказательств, в частности, для утверждения, что
скифы были выбросом „монгольского реактора”. Вернее, кое-ка-
кие есть, но пока очень слабые. Вопрос о происхождении скифов
вообще остается открытым. Геродот, достаточно хорошо знако-
мый с ними, писал, что пришли скифы с востока, но в другом
месте называет их местными жителями Причерноморья. Из пись-
менных источников (в том числе Геродота, а также, в частности,
из Библии) нам достаточно хорошо известен переднеазиатский
эпизод из истории скифов. В 670-х годах до н. э. они появились в
Закавказье и обосновались в области Сакашена, где-то в районе
юго-западного побережья Каспийского моря. Скифы имели
определенное военное преимущество перед армиями многочис-
ленных переднеазиатских государств, тогда еще не завоеванных

и не объединенных иранскими Ахеменидами, поскольку умело метко стрелять из лука на полном скаку и были подвижнее и невреннее, чем отряды колесничих, составляющих основную силу переднеазиатских армий. Скифы стали вмешиваться в местные междоусобные войны, получая плату с одних, дань и добычу — с других. Так продолжалось со многими перипетиями до 586 года до н. э., когда в одной из битв скифы потерпели поражение и были вынуждены уйти в причерноморские степи. Туда они принесли с собой нравы переднеазиатских владык и их окружения, привычку жить в роскоши за чужой счет и отработанную за десятилетия военную организацию. Эти скифы-переселенцы, вероятно, и составили ядро тех царских скифов, которые стали господствовать над другими племенами Причерноморья, как степняками, так и обитателями лесостепи, земледельцами.

В лесостепи в предскифское время распространены две культуры: чернолесская и белогрудовская. У нас нет никаких данных для определения их этнической принадлежности. С одной стороны, эти культуры, особенно чернолесская, в какой-то мере напоминают культуры, участвовавшие в сложении фракийского этноса. Основываясь на этом, мы могли бы и жителей украинской лесостепи тоже считать фракийцами, если бы только было доказано, что носители всех предфракийских культур были уже фракийцами. А это остается неясным. С другой стороны, некоторые исследователи зачисляют жителей украинской лесостепи в предки славян. Но до появления реальных славян на исторической арене еще очень далеко, по крайней мере, около тысячи лет. Процессы протекали весьма сложно, и для утверждения славянской принадлежности имеющихся данных явно недостаточно.

Мы пока в силах лишь признать, что этнос украинских предскифских культур нам неизвестен. Ведь могли существовать народы, ни название которых, ни язык до нас не дошли. И совсем не обязательно навешивать на них этикетку какого-либо этноса из числа известных нам. Так мы можем легко ошибиться. Когда царские скифы подчинили себе земледельцев, культура последних стала очень походить на общескифскую. К VI–V векам до н. э.

лесостепное земледельческое население стало уже скифами. Это подтверждает Геродот, посетивший в V веке до н. э. Причерноморье, который не делает различия между скифами-кочевниками и скифами-земледельцами, всех их считая скифами в равной мере, а также сходство культур жителей степи и лесостепи.

Во всяком случае, к IV веку до н. э. Европейская Скифия достигла своего расцвета и представляла собой достаточно сильное государство, уже прославившееся в глазах всего мира тем, что устояло перед вторжением войск персидского царя Дария в 512 году до н. э. В середине IV века до н. э., когда во главе Скифии стоял царь Атей, его подданные пытались проникнуть за Дунай в Добруджу, воспользовавшись ослаблением фракийского царства одрисов. Атей воевал с трибалами и истриянами, пытался, вероятно, захватить и некоторые города западного побережья Черного моря. В Истрии прослеживаются следы разрушений IV века до н. э., известно послание Атея жителям Византия, где он грозит напоить коней у стен города. Сдался, видимо, скифам город Каллатис, что подтверждается в 343 году до н. э. выпуском здесь монеты с изображением скифского всадника и именем Атея.

Во время этой войны Атей искал союзника в лице царя Македонии Филиппа II. Но последний и сам собирался поживиться за счет Фракии. Поэтому отношения сложились странные. Началась дипломатическая игра, в которой обе стороны скорее издевались друг над другом и самим фактом переговоров, чем искали соглашения. Филипп выставил условие – ни много, ни мало как владение самим Скифским царством: пусть Атей (а тому было уже под 90 лет) завещает свое царство Филиппу. Македонское войско появилось в Добрудже, но с опозданием: скифы уже взяли Истрию. А когда Атей от такой помощи, естественно, отказался, Филипп потребовал компенсации расходов. Атей, сославшись на бедность, снова отказал (и это при том, что скифские курганы IV века до н. э. буквально начинены золотом, уж на бедность-то Атею жаловаться, казалось, не было причин).

Кончилось все тем, чем и должно было кончиться, — прямым военным столкновением в 339 году до н. э. Скифы были разбиты, Атей погиб в битве. Филипп оккупировал Фракию, а скифы покинули Добруджу. Когда в 335 году Александр Македонский воевал против трибалов и гетов и даже совершил вылазку за Дунай, про скифов в этом регионе уже ничего не было слышно.

Через год, в 334 году, Александр начал свою знаменитую Восточную кампанию. Задумано было широко. Александр собирался не только отомстить персам за старые обиды в греко-персидских войнах (это был лишь пропагандистский трюк, призванный привлечь на свою сторону греков и вдохновить их на подвиги) и дойти до восточных пределов персидской державы, но и вернуться обратно северным путем, через Среднюю Азию, Евразийские степи и Скифию. Оставшийся в Македонии корпус под командованием Зопириона должен был выступить навстречу.

Разбив Дария и достигнув восточных пределов персидской державы, Александр успешно провел разведку боем против среднеазиатских скифов. Начал действия в 331 году до н. э. и Зопирион, но его постигла неудача. Греческий город Ольвия в устье Гипаниса (Западного Буга) оказал Зопириону упорное сопротивление. Ольвиополиты даже дали свободу рабам, чтобы те встали в ряды защитников. Осада затянулась, а в дело вмешались скифы. Их силами македонская армия была разбита, а Зопирион погиб.

Александра не очень огорчило это поражение. К этому времени он уже, наверное, более реально представлял себе все трудности северного пути по пустынным степям. Теперь его больше привлекала идея похода в Индию. Поражение Зопириона определило выбор.

Начались переговоры со скифами, которые тоже были заинтересованы в прекращении конфликта, поскольку затеяли войну с Перисадом I, царем Боспорского царства на Керченском полуострове. Послы европейских скифов дважды посетили восточную ставку Александра, ответное посольство побывало в Причерноморье.

В этой связи особый интерес представляют сделанные уже в нескольких местах Северного Причерноморья находки наборов скифского золотого оружия – ножен мечей и горитов (футляров для лука и стрел). Вещи скифские, но, судя по манере изображения и по сюжетам, выполнены они явно греческими мастерами. На ножнах мечей изображены битва греков с варварами, события, описанные в „Илиаде“ Гомера. В центре композиции молодой красавец-грек сражается с упавшей на колени и отбивающейся от него боевым топориком женщиной-воительницей. Это, очевидно, Ахилл, борющийся с царицей амазонок Пентадерией. Есть такой эпизод в Троянской войне. Остальные сцены тоже находят подтверждение в этом произведении. В частности, на горитах изображены сцены из того же Троянского цикла Гомера, а также мать героя, богиня Фетида, стоящая с погребальной урной в руках.

Очень похоже на то, что перед нами те самые подарки, которые послы Александра раздавали скифской знати. Ахилл был любимым героем Александра. Изображения содержат достаточно прозрачные политические намеки. Ножны должны напоминать о победах греков, их военном преимуществе перед варварами. В кургане Чертомлык был к тому же найден персидский меч с золотой рукояткой, – тоже, вероятно, недвусмысленно предостерегающий подарок. Сцены же на горитах намекали на нежелательность новой Троянской войны, призывали к благоразумию.

Заручившись таким образом нейтралитетом скифов, Александр мог спокойно отправиться в Индию. Неожиданного нападения на Македонию или притязаний скифов на задунайские земли он, очевидно, мог не опасаться.

Теперь, когда мы в самом сжатом виде познакомились с некоторыми эпизодами из истории скифов и гетов, кое-что о них знаем, можно было бы отправиться в путешествие по Молдове IV веке до н. э. На каком языке мы стали бы объясняться? На фракийском? Но до нас дошло лишь несколько десятков названий племен и личных имен фракийцев. Боюсь, что запас слов оказался бы недостаточным. Со скифским языком приблизительно та же

ситуация. Из сохранившихся слов ясно, что скифский был близок иранскому, знание персидского и осетинского нам, вероятно, помогло бы. Но проще всего было бы, наверное, найти переводчика-грека. Этот язык в IV веке до н. э. являлся международным, все купцы его знали. А среди купцов, живущих в греческих городах-колониях вдоль северного берега Черного моря, наверняка, были люди, знавшие языки варваров. Чтобы найти переводчика, нужно, очевидно, было направиться в ближайший греческий город Тиру, который располагался в устье Днестра, на месте современного Белгорода-Днестровского.

В древней Тире. Бывали ли вы в Белгороде-Днестровском? Симпатичный южный городок со старинной крепостью в центре. Не думайте, однако, что крепость и есть Тира. Крепость средневековая и строители ее скорее всего не подозревали, что строят на развалинах древнего города. Как всегда, когда современный город располагается на месте древнего, нам от последнего остаются жалкие частички. Тут в канаве под водопровод наткнулись на обломок древней стены, там при закладке фундамента обнаружили какие-то старинные кладки. Из таких кусочков постепенно складывается приблизительная картина древнего города.

У работников местного музея жизнь тяжелая. Приходится бегать по городу, следить за каждой канавой, успеть остановить строителей, пока все не разломали, расчистить, зафиксировать. Без конфликтов не обходится. По рукам местных жителей циркулируют разные случайные находки – отдельные вещи, монеты, обломки мраморных плит с надписью или с рельефом или архитектурной детали. Нужно разузнать, упросить отдать, выяснить, где и как нашли. Денег на покупки, на раскопки, как правило, отпускается мало, штат небольшой, работа хлопотливая и трудная, зарплата низкая. Место для энтузиаста.

Для планомерных широкомасштабных раскопок в пределах современного города, как всегда, трудно найти место: все застроено. В Белгороде-Днестровском более или менее большие раскопы можно было заложить лишь во дворе крепости и на площади к востоку от ее стен. Здесь, на так называемом центральном раскопе, и были выявлены остатки Тиры IV–III веков до н. э., ее небольшой квартал, примыкавший к городской оборонительной стене.

С первого взгляда нагромождение каких-то каменных кладок, ямы могут показаться беспорядочными, потому что все это остатки построек разновременных, большая часть их относится к римскому времени, к Тире первых веков нашей эры. Чтобы обнаружить в этом хаосе следы интересующего нас времени, нужно проконсультироваться со специалистом или хотя бы почитать соответствующую литературу. Тогда разобраться можно.

Сохранился участок длиной 42 м оборонительной стены из каменных плит (сейчас остались три ряда кладки), хорошо пригнанных друг к другу. Ими облицованы обе внешние стороны стены. Пространство между ними плотно забито необработанными камнями и глиной. Общая ширина стены 2,2 м. Каждая третья плита облицовки положена поперек, торцом наружу и заходит в этот средний слой бута. Таким образом, все связывается в единую весьма прочную конструкцию.

Обнаружена одна из башен, круглая, очень мощная, 11 м в диаметре, с толстыми двухметровыми стенами, построенными

в той же технике. Она сохранилась на высоту 5 м, если считать вместе с фундаментом, или на 3 м, если измерять ее от уровня дневной поверхности, то есть той поверхности, по которой ходили жители Тире во время постройки. Найден и узкий проем двери в башню, на пороге которой можно видеть гнезда для крепления двери.

За стеной, к северу от нее, наблюдаются остатки трех домов из нескольких комнат. Один вплотную примыкает к стене и отделен от следующего улицей, которую археологи назвали 1-й Продольной. Ширина ее 2 м, а сохранившаяся длина 30 м. Параллельно этой улице идет переулок шириной 0,7 м. Перпендикулярно к ним, вдоль упомянутой разобранный городской стены тянулась 1-я Поперечная улица, ведущая к лиману. В центре улиц сооружения из небольших каменных плиток канавки – водостоки, перекрытые каменными плитками. Оставшиеся края улицы замощены мелкими камнями и утрамбованными ракушечной крошкой и галькой, служившими прекрасным дренажным сооружением. Греки грязь ногами не месили. Улицы были, хотя и узкие (две повозки не могли разъехаться), но прямые, сухие и чистые. Сегодня благодаря раскопкам мы даже имеем возможность по ним прогуляться. Это, конечно, не Помпеи, но все же. Дома были построены из камня, из тщательно пригнанных плит известняка. В каждом доме по 5–7 комнат площадью от 12 до 30 м. Может удивить разная глубина открытых помещений, но нужно знать, что углубленные помещения – это подвалы, перекрытые некогда деревянным полом.

Стены домов внутри были оштукатурены и расписаны под мрамор с цветными прожилками. В общем и целом можно констатировать достаточно высокий жизненный уровень обитателей и благоустроенность их жизни.

Быть может, кто-нибудь из живущих на углу 1-й Поперечной и 1-й Продольной улиц и согласился бы быть нашим проводником для путешествия в глубь страны. А если бы мы не нашли такового в городе, то, наверняка, житель сельского поселения, примыкавшего к городу, не отказал бы нам. На пространстве вдоль берегов

Днестровского и Буджакского лиманов, от села Удобное до села Приморское зарегистрировано более двух десятков таких поселений с остатками наземных глинобитных жилищ на каменных фундаментах. Наряду с обычной греческой гончарной керамикой и обломками амфор здесь находят характерную лепную гетскую керамику. Вероятно, эти изделия принадлежали населению, которое в источниках называется тирагетами. Они-то, живя вблизи города, постоянно там бывая, знали, наверное, и гетский язык, и греческий, а некоторые, возможно, и скифский. Ведь на противоположном восточном берегу лимана на подобных поселениях преобладает уже скифская лепная керамика.

В гости к скифам и гетам. Проезжая из Тиры на север через степные районы Буджака, мы вполне могли бы встретить стада овец или табуны лошадей, охраняемые скифскими всадниками на их маленьких шустрых лошадках с короткостриженной гривой или наткнуться на скифский табор с кибитками. Облик скифов нам достаточно хорошо известен по изображениям на вещах, обнаруженных в богатых скифских курганах, например, на золотом сосудике из кургана Куль-Оба в Крыму. Буджакские скифы вряд ли отличались по облику сколько-нибудь существенно. Они носили окладистые бороды, длинные волосы на прямой пробор, одеты были в короткие двубортные кожаные куртки без воротника, широкие шаровары, хотя некоторые носили брюки в обтяжку (мода, кажется, как раз второй половины IV века до н. э.), мягкие полусапожки, подвязанные у щиколоток. На голову надевался остроконечный башлык, закрывавший шею и опускавшийся на плечи. Напоминает он немного буденовку. И борта куртки, и лампасы на штанах украшены нашитыми на них золотыми квадратами или круглыми бляшками, чаще всего с изображениями в скифском зверином стиле.

Вооружены скифы были небольшим изогнутым луком, имели колчан, наполненный стрелами с острыми трехгранными наконечниками из бронзы. Пользовались они копьем, коротким мечом-акинаком, в верхней части ножен которого существовала специальная лопасть-выступ для крепления к поясу или к бедру. Некоторые носили железные чешуйчатые панцири с широкими наплечниками.

Изображение скифов на золотом сосудике из кургана Куль-Оба в Крыму

Вот таких всадников мы могли бы встретить во всех тех местах, где есть скифские курганы. И непосредственно около Тиря, у села Шаболат, и в 2–3 км к западу от Днестровского лимана, там, где строится Семеновская оросительная система. Раскопано пять скифских курганов и еще три впускных скифских захоронения в курганы эпохи бронзы. А если бы мы поехали по Буджаку на запад, то скифы нам тоже постоянно бы встречались – у Островного, в Сарате, у села Борисовка (целый скифский курганный могильник из 10 насыпей). Около озера Ялпуг, в районе Килии и у сел Каменка, Новокаменка, Огородное. Повернув на север, мы бы встретили скифов у села Балабану Тараклийского района. Здесь, уже на границе с лесостепной частью раскопаны четыре скиф-

ских кургана. Десять лет назад насчитывалось всего более двух десятков пунктов, сейчас их значительно больше, но данные по ним пока не опубликованы.

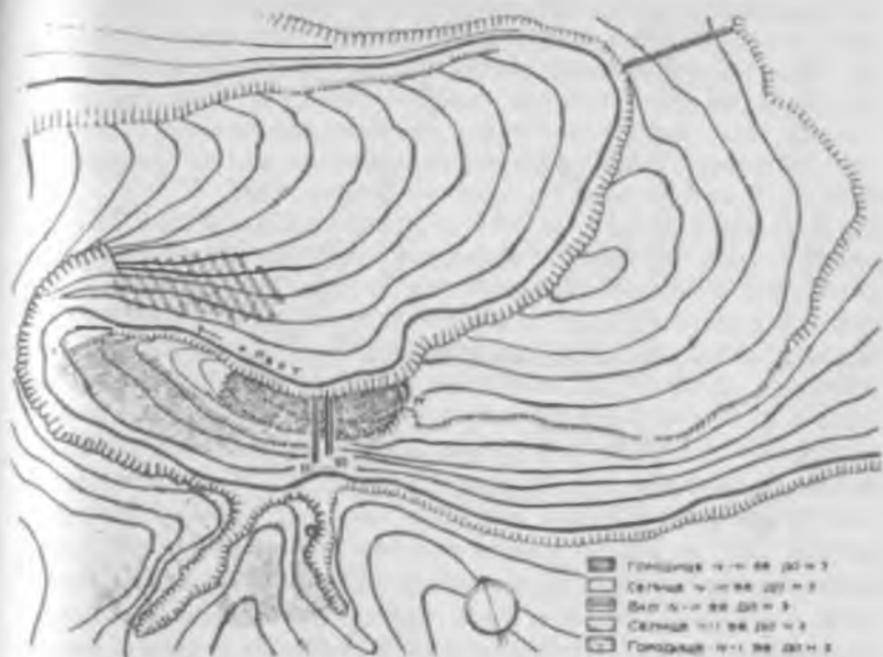
Большая часть скифских курганов ограблена еще в древности, и археологам мало что досталось. Из кургана у села Шаболат, например, извлечены лишь 10 наконечников стрел, обломки меча да глиняная миска. В кургане у г. Арциз в могиле сохранились несколько железных чешуек панциря и наконечник стрелы. Правда, на выбросе из могильной ямы остались следы тризны и два бронзовых скифских котла. Зато неограбленным оказалось одно впускное погребение в кургане эпохи бронзы. Похоронен был подросток 12–15 лет, но с полным вооружением: копье, акинак, чешуйчатый панцирь, переделанный греческий шлем, 100 наконечников стрел. Рядом с ним находился его конь. От уздечки сохранились бронзовые псалии, серебряные нащечники и бронзовый налобник, нашивавшиеся на ремни бляшки. Это захоронение датируется еще V веком до н. э.

На территории Днестровско-Прутского междуречья пока не раскопано таких роскошных „царских” курганов, как в Поднепровье, но не исключено, что и они еще появятся. Сигнал к тому – находка в разграбленном кургане к с. Похребя Дубэсарского района (это, правда, уже левобережье Днестра) чудом уцелевшей массивной золотой гривны с львиными головками на концах.

В южной части Днестровско-Прутского междуречья известны и некоторые гетские поселения: уже упоминавшиеся в районе Тиры, на берегах озера Ялпуг, у Орловки на Дунае. В самой степи их, естественно, нет, там господствовали скифы, хотя в районе Семеновки отмечены и гетские поселения. Взаимоотношения гетов и скифов в этом районе, наверное, менялись в зависимости от политической ситуации – экспансии Атея на запад, его поражения и соответственно отхода скифов. К сожалению, из-за того, что скифские курганы были разграблены, мы не можем их точно датировать, лишь в пределах IV века до н. э., так же как и гетские поселения. Поэтому и соотношения их друг с другом установить

Карта городищ IV—III вв. до н. э. (по Т. Д. Златковской и Л. Л. Полевому)

Памятники Бутученского микрорайона (по И. Т. Никулицэ).

трудно: жили ли они постоянно по соседству или сменяли друг друга в связи с политическими переменами, происходившими на протяжении IV века до н. э.

Продвигаясь дальше на север, приблизительно с рубежа Ханска – Бендер гетские поселки попадают чаще, вся территория центральной и северной Молдовы, а также земли между Прутом и Карпатами в IV–III веках до н. э. были заселены гетами довольно густо.

Кроме открытых поселений встречаются многочисленные укрепленные поселки, городища. Их в Молдове, по данным на 1986 год, насчитывалось около 40. Расположены они несколькими кустами-скоплениями, среди самых крупных одно выявлено

на Среднем Днестре в Резинском и Шолдэнештском районах, второе – к югу от Орхеля, в низовьях Рэута. Вот сюда мы и направимся, потому что здесь располагается один из полнее всего раскопанных в Молдове гетских памятников – городище Бутучень. В конце 40-х – начале 50-х годов раскопки его начинал Г. Д. Сергеев, а теперь продолжает экспедиция Молдавского университета во главе с Иваном Тимофеевичем Никулицэ.

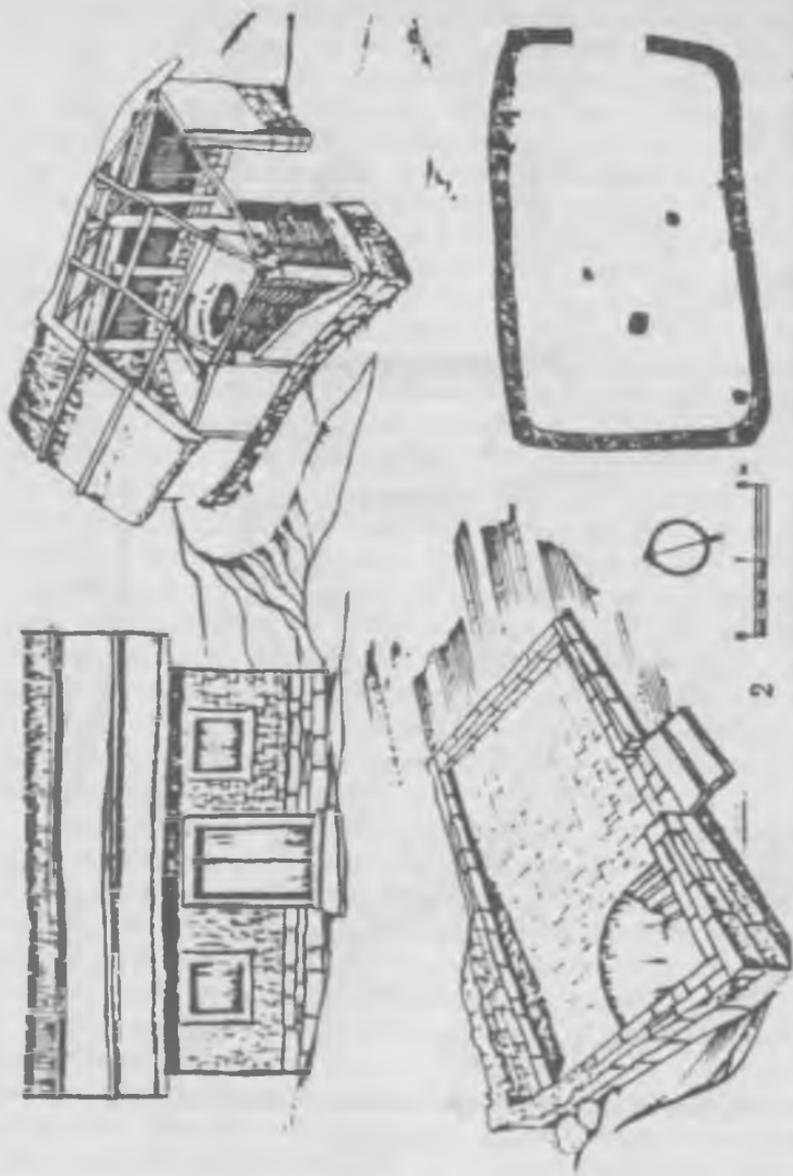
Рэут здесь делает излучину и образует вытянутый с востока на запад мыс. Северная сторона его представляет собой крутой скалистый 60-метровый обрыв над Рэутом. Влезть по нему не всякому скалолазу удастся. Южный склон более пологий, но приблизительно с середины довольно резко возвышается, образуя площадку, удобную для заселения. Достаточно было по ее южной кромке установить небольшой частокол, чтобы и с этой стороны укрепление стало неприступным. Сравнительно узкий проход на запад, в излучину, был перекрыт валом. Самое опасное место расположено на востоке: два вала были построены в тридцати метрах друг от друга. Причем оба они отгораживали не только возвышенную часть мыса, но и тянулись по склону к югу до самой реки. Устроены все валы были одинаково. Насыпь из камней, перекрытая землей, в нее впущены деревянные клетки с земляной забутовкой внутри. Столбы, на которых держались клетки, были вбиты в скальную породу. По верху вала, очевидно, шел частокол или деревянная стена, надстроенная над клетями. Конструкция довольно обычная.

Перед валами располагались глубокие рвы. Для их устройства пришлось долбить скалу. Ширина рвов 5–7 м, а глубина до 3,65 м. В том месте, где рвы сужались до 1,5 м, находился, очевидно, въезд в крепость. Оставшаяся часть была перекрыта, вероятно, подъемным мостом. Так что укрепления мощные, потрудиться гетам пришлось основательно.

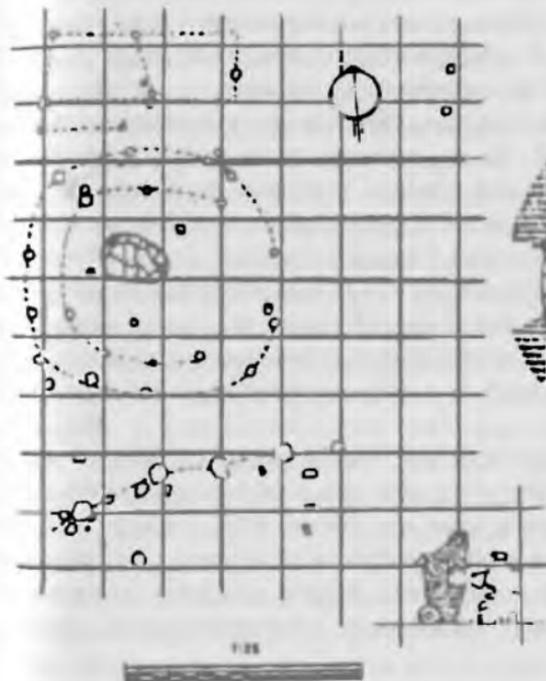
Когда жителям городища стало тесно, а первоначально они заселили лишь его западную часть, третий вал был снивелирован, ров засыпан, укрепления сохранились лишь по склону, площадку оградил с востока в самом узком месте новым, четвертым валом, сооруженным из обожженной глины на каркасе из прутьев.

Графическая реконструкция укреплений поселка у с. Бутучень
(по И. Т. Никулицэ)

Реконструкция наземных жилищ в Бутученах (по И. Т. Никулице)

Сотатки святилища на городище Бутучены (го И. Т. Никулица)

Наконец, пятый вал представлял собой передовую, далеко выдвинутую вперед линию обороны, с северо-востока отгораживавшую въезд на плато. Обширное пространство между пятым и четвертым валами не было застроено. Оно, очевидно, использовалось в качестве загона для скота, который пригоняли сюда в случае опасности жители всех соседних поселений.

Площадь городища раскопана еще не вся, поэтому трудно судить о планировке поселка, но несколько построек исследованы полностью. Г. Д. Смирнов и И. Т. Никулицэ предложили их реконструкцию. Здесь находились дома как со стенами из поставленных вертикально, расколотых пополам бревен, обмазанных глиной, так и глинобитные на каменном фундаменте и полностью каменные, как в Тире, но меньших размеров (две комнаты с тамбуром при входе). В одном из домов имелся подвал.

Но самое интересное сооружение раскопано на площадке между вторым и третьим валами. Выявлена каменная вымостка овальной формы 1,3Х2 м из плотно пригнанных, тщательно заглаженных известняковых камней, которая возвышается над поверхностью на 30 см. Камни прокалены, на них иногда разжигался огонь. Вокруг вымостки обнаружены ямы от столбов глубиной от 40 до 60 см и диаметром 24–48 см, расположенные в определенном порядке: три около самой вымостки, шесть образуют подковообразную фигуру около 6 м в диаметре, и все это сооружение окружено двенадцатью ямками, образующими круг диаметром 8 м.

Скорее всего, перед нами святилище древних гетов – круглый храм. Вымостка была алтарем, три столба подпирали центральную часть конической крыши с отверстием в середине для выхода дыма, шесть столбов держали плетеные из прутьев стены храма, а столбы внешнего круга служили колоннами крытой галереи вокруг сооружения. Реконструкция весьма вероятная.

Но Иван Тимофеевич Никулицэ идет дальше и предлагает другой вариант. Слышали ли вы когда-нибудь о Стоунхендже? Это в Девоншире, в юго-западной Англии. Знаменитое древнее

сооружение, состоящее из огромных шестиметровых каменных столбов весом до 30 тонн с перекладинами сверху – трилитов. Трилиты и отдельно стоящие камни образуют несколько концентрических кругов (два центральных, кстати, имеют форму подковы). Колоссальная и загадочная постройка.

Уже достаточно давно предполагалось, что это не только какое-то древнее святилище, но и своего рода обсерватория, позволявшая древним обитателям Девоншира вести астрономические наблюдения. Достаточно убедительные доказательства представил американский ученый, сотрудник Смитсоновской астрофизической обсерватории Джеральд Хокинс. Он убедился, что визиры, образуемые просветами трилитов и отдельно стоящими камнями, нацелены на вполне определенные точки небосклона. Принцип тот же, что в прицеле ружья – прорезь планки и мушка. Он своими глазами наблюдал и зафиксировал на пленку 12 июня 1962 года в 4 часа 30 минут утра восход солнца в день летнего солнцестояния точно в одном из таких „прицелов”.

Вот и И. Т. Никулицэ предполагает, что святилище в Бутучень могло выполнять ту же функцию, то есть служить для календарного счета и астрономических наблюдений. Он даже пытается реконструировать календарь древних гетов, сопоставляя его с известным египетским. Предположение вполне реальное, хотя масштабы бутученского сооружения, конечно, гораздо скромнее. Хотелось бы только подтвердить выдвинутую гипотезу столь же точными и основательными наблюдениями и расчетами, как у Дж. Хокинса. Восстановить столбы, провести наблюдения в соответствующие дни и часы, пригласить к сотрудничеству астрономов. Быть может, это способствовало бы более точному определению даты постройки святилища. Есть над чем поработать.

Во всяком случае, попав в Бутучень IV века до н. э., мы явно оказались бы в одном из центров гетского мира. Не здесь ли находилась и ставка царя гетов Дромихета, того самого, что в 293 году до н. э. разбил и пленил в Буджакской степи стратега Александра и правителя Македонии Лисимаха? Впрочем, гетских городищ много в пределах Молдовы. Возможно, все их жители, или,

по крайней мере, большая часть, были подданными Дромихета. Чтобы воевать с Лисимахом, нужно было иметь силы, да и деятель такого масштаба, как Лисимах, претендовавший на все наследство Александра, вряд ли бы стал размениваться на мелочи, на личное участие в войне против царька, владевшего несколькими крепостями. На место ставки Дромихета могли бы, конечно, претендовать и другие городища, например Бунешть в запрутской Молдове, где найдена массивная золотая диадема или гривна весом более полукилограмма из двух параллельных золотых стержней, завершающихся головками то ли львов, то ли каких-то других животных с кольцами в зубах. Вещь явно царского достоинства.

В заключение следует упомянуть еще об одной находке, отражающей бурную историческую реальность второй половины IV века до н. э. У с. Олэнешть района Штефан-Водэ при случайных обстоятельствах был обнаружен клад, состоящий из античных бронзовых изделий, главным образом оружия, в том числе нескольких пар поножей, роскошного шлема с изображением головы бородатого сатира и сфинксов, а также великолепного трехрожкового переносного светильника, украшенного скульптурными фигурками птичек. Кто-то припрятал то ли военные трофеи, то ли то, что добыл, мародерничая на поле битвы. Получить такой набор вещей на территории Молдовы можно было либо от воинов Зопириона в 331 году до н. э., либо от солдат Лисимаха в 293 году до н. э. События разделены интервалом в 38 лет, предметы же клада не представляется возможным датировать с большей точностью, можно говорить лишь о второй половине IV века до н. э. в целом. Поэтому обе версии пока равновероятны.

Смутное время Сайтофарна. А тем временем на востоке тоже происходили важные события. Очень может быть, что разведка боем, проведенная Александром в 327 году до н. э., и разгром им среднеазиатских скифов дестабилизировали обстановку в евразийских степях. Начались передвижения племен, что и вы-

газилось в конечном итоге в нападении сарматов, заселявших поволжские степи, на европейских скифов, или царских скифов.

По свидетельству греческого историка Диодора, сарматы перебили всех скифов и превратили их страну в пустыню. К сожалению, Диодор, живший во II веке до н. э., ничего не сказал о времени нападения сарматов. Обычно относили это событие ко II веку до н. э., тем более что в Причерноморье для этого периода действительно известно достаточно много сарматских памятников.

Но в 1971 году Дмитрий Алексеевич Мачинский заметил любопытную вещь. В дошедших до нас фрагментах труда Гераклида Понтийского есть место, где он сообщает, будто бы сарматы живут около Меотиды (то есть Азовского моря) и там есть озеро с таким дурным запахом, что его не могут даже перелететь птицы. Такая характеристика применима в том районе лишь к одному месту – озеру, а точнее заливу Азовского моря, Сивашу. Он, действительно, обладает не очень приятным запахом, побывавшие на Перекопе это знают. Его, в самом деле, никогда не перелетают птицы, но не из-за запаха. Это заросшее камышом, болотистое, со многими островками место дает прекрасный корм водоплавающим перелетным птицам, и они всегда там остаются на несколько дней, набираясь сил перед дальнейшим перелетом.

Ну и что, скажете вы? А то, что низовья Днепра и берега Сиваша – места очень удобные для зимовки кочевников, ими владели всегда царские скифы, являлись они самым центром их державы. Труд же Гераклида Понтийского относится к 330–310 годам до н. э. Значит, в конце IV века до н. э. эти земли были заняты уже не скифами, а сарматами, следовательно, и описанный Диодором разгром Скифии мог произойти не во II веке до н. э., а еще в конце IV или начале III века до н. э. Когда Дмитрий Алексеевич высказал все эти соображения, то поначалу и скифологи, и сарматологи встретили их в штыки.

Но понемногу стали подбираться новые аргументы и факты, и число сторонников идеи Д. А. Мачинского возросло. Разработка хронологии скифских царских курганов показала, что самые поздние захоронения такого рода были совершены не позже начала III века до н. э. Далее, как обрезало. Сарматские захоронения были выявлены на Дону, однако западнее его дело обстояло хуже: обнаружены погребения, когда не исключается датировка III и даже IV веками до н. э. Все чаще среди скифологов звучат голоса, что Скифия в III веке до н. э., действительно, в значительной мере запустела.

Идея находит подтверждение и в некоторых других событиях конца IV века до н. э. После смерти Боспорского царя Перисада I между его наследниками началась борьба за власть. В 309 году до н. э. на стороне одного из них, Сатира II, выступал 30-тысячный отряд скифов. Его же противника Евмела поддержало сарматское племя сираков. Археологические следы проникновения сарматов в конце IV века до н. э. на Северный Кавказ тоже выявлены. Таким образом, сарматы и скифы оказались во враждебных коалициях. У сарматов был повод напасть на Скифию в конце IV века до н. э., что, по всей вероятности, и произошло. Остатки разбитых скифов как степных, так и лесостепных собрались в Нижнем Поднепровье, в степном Крыму и в предгорьях Крыма. Здесь они создали свое новое царство, просуществовавшее еще 600 лет, но той политической роли, какую играло скифское царство Атея, оно уже не могло исполнять. Великая Скифия перестала существовать. О последующих событиях III века до н. э. в Северном Причерноморье мы мало что знаем.

Проливает свет на некоторые эпизоды из истории этого времени один документ, который хранится в Санкт-Петербурге в Публичной библиотеке, но не в Отделе рукописей и не в Отделе редкой книги. Он стоит на площадке лестницы, и все, кто посещал библиотеку, его, наверняка, видели. Это мраморная плита, испещренная с обеих сторон ровными рядами изящного греческого шрифта. Там можно прочитать: „Совет и народ постановили 20 числа, Архонты и Семь предложили, так как... Протоген, унаследо-

вав от отца благосклонность к народу, всю жизнь продолжал говорить и действовать лучшим образом: во-первых, когда царь Сайтофарн прибыл в Канкит и требовал даров проезда, а общественная казна была пуста, он по просьбе народа дал 400 золотых..." Ну и так далее. Протоген постоянно выручал свой город деньгами. Нам здесь интересны упоминание о царе Сайтофарне и сообщение о другом событии, имеющееся на оборотной стороне камня:

„Еще же, когда наибольшая часть города со стороны реки, а именно вся гаванная часть и прилежащая к прежнему рыбному рынку ... не была окружена стеной, а перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще, что фисаматы, скифы и сандараты ищут укрепленного места, точно также боясь жестокости галатов, и когда вследствие этого многие впали в отчаянье и приготовились покинуть город, а вместе с тем в стране случилось много и других печальных событий, все рабы и пограничные миксэллины, числом не менее 1500, бывшие в предыдущую войну союзниками города, были совращены врагами и выселились многие иностранцы и немалое количество граждан, вследствие чего собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных людей помочь не допустить, чтобы отечество... попало во власть врагов... обещал он сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы на них, хотя ему предстояло истратить не менее 1500 золотых...”.

Камень происходит из Ольвии – греческого города, стоявшего на Днепро-Бугском лимане. Это почетный декрет, которым ольвиополиты наградили Протогена за его „благосклонность к народу”, своего рода почетная грамота. Вот только, к сожалению, мы не знаем 20 числа какого месяца и какого года состоялось это награждение. В сохранившихся частях текста об этом ничего не сказано.

Декрет известен уже давно, о нем много писали, датировали его разным временем: и началом III века до н. э., и его серединой, и II веком до н. э., и даже I веком н. э. В 1966–1968 годах два

исследователя, Татьяна Николаевна Книпович и Петр Осипович Карышковский, работая параллельно и независимо друг от друга в Ленинграде и Одессе, изучили шрифт декрета, сравнили с другими датированными документами и пришли к очень близким выводам. По их мнению, декрет относится соответственно к последним десятилетиям III века до н. э. или первому десятилетию II века до н. э. Более двадцати лет датировка рубежом III и II веков считалась общепринятой, но в самое последнее время стали раздаваться голоса о некоторых несоответствиях, возникающих в таком случае. Например, упоминание „миксэллинов” – греческо-варварского населения из деревень, окружавших Ольвию, ее сельскую округу. По археологическим данным, эти поселения погибли не позднее третьей четверти III века до н. э. В последние десятилетия III века до н. э. миксэллинов уже не было.

Я, признаться, тоже склоняюсь в пользу более ранней даты. Данные Т. Н. Книпович и П. О. Карышковского не столь определены, и все имеющиеся факты можно согласовать, если допустить, что события происходили в 60–40-х годах III века до н. э., а декрет был записан между 40–20-ми годами. Не будем сейчас вникать в подробности, тем более что дискуссия только-только начинается и вопрос остается еще открытым.

Кто же такой царь Сайтофарн? Имя у него любопытное, иранское. Иранцами были и скифы, и сарматы, но вот частичка „фарн” чаще встречается в сарматских именах, чем в скифских. „Фарн” – значит, счастье, удача. В целом его имя можно было бы перевести как „носитель счастья саев”. Саи же с иранского переводятся как „царские”. Скифы-саи, царские скифы. Не их ли это царь? Но они, как мы уже знаем, разбиты сарматами. А описывая несколько позже население Северного Причерноморья, греческий географ Страбон называет и царских сарматов. Сарматов-саев. Скорее, Сайтофарн руководил именно ими.

Как уже говорилось, археологические следы сарматов, разбивших скифов и превративших Скифию в пустыню, выявляются с трудом. Если на левобережье Днепра еще можно назвать

некоторые памятники, то на правом берегу их почти нет. Есть, правда, несколько странных комплексов. В Молдове это Бобуечь под Кишиневом. Сейчас вещи из клада, найденного там, выставлены в Государственном Историческом музее в Москве: золоченый бронзовый греческий шлем с гребнем, детали конской сбруи (круглые бляхи-фалары, наносник в виде широкой лопасти с крючком, украшавший передний ремень узды), бронзовый котел и две бронзовые пластины, похожие на нащечники шлема. На них очень своеобразно изображены олени с прямыми рогами, человеческие маски-лица, полукружия, звездочки. Стиль странный, на скифские и сарматские рисунки совсем не похоже, скорее напоминают некоторые произведения кельтского искусства.

Другой клад из украшений конской сбруи найден в селе Брэвичень Орхейского района. В него входят бляшки, наносник, колечки с крючками в виде конских головок, заменявшие пряжки и известные в кельтском мире.

В насыпи одного из курганов, раскопанных при строительстве упоминавшейся Семеновской оросительной системы, были обнаружены вещи, не связанные с основным погребением: уздечка с наносником, красивая чаша литого стекла, обломки амфор.

В Одесском археологическом музее хранятся вещи, случайно найденные в селе Великопоском: бронзовый котел, серебряная чаша, наконечники копий, остатки кожаного щита и пара уздечек с наносниками и удилами, причем удила имеют крестовидные псалии, которые распространены у северокавказских сарматов. Наносники же такой формы, как все упомянутые, и встречаются как в захоронениях сарматов, так и поздних скифов, оставшихся в Крыму.

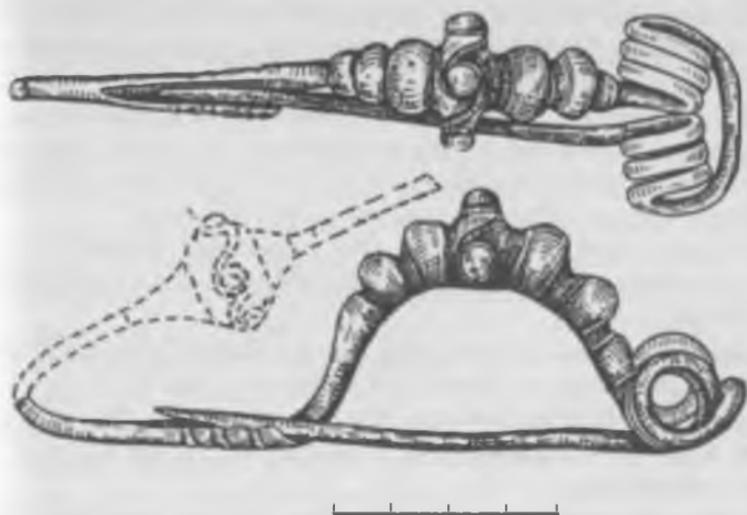
К перечисленным нужно добавить случайную находку из Марьевки на Южном Буге: наносник узды, кельтские бронзовые сосуд и шлем типа Монтефортино, который иногда называют „шапочкой жокея“. Действительно, они похожи, хотя шлем-то носился козырьком назад.

Все эти комплексы датируются в пределах III – начала II века до н. э. Однако что могли бы означать клады воинов-конников? Не принадлежат ли они тем самым саям царя Сайтофарна, которые наезжали на правобережье Днепра, собирая „дары проезда“ с Ольвии и всего прочего населения, сохранявшегося еще в указанных районах или пытавшегося обосноваться на незаселенных землях, освободившихся с разгромом Скифии.

Одним из претендентов на заполнение этого вакуума могли быть упомянутые в декрете галаты, так греки называли кельтов. Как и когда эти варвары, населявшие в IV веке до н. э. в основном приальпийские районы верховьев Рейна и Дуная – территорию современной Чехии, часть Северной Италии и Франции, оказались у стен Ольвии?

С начала IV века до н. э. кельтские племена неудержимо расширяют границы своего обитания. В 390 году до н. э. они осадили Рим и не быть бы ему „вечным городом“, если бы однажды ночью гуси, содержащиеся при храме богини Юноны, не подняли шум и гогот, предупредив защитников о тайком пробравшемся в город отряде кельтов. На Балканах интересы кельтов, захвативших северо-западную часть полуострова, должны были столкнуться с интересами Македонии. Мы не знаем, о чем велись в 335 году до н. э. переговоры Александра с кельтами, известно только, что послы держались очень независимо и даже высокомерно. Но мы можем догадаться о результатах переговоров по дальнейшим событиям. Александр через год начал восточный поход, а кельты именно во второй половине IV века до н. э. заняли Среднее Подунавье и Трансильванию. На переговорах, очевидно, речь шла о разделении сфер влияния. Кстати, тогда же кельты проникли в Силезию, в район Вроцлава. Там обнаружены кельтские памятники. Возможно, именно это заставило носителей поморской культуры Польши сдвинуться на восток, на территорию Западной Украины и Беларуси, в Полесье и Верхнее Поднестровье.

После смерти Александра, а особенно после гибели в 280 году до н. э. Лисимаха, восточная экспансия кельтов возобновляется. Они занимают Фракию, переходят в Малую Азию, где чуть

Кельтская фибула из Калфы

позже возникает их государство Галатия, грабят Грецию. В 279 году до н. э. была ограблена даже греческая святыня – Дельфы. С большим трудом удастся вытеснить кельтов из Греции, они уходят на север. Кстати, кельтские памятники этого времени, первой трети III века до н. э., обнаружены в закарпатской Украине. В такой ситуации появление галатов под стенами Ольвии перестает быть удивительным.

В Восточной Европе фиксируется целая серия случайных находок кельтских вещей. Некоторые уже упоминались (Бобуечь, Брэвичень, Марьевка), другие обнаружены на гетских памятниках: на городищах Рудь и Малая Сахарна найдены характерные кельтские, так называемые духцовские фибулы. Прекрасную бронзовую застёжку плаща Георгий Феоктистович Чеботаренко подобрал на поле около городища Калфа у г. Бендер. Духцовские фибулы известны и на поморских памятниках западного Полесья,

а их случайные находки – в самых разных местах. Всего из Восточной Европы происходит 13 таких фибул. Гривны, фибулы, меч, бляшка в виде головки с большими глазами навывкате, характерные для кельтского искусства, найдены в Поднестровье. Наконец, кельтское погребение – трупосожжение в сером гончарном кельтском сосуде с духцовской фибулой – было обнаружено далеко на северо-востоке, в Залесье под Чернобылем.

Рассмотрение хронологии этих кельтских вещей наталкивает как раз на мысль о необходимости пересмотра даты декрета Протогена.

Судя по всему, галаты, будь они из Фракии или Закарпатья, не только собирались совершить набег на Ольвию, но и осесть там. Какие-то группы кельтов, возможно, и пробыли некоторое время в Причерноморье. Но не очень долго. Освоиться им, очевидно, не удалось.

А кто же такие скиры, с которыми галаты заключили союз, готовя нападение на Ольвию. Их еще раз, как жителей Восточной Европы, упомянет в I веке н. э. Плиний, а потом они появятся на страницах источников, рассказывающих о событиях V–VI веков н. э., об эпохе переселения народов. Тогда они будут вращаться в среде германских племен и их будут считать германцами. Кстати, дружина короля Одоакра, убившего последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула, состояла именно из скиров. Так что формально именно они положили конец Римской империи. Но это случится много позже. Были ли скиры из декрета Протогена германцами? В этом отношении их история похожа на историю бастарнов, с которыми мы познакомимся во время следующего путешествия в прошлое, возможно, они даже составляли какую-то часть племенного объединения бастарнов.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВТОРОЕ. В СТРАНУ БАСТАРНОВ

О чем могли говорить греки в 100 году до н. э.? Второе путешествие лучше, пожалуй, начать не из Тире, а из Ольвии. Этот греческий город находился недалеко от современных Одессы и Николаева, на берегу лимана, в который вливаются Днепр и Западный Буг. Из Николаева ходит небольшой корабль, делающий остановку у села Парутино. Здесь и нужно сойти на берег. Сразу же за селом располагается заповедник Ольвия – место раскопок, ведущихся уже более 100 лет. То, что вы увидите сегодня, на первый взгляд, быть может, не очень эффектно: какие-то каменные кладки, вымостки, кажущиеся непосвященному беспорядочными. Но если предварительно почитать что-нибудь об Ольвии, а по раскопкам походить вместе со специалистом, то впечатление резко меняется.

В центре треугольной площадки городища, образованной двумя большими балками – Северной и Заячьей, служившими городу естественной защитой, вы увидите алтарь из мощных тщательно обработанных плит известняка, остатки жертвенников, где жрецы убивали и сжигали жертвенных животных. Вам покажут места, где находились храмы Зевса и Аполлона Дельфиния. От них остались лишь фундаменты очень своеобразной конструкции из тщательно утрамбованных слоев глины и золы (так называемые субструкции). Но фундаменты позволяют восстановить план и размеры зданий, а найденные архитектурные детали – их облик. В храме Зевса (8X14 м) колонны располагались по фасаду, а в большом (10X16 м) храме Аполлона – по периметру всего здания. Около последнего храма сохранилась аллея постаментов. На них когда-то были установлены высеченные на мраморных плитах декреты местных властей и статуи. Располагался, вероятно, здесь и декрет в честь Протогена. Это храмовая площадь – священное место города, теменос. Отделяло теменос от агоры – площади, где протекала вся общественная жизнь города, большое здание (17,5X45 м) с девятью колоннами по центральной

оси. В нем проходили народные собрания, выступали философы и ораторы. Прямоугольная площадь агоры (около 2 тыс. кв. м) окаймлена постройками общественного назначения (разного рода учреждениями, где заседали коллегии, проходили суды, собирались налоги и т. д.), торговыми лавками (их легко узнать по сохранившимся подвалам), здесь же находился гимнасий, совершенно необходимый в любом греческом городе. Греки очень серьезно относились к физкультуре. На склоне, спускающемся к морю, увидите вы остатки цистерн и мощеных водоемов, трубы водопроводов – город был хорошо благоустроен. Сохранились и многочисленные остатки жилых домов с окруженными колоннадой мощеными двориками, с подвалами. На краю Заячьей балки вам покажут раскопанный участок городской стены из мощных каменных квадратов, удивительно точно пригнанных друг к другу. По сохранившейся улице-лесенке спуститесь к морю, в нижний город, где тоже находились жилые кварталы. Побывайте в Парутино, не пожалеете.

После такой экскурсии не потребуется чрезмерных усилий фантазии, чтобы представить себе этот город, увидеть себя на его улицах в шумной толпе многоголосого южного торгового и культурного центра. Допустим, выбрали бы мы для путешествия 100 год до н. э. О чем могли бы порассказать нам ольвиополиты и купцы из других городов, приехавшие по своим делам в Ольвию?

Они взволнованы. Минуло уже десять лет, как город избавился от власти скифского царя Скилура и его сына Палака. События тогда разворачивались следующим образом. Жители Херсона Таврического (греческого города, что расположен в Крыму, на окраине современного Севастополя) попросили помощи против скифов, осаждавших город, у царя Понта Митридата Евпатора. Само царство Понт со столицей в городе Синопе вытянулось узкой полосой вдоль южного берега Черного моря, но сейчас фактически вся Малая Азия ему подчиняется. Одни государства понтийские цари присоединили с помощью оружия, другие – благодаря тонко рассчитанным дипломатическим бракам.

все правители – их родственники. Так вот, Митридат послал своего полководца Диофанта и тот дважды разбил скифов. Особенно блестящей была вторая победа, девять лет тому назад. Всего шесть тысяч солдат Диофанта в бронзовых шлемах и панцирях, построившись фалангой, то есть плотно сомкнутым строем, прикрывшись щитами и выставив во все стороны свои длинные копья, разбили 50-тысячную армию кочевников, причем не только скифов царя Палака, но и их союзников во главе с царем Тасием.

Союзником был новый народ, недавно появившийся в Причерноморье, какие-то кочевники, пришедшие с востока, одни их называют ревксиналами, другие – роксоланами. Этим кочевникам греки особенно опасаются. Раньше все было проще. В степях к северу от скифов жили сарматы, старые враги скифов. В случае нападения скифов на город стоило обратиться к их соседям за помощью, как те тут же нападали на скифов с тыла. Ольвия, правда, предпочитала подчиняться скифам, платила им дань, но Херсонес часто призывал этих кочевников. Была такая сарматская царица Амага, которая помогала грекам. Теперь ситуация изменилась, роксоланы, хотя они вроде бы тоже сарматы, язык их похож, но со скифами они в союзе. Противовеса не стало.

Это и заставило престарелого Перисада, правителя Боспорского царства, что на полуострове в восточной части Таврики, на берегу пролива, тоже искать поддержки Понта. Сразу после победы над скифами Диофант поехал к нему, и они договорились, что Боспорское царство вообще перейдет под руку Митридата. Для самого Перисада это, правда, кончилось печально. Не все хотели подчиниться Понту. Воспитанник царя Савмак, скиф по происхождению, поднял восстание, Перисада убили, Диофант тоже чуть не погиб, ему удалось улизнуть на херсонесском торговом судне. Войска его, стоявшие в Херсонесе, подавили восстание и взяли столицу Боспорского царства город Пантикапей. Савмака Митридат казнил. Боспор стал частью Понта.

Воспользовавшись поражением скифов, Ольвия тоже перестала платить дань, за что и подверглась нападению кочевников. Случилось это осенью, положение было тяжелым. Просили

помощи у того же Митридата, но по бурному осеннему морю не было возможности прислать войска. Лишь один корабль провалился, благо, что и этих сил хватило. Подвиг капитана корабля ольвиополиты отметили специальным почетным декретом, установленным на теменосе.

Теперь все с интересом смотрят на Херсонес и Боспор, как им будет житься при новых покровителях. Во всяком случае, от нападений варваров они пока избавлены.

Ждут ольвиополиты и дальнейшего развертывания событий. Дело в том, что Митридат предлагает союз и другим греческим городам – Истрии, Дионисополису, Аполлонии и прочим, тем что на западном берегу Понта Эвксинского. Говорят, собирается он прислать своего человека в Ольвию и Тиру, чтобы вести переговоры и с жителями городов, и с вождями всех соседних племен. Кто только приедет для переговоров? Этот солдафон Диофант или, как ходят слухи, другой человек, более осторожный и хитрый стратег Неоптолем. Если только посланцу удастся со всеми договориться, то скоро Понт Эвксинский станет внутренним озером Понтийского царства. Но, может быть, это неплохо. Будет единая система денег, мер и весов, можно будет справиться с пиратами. Во внутренние дела ни городов, ни варваров Митридат обещает не вмешиваться. Придется, наверное, немного раскошелиться, Митридату нужны деньги, но и торговля от всего этого выиграет, потом затраты окупятся. А главное, варвары перестанут угрожать городам.

Да, варвары не могут жить без войны, что же, пожалуйста, Митридат найдет им применение. Он даже обещает открыть свои арсеналы и выдать союзникам бронзовые шлемы, которых те делать не умеют. Свою долю добычи, воинской славы и приключений варвары смогут получить и в других местах, на других границах державы Митридата. Воевать придется скорее всего с римлянами, те вряд ли допустят такое усиление понтийского царя.

Римлян греческие купцы не любят. Уж очень напористы, даже наглы эти безбородые короткостриженные люди и в торговле, и в политике, и в военном деле. Нужно, конечно, отдать им долж-

ное. Воевать они умеют, армия у них превосходная, солдаты прекрасно обучены и в умении сражаться в строю им вряд ли есть равные. Греческо-македонская фаланга, с помощью которой когда-то Александр Македонский завоевал полмира, – вещь, конечно, великая, Диофант это еще раз продемонстрировал. Но она несколько неповоротлива и громоздка. Строй легиона, состоящий как бы из нескольких фаланг, более гибкий, лучше позволяет использовать условия местности. Это каждый военный человек скажет. Вот и Ганнибал, на что уж был великий полководец, даже приведя в Италию боевых слонов, не смог с римлянами справиться, хотя ходил под стенами самого Рима. И флот у римлян неплохой, в умении управлять кораблями они разве что знаменитым морякам Родоса немного уступают. И Карфаген римляне разрушили, что греческим купцам, может быть, и на руку: одним конкурентом в Средиземноморье стало меньше. Но зато теперь сами римляне претендуют на ведущую роль в средиземноморской торговле. Македонских царей Филиппа и Персея они разбили, хотя те и призывали на помощь бастарнов. Македония и Греция теперь полностью в руках римлян. Если их не остановить, то скоро греческим черноморским купцам будет нечего делать в Средиземном море.

Остановить Рим ныне может только Митридат Евпатор. Если ему удастся осуществить задуманное – объединить в едином государстве и эллинов, и варваров, как мечтал еще Александр Македонский, то в руках понтийского царя окажется огромная сила. Варвары способны поставить бесчисленное множество солдат, греческие купцы могут дать деньги и снабдить армию оружием и продовольствием, построить корабли и обеспечить их опытными кормчими и моряками. Впрочем, большой флот, быть может, и не потребует, на море состязаться с римлянами трудно. Ведь это они придумали и ввели в практику абордажный бой. знают его в совершенстве.

Но есть другие возможности, если только бастарны, владеющие течением Тираса (Днестра), пойдут на союз с Понтом. Окажется, от верховьев этой реки до северной Италии и Рима не

так уж далеко, и Герцинский лес, через который пойдет путь, столь непроходим, как казалось. Ведь им совсем недавно прошли огромные полчища кимвров и тевтонов, вынужденных уйти со своего Кимврского полуострова в Северном океане (то есть из современной Дании) из-за большого наводнения. Северные варвары наверняка разгромили бы Рим, не отвлеки их другая задача – завоевание Галлии (то есть нынешней Франции). Проводники, знающие Герцинский лес, среди бастарнов, наверняка найдутся, потому что к ним то и дело прибывают новые группы переселенцев с их далекой прародины на берегу того же Северного океана, и последние из них принимали участие в походах кимвров и тевтонов. Войск на северных границах у Рима немного удар будет неожиданным, а если присоединятся еще кельты, в частности живущие по среднему течению Дуная скордиски, а с ними Митридат тоже ведет переговоры, то успех будет обеспечен.

Правда, только что пришла весть, что римлянам удалось наголову разбить кимвров и тевтонов в двух битвах, под Аквами Секстиевыми в Галлии и под Верцеллами в северной Италии. Воины Гая Мария разграбили их имущество (добычу, накопленную за более чем 13 лет непрерывных и победоносных войн), в плен взято не менее 60 тысяч варваров, цены на рабов теперь упадут, а убито, говорят, вдвое больше.

Армия нового типа, созданная Гаем Марием, избираемым уже в который раз консулом, показала свои лучшие качества. Во всех государствах мира два вида армий. Это или отряды наемников-чужеземцев – греков-ахейцев, спартанцев, кельтов-галатов, или ополчение из граждан, достаточно состоятельных, способных приобрести вооружение. Один наемник стоит, конечно, нескольких ополченцев, он профессионал, всю жизнь на войне. Но и обходится он государству во столько же раз дороже, кроме того, его всегда могут перекупить – дерется он за чуждые ему интересы. Ополченец сражается за свою родину, но его отвлекают от службы собственные дела. Марий же предложил набирать армию из граждан Рима, но из числа разорившихся, неимущих, обеспечивая их оружием, а по окончании службы наделом земли. Желающих

нашлось достаточно. Труд рабов все чаще применяется в сельском хозяйстве, владельцы участков не могут конкурировать с рабовладельческими латифундиями, разоряются, уходят в города. Такой воин сочетает в себе достоинства профессионала и патриотизм ополченца. Но умный человек понимает, что новая организация армии таит в себе и определенную угрозу для республиканских порядков Рима. Армия теперь целиком зависит от своего полководца, императора, как и он зависит от поддержки своих солдат. В реальности не избранный народом сенат, а императоры и их солдаты будут решать все дела. Территориями Рим владеет обширными, армий будет вынужден содержать несколько. Между полководцами неизбежны противоречия, а решать они их будут с помощью своих войск. Вот и сейчас, говорят, у Гая Мария появился оппонент, его же офицер Корнелий Сулла. Если в Риме дойдет до гражданской войны, а понтийскому царю удастся быстро осуществить свои планы объединения в антиримском союзе всех государств и народов вокруг Черного моря, у него будет шанс на победу.

В 100 году до н. э. у ольвиополитов было о чем потолковать за киликом вина. Можно, конечно, усомниться: откуда им знать о событиях в Риме и Галлии, ведь не было ни газет, ни радио. Но давно замечено, что молва имеет свойство удивительно быстро распространяться, она опережает любых гонцов, для нее нет секретов. Людей всегда волнуют кроме их повседневных дел и местных проблем вопросы мировой политики. Думаю, волновали они и жителей древней Ольвии, от действий Митридата и Рима в какой-то мере зависела и их судьба, во всяком случае цены на рынке.

Темы разговоров ольвиополитов не выдуманы. Желающие могут проверить – перечитать соответствующие разделы в учебниках истории, познакомиться с некоторыми специальными работами.

В разговорах несколько раз упоминалось имя бастарнов. Этих варваров мы вполне могли бы встретить на улочках Ольвии, они не только наезжали сюда для торговли, но, возможно, и

живали иногда в городе: при раскопках найдена в небольшом количестве характерная черная лощеная лепная посуда. Греки такой не делали, а встречается она на памятниках двух археологических культур – зарубинецкой в Поднепровье и Поянешты-Лукашевка в Молдове.

Культура Поянешты–Лукашевка в Молдове. С каким-нибудь очередным караваном купцов могли бы и мы отправиться к берегам Тираса. Что бы мы там встретили? По течению рек Днестра, Рэута, Прута и далее в Румынии по Серету и Бырладу мы бы увидели сравнительно небольшие поселки (на сегодня их известно 118, из них 21 в Днестровско-Прутском междуречье), стоящие группами вдоль реки. В действительности было, конечно, гораздо больше. Наибольшее их скопление в нижнем течении Рэута, в Орхейских кодрах. Некоторые поселки располагались на довольно высоких местах, например у с. Рудь в Дондушенском районе, некоторые – в пойме реки, вблизи от воды, например у с. Лукэшеука в Орхейском районе. Дома – хижины небольшого, размера, самые крупные до 48 кв. м., их стены, сплетены из прутьев и обмазаны глиной. Теперь так строят лишь сараи. Крыши, вероятно, были крыты тростником или соломой. Жилища, как наземные, так и слегка углубленные (на 50–70 сантиметров), меньших размеров, около 20 кв. м, имели квадратную, а иногда почему-то трапециевидную форму. Отапливались они в основном очагами: просто-напросто разжигался небольшой костерок, место для которого в некоторых случаях выкладывалось камнями. Для установки над углями сосудов при варке пищи или шампуров для мяса делались специальные глиняные подставки с изображениями на концах головок каких-то животных. Каких именно, не скажешь, сделаны очень схематично. Это вещи священные, их почитают. Такие подставки, правда металлические, еще недавно использовались в каминах Германии, Англии и Ирландии. Их называли Fire Dogs или Fűrbocke, то есть „каминные собаки” или „каминные щенки”. Столов и стульев жители поселков, скорее всего, не знали. Сидели, вероятно, на подушках из шкур, скрестив ноги по-восточному. У с. Лукэшеука найдена бронзовая фигурка какого-то божка именно в такой позе.

Основные вещи культуры Поянешты – Лукашевка: 1 – поясной крючок; 2 – бронзовая гривна-корона; 3 – железная фибула с бронзовыми шариками; 4 – бронзовая фигурка божка; 5 – поморская фибула; 6 – черная лощеная урна, накрытая миской, из погребения могильника Поянешты; 7 – поморский горшок; 8 – зарубинецкая (копьевидная) фибула; 9 – хрповато-лощенный горшок; 10–13 – лощеная керамика; 14 – железная фибула типа Каммер (название по могильнику в Восточной Германии); 15 – среднелатенская фибула варианта D/E, по Костшевскому; 16 – среднелатенская фибула варианта B, по Костшевскому.

Население занималось земледелием и скотоводством, разводило крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Шла нормальная сельская жизнь. С первого взгляда, особенно после Ольвии, может показаться – бедность и убожество. Но так жила, по сути дела, вся варварская Европа, и носители культуры Поянешты – Лукашевка отнюдь не самые примитивные. Они делали красивую

столовую посуду, черную блестящую, тщательно и аккуратно изготовленную, с гранеными краями венчиков. Довольно много у них было металлических изделий. Жители носили бронзовые и железные проволочные фибулы, браслеты, стеклянные бусы: мелкие золотистые и крупные бело-голубые с „глазками” (их покупали в городах). Их одежда была стянута поясом, застегивающимся при помощи специального довольно длинного крючка. Пряжек тогда еще не придумали.

Мертвых своих эти варвары сжигали, потом сгоревшие косточки выбирали из костра, складывали в сосуд-урну, в горшок, кувшин или глубокую миску, туда же помещали иногда личные вещи, украшения. Урна покрывалась другой более плоской миской. Часто миски имели небольшие х-видные ручки. Для погребения выбирали преимущественно столовую лощеную посуду.

Самые большие могильники раскопаны в Румынии – у сел Боросешты (117 захоронений) и Поянешты (55 погребений). В Молдове у с. Лукэшеука (поселение Лукашевка) открыто 21 захоронение, в Долинянах Черновицкой области – 24. Встречаются иногда погребения и довольно богатые. В Сипотень Кэлэрашского района в качестве урны был использован привозной кельтский бронзовый сосуд, куда была положена серебряная фибула. Изделия по тем временам достаточно дорогие. Нужно сказать, что почти все вещи сделаны очень аккуратно, даже изящно, их создатели обладали недурным вкусом.

Свидетельство Страбона. Какие у нас есть основания связывать культуру Поянешты – Лукашевка и очень похожую на нее зарубинецкую с бастарнами? Об этом свидетельствуют, во-первых, греческий географ Страбон, во-вторых, история происхождения этих культур и их хронология. Начнем с первого.

Страбон жил несколько позже интересующего нас времени, примерно в 64 году до н. э. он только родился. Как раз тогда, когда Митридат Евпатор, проиграв римлянам три войны, преданный всеми своими союзниками и даже собственными сыновьями, покончил с собой в Пантикапее. Гора в Керчи до сих пор носит имя этого царя.

Работал Страбон в основном в Риме, там и писал свою „Географию“, весьма объемный том, труд всей жизни. Много путешествовал, благо человек был состоятельный, мог себе это позволить. Родители его, выходцы из города Амиса в Малой Азии, естественно, были подданными Митридата Евпатора и даже его приближенными (дед был одним из полководцев царя). Описывая Северное Причерноморье, Страбон, очевидно, пользовался не столько современной ему информацией, доходившей до Рима, сколько рассказами своих старших родственников и знакомых, побывавших на северном берегу моря при Митридате, а также, вероятно, документами того же времени (донесениями разведчиков, письмами, договорами и т. д.) Один из его родственников занимал должность главного жреца, а храмы в древности были и архивохранилищами.

В седьмой книге своего труда Страбон сначала подробно описывает побережье от устья Дуная до Борисфена (Днепра), затем степную зону, „гетскую пустыню“ (очевидно, не заселенную в это время Буджакскую степь), страну тирагетов (ближайшее сельское окружение Тиря), страну языгов-сарматов, царских сарматов и ургов. „...В глубине материка, – пишет Страбон, – обитают бастарны, возможно, германская народность, одни из них называются атмонами, другие – сидонами, живущие на островах в устье Дуная – певкинами, а самые северные – роксаланами“. В „глубине материка“, то есть в лесостепной зоне, мы знаем две культуры, которые лучше всего соответствуют бастарнам-атмонам и бастарнам-сидонам. Что касается певкинов, то их пока не нашли: в устье Дуная искать археологические памятники трудно, во-первых, из-за наносов реки, во-вторых, из-за того, что это район государственной границы.

Смущает объединение Страбоном бастарнов и роксолан, поскольку последние явно сарматы, живущие на левом берегу Днепра. Это те самые сарматы, которых вместе со скифами разбил Диофант (Страбон об этой победе тоже рассказывает). В декрете, высеченном херсонеситами на мраморе в честь Диофанта, они названы ревксиналами. Но если предположить, что

бастарны и роксоланы находились в политическом союзе, а после поражения от Диофанта последние, быть может, даже подчинились первым, то в такой „оговорке” географа не будет ничего странного.

Рассмотрение проблемы происхождения бастарнов чуть отложим. Сначала нужно решить вопрос о хронологии, выделить самые ранние памятники, определить их даты, потом уже искать аналогии и делать сопоставления.

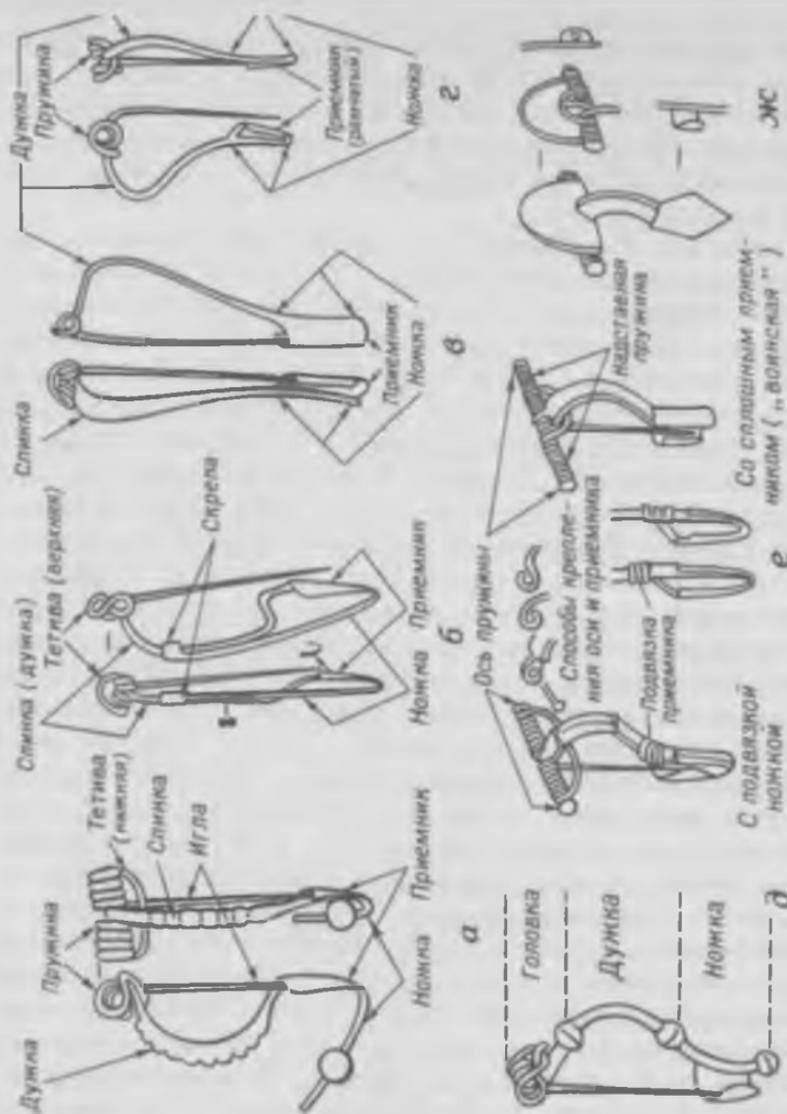
Кельты и проблемы хронологии. Монеты в интересующих нас культурах не попадаются, ими не пользовались. Но есть находки ручек от амфор с острова Родос со штемпелями астиномов: в Лукашевке – с именем Агафоклос, в Румынии на поселении Лунка-Чурей – с именами Антимахор, Запорионос, Дамакратор. И все эти люди, судя по специальным работам, посвященным изучению штемпелей, жили в 220–170 годах до н. э. А на Пилипенковой горе в г. Каневе на поселении зарубинецкой культуры найдено самое раннее клеймо, с острова Книд, с именем Аполладос, которое датируется еще 240–230 годами до н. э.

Но все это находки с поселений, вроде бы из комплексов: в Лукашевке ручка амфоры обнаружена в жилище, на Пилипенковой горе – в одной из ям. Однако мы знаем, что на поселениях „закрытость” комплексов не всегда надежна. Могло произойти перемешивание слоев, возможны разные случайности. Более надежны комплексы погребений, там уж, наверняка, все вещи попали в землю одновременно. Но в захоронениях, предметов, выводящих на античную хронологию, нет, придется идти опосредованным путем, через хронологическую систему кельтской, или латенской, как говорят археологи, культуры.

Кельты, как вы уже знаете – один из самых интересных исчезнувших народов древней Европы. Их племена заселяли всю среднюю часть материка от Атлантического океана до Карпат. Кельты – создатели своеобразной и высокой культуры, можно даже сказать цивилизации, не во многом уступающей греко-римской. Вот только письменности они не знали, поэтому и из событий их истории нам известны только те, при которых кельты

(римляне называли их галлами, а греки – галатами) взаимодействовали с римско-эллинистическим миром. Сильное культурное влияние оказывали кельты на своих северных и восточных соседей: все они, в том числе и население, представленное поянештско-лукашевской и зарубинецкой культурами, на протяжении нескольких веков жили так сказать „под вуалью” кельтского культурного воздействия.

В кельтских погребениях, как правило, много различных вещей, что и послужило основанием для разработки хронологии их культуры. Впервые исходя из сочетаемости вещей в комплексах такую схему хронологии создали немецкие ученые Отто Тышлер и Пауль Рейнеке еще в самом конце прошлого столетия – начале нашего. Всю латенскую культуру, или просто латен, они подразделили на три этапа: ранний (ступени А и В), средний (ступень С) и поздний (ступень D). Основным показателем каждого из них оказалась конструкция застежек плаща – фибул. Все они устроены по принципу современной английской булавки: имеют иглу, пружинку и приемник для иголки, но различаются в деталях. Кельтская фибула делалась из специальной заготовки или просто из куска проволоки. Проволочка иглы закручивалась в пружинку из нескольких витков, затем через „тетиву” делалось еще несколько витков, далее выгибалась дужка, или „спинка” фибулы, согнутый конец которой образовывал „ножку”. Нижняя часть ножки расплющивалась и формировалась в „приемник”. У раннелатенских фибул конец проволоки, образующий „ножку”, оставался свободным, незакрепленным. Часто он служил для декоративных целей, на него насаживался шарик или диск. Большую часть фибул с шариком называют духцовскими, а с диском – мюнзингенскими. Такая конструкция была не очень удобной: свободный конец ножки то и дело за что-нибудь цеплялся, ломался. Тогда мастера стали прикреплять его к спинке. Такими застежками пользовались в эпоху среднего латена. Затем конструкцию упростили. Конец ножки просто обрезали. Так появилась позднелатенская конструкция. Классификацию средне- и позднелатенских фибул разработал в одной из своих ранних книг польский

Фибулы, их конструкция и названия деталей

исследователи
археологи этой классификацией пользуются, называя различные варианты фибул введенными буквенными обозначениями.

Большая часть фибул поянештско-лукашевской и зарубинецкой культур имеют среднелатенскую конструкцию и реже — позднелатенскую. По схеме Пауля Рейнеке, это соответствовало бы III—I векам до н. э.

Система Тышлера-Рейнеке не совсем устраивала археологов. Уж слишком велики были ее ступени. Хотелось получить хронологию более точную и детализированную. Работы в этом направлении велись, и в 1956 году был издан большой и капитальный труд чешского ученого Яна Филипа „Кельты в Средней Европе”. В нем дается попытка реконструкции истории кельтов, изменений, происходивших в социальной и экономической жизни кельтского общества. До сих пор эта книга не утратила своего значения, а тогда произвела очень большое впечатление.

От хронологии П. Рейнеке чешский ученый отказался и ввел свою, с горизонтами находок, сопровождавших фибулы, названными по ведущей вещи: „горизонт духцовских фибул”, „горизонт фибул с большим шаром”, „горизонт среднелатенских скрепленных фибул” и т. п. По четкости и удобству пользования эта схема, нужно сказать, уступала рейнековской, а главное, расходились датировки многих вещей. Если у П. Рейнеке духцовские фибулы относились в основном к IV веку до н. э., то у Яна Филипа — к III и II векам до н. э., среднелатенские оказались не в III—II веках до н. э., а во II—I веках до н. э., выходя, по сути, за пределы среднего латена. На существование позднелатенских фибул пришлось всего порядка 15 лет, хотя они довольно многочисленны. Все это настораживало. Но авторитет труда Яна Филипа был велик, интересных и верных наблюдений там было много, хронологией этой стали широко пользоваться. В том числе и советские исследователи, занимавшиеся поянештско-лукашевской и зарубинецкой культурами, которые возникли, как получалось, на рубеже II—I веков до н. э.

А тут как раз были сделаны находки упомянутых амфорных ручек. Возникло разительное противоречие. Выходило, что поселения появляются на 100 лет раньше, чем могильники. Такого быть не могло. У европейских ученых тоже то и дело возникали противоречия реального материала со схемой Филипа. Приходилось возвращаться к системе Рейнеке, уточняя и улучшая ее. Применение корреляционного метода, корреляционных таблиц позволило выделить более мелкие группировки вещей, уточнить даты. Система усложнилась, но в целом оказалось, что Рейнеке был в отношении датировок ближе к истине. На приведенной таблице изображено ее современное состояние. Это, конечно, не истина в последней инстанции, но в таком виде все данные более или менее согласуются, хотя границы между ступенями условны и приблизительны, некоторые ступени в той или иной мере перекрывают друг друга, а иногда и просто параллельны: на разных территориях эволюция культур протекала по-своему, различными темпами. Система работает с точностью $\pm 20-30$ лет.

Почему же у Яна Филипа, такого крупного ученого, произошло завышение датировок? Думаю, дело в следующем: он не составлял корреляционных таблиц, все данные держал в голове, а их по сравнению с временем Рейнеке накопилось значительно больше. Человеческий мозг обработать такой объем информации уже не в состоянии. В бытовании же каждой вещи есть некий „шлейф” в будущее. И в нашем быту иногда встречаются вещи XIX века. Такие случаи „переживания” сознанием фиксируются особо, как и любая нестандартная ситуация. Кроме того, существует правило – датировать комплекс по самой поздней вещи. Его археологи переняли от нумизматов. Клад монет не мог быть укрыт в землю ранее даты чеканки самой поздней монеты. Это верно. Но есть и различие. Археологические предметы не столь жестко фиксированы во времени, как монеты. Заострение внимания Филипом на случаях „переживания” вещей в сочетании с принципом датировки по самой поздней находке комплекса и привели чешского ученого к последовательному завышению датировок. Один случай „вытягивал” другой, и вся система сместилась.

Если теперь поместить находки поянештско-лукашевской и зарубинецкой культур в систему латенской хронологии в ее сегодняшнем виде, то не трудно убедиться, что возникавшее ранее противоречие с датировкой по амфорам практически исчезает. В могильнике Поянешты найдены две небольшие железные среднелатенские фибулы, украшенные насаженными на спинку бронзовыми шариками. Две такие же фибулы, но целиком из железа, известны и в зарубинецкой культуре, на могильниках Воронино и Велемичи в Полесье. Это, безусловно, реплики, повторение в ином материале кельтских бронзовых застёжек плаща, которые в латенской культуре соответствуют ступени C_{1b}, как показывают корреляционные таблицы комплексов Карпатского региона, составленные чешским исследователем Иозефом Буйной. Ступень C₁ имеет лишь одну привязку к абсолютной хронологии: дата погребения 64 кельтского могильника Ведерат на Рейне (содержавшего, кстати, и фибулу с шариками на ножке и спинке) определяется с помощью дендрохронологии – 208 год до н. э. Этой же ступени в кельтской культуре свойственны простые круглые браслеты из сапропелита или лигнита, своеобразного черного минерала, близкого каменному углю. Обломки таких браслетов найдены при раскопках поселения поянештско-лукашевской культуры у с. Горошова Тернопольской области в среднем течении Днестра.

Можно было бы привести еще некоторые аргументы, но и названных вместе с находками амфорных штемпелей уже достаточно для утверждения, что обе культуры образовались во время, близкое к рубежу III–II веков до н. э. А в таком случае это удивительно точно совпадает с первыми упоминаниями в письменных источниках о бастарнах.

Бастарны на Балканах. Самое первое упоминание о них весьма смутно. Римский историк Помпей Трог, рассказывая о событиях 240–230 годов до н. э. на Балканах, обронил фразу, что в это время в среде бастарнов происходило какое-то движение. Напомним, что на этот же период приходится клеймо амфоры с Пилипенковой горы в Поднепровье.

Латенская хронология по Паулу Рейнеки, Яну Филипу и современное состояние. 1 – фибула типа Чартоза; 2 – фибула типа Мерцботто; 3 – духцовские фибулы с „гусеничной” спинкой; 4 – духцовские фибулы с гладкой спинкой; 5 – мюнзингенские фибулы; 6 – фибулы с шаром; 7 – пауковидные фибулы с фальшивой пружинкой на ножке; 8 – фибулы среднелатенской конструкции с „восьмерками” на ножке; 9 – среднелатенские фибулы с шариками; 10 – среднелатенские фибулы варианта А, по Костшевскому; 11 – среднелатенские фибулы варианта В, по Костшевскому; 12 – фибулы типа Орнавассо; 13 – позднелатенские „наухаймские” фибулы; 14 – фибулы среднелатенской конструкции варианта D/E, по Костшевскому; 15 – фибулы среднелатенской конструкции варианта G/H, по Костшевскому; 16 – фибулы позднелатенской конструкции варианта J, по Костшевскому; 17 – прокрученные фибулы позднелатенской конструкции варианта M/N, по Костшевскому.

Второе, тоже скупое, хотя и более подробное упоминание о бастарнах находим у Деметрия из Каппадокии, хорошо знавшего ситуацию в низовьях Дуная, так как его родной город находился вблизи этих мест. Наряду с живущими там фракийцами он называет бастарнов-пришельцев. Деметрий умрет в 216 году до н. э., так что его свидетельство сделано несколько раньше.

Хорошо известными бастарны становятся в связи с событиями 179–168 годов до н. э., достаточно подробно описанными римским историком Титом Ливием. В 179 году до н. э. послы царя Македонии Филиппа V отправились за Дунай к бастарнам и „привели к ним много знатных воинов и некоторых лиц царского рода”, из которых Филипп хотел сделать вождя за сына Филиппа свою сестру. Но бастарны не захотели и „отказались в царя поднять духа”. И не случайно. Дело в том, что в 197 году до н. э. Филипп потерпел крупное поражение от римлян, был вынужден заключить мир на очень тяжелых условиях. Пришлось выплатить громадную контрибуцию, отдать весь флот. По договору ему разрешалось иметь армию не более чем в пять тысяч человек. Филипп надеялся, однако, на реванш. Готовился к новой войне. Ежегодно он набирал пять тысяч солдат, обучал и распускал по домам, имея, таким образом, хороший запас резервистов. Союз с бастарнами давал еще одну возможность обойти договор с римлянами, а пока Филипп использовал их силы в борьбе с враждебными племенами яподов и дарданов, живших на побережье Адриатики.

Но Македония от бастарнов отделила земли фракийцев, занимавших территорию современных Болгарии и Румынии. „У них было условлено, чтобы Филипп доставил бастарнам безопасный

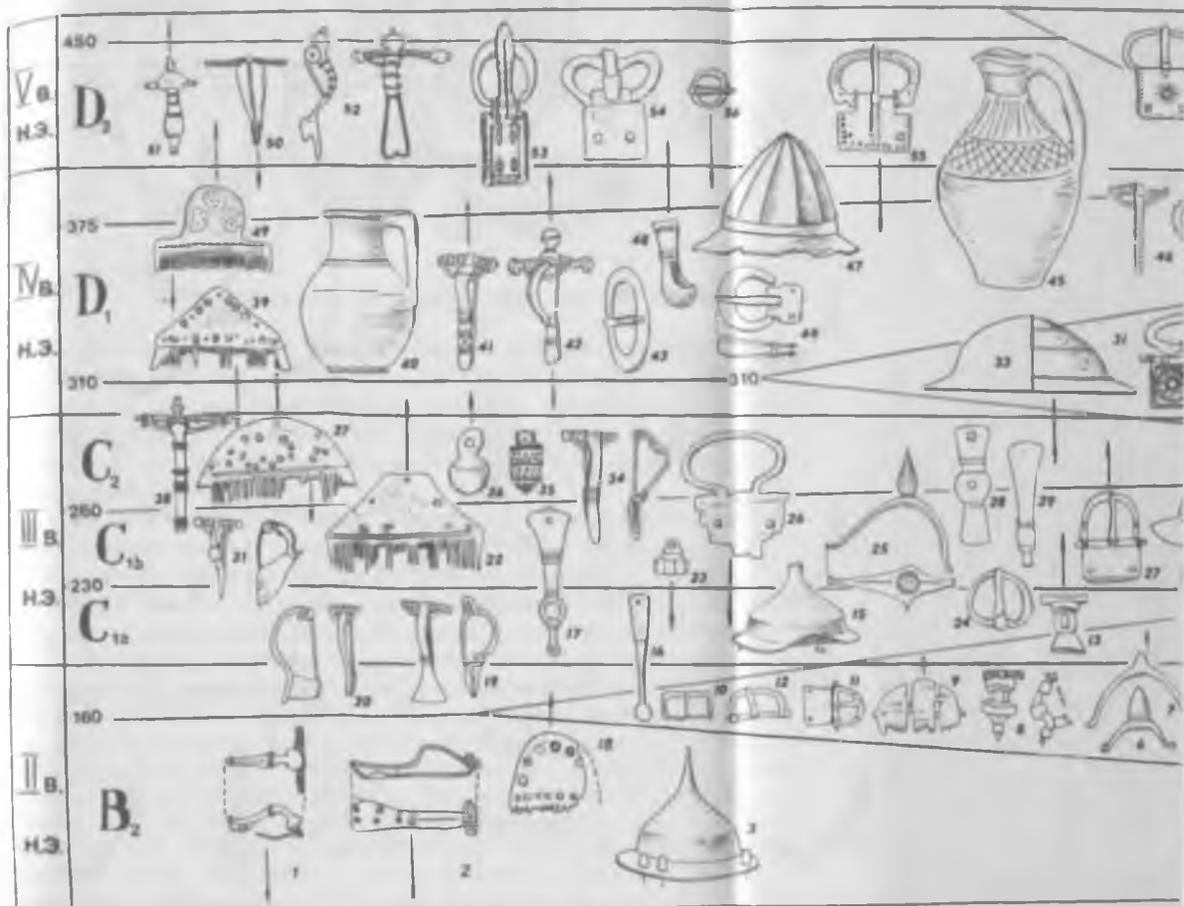

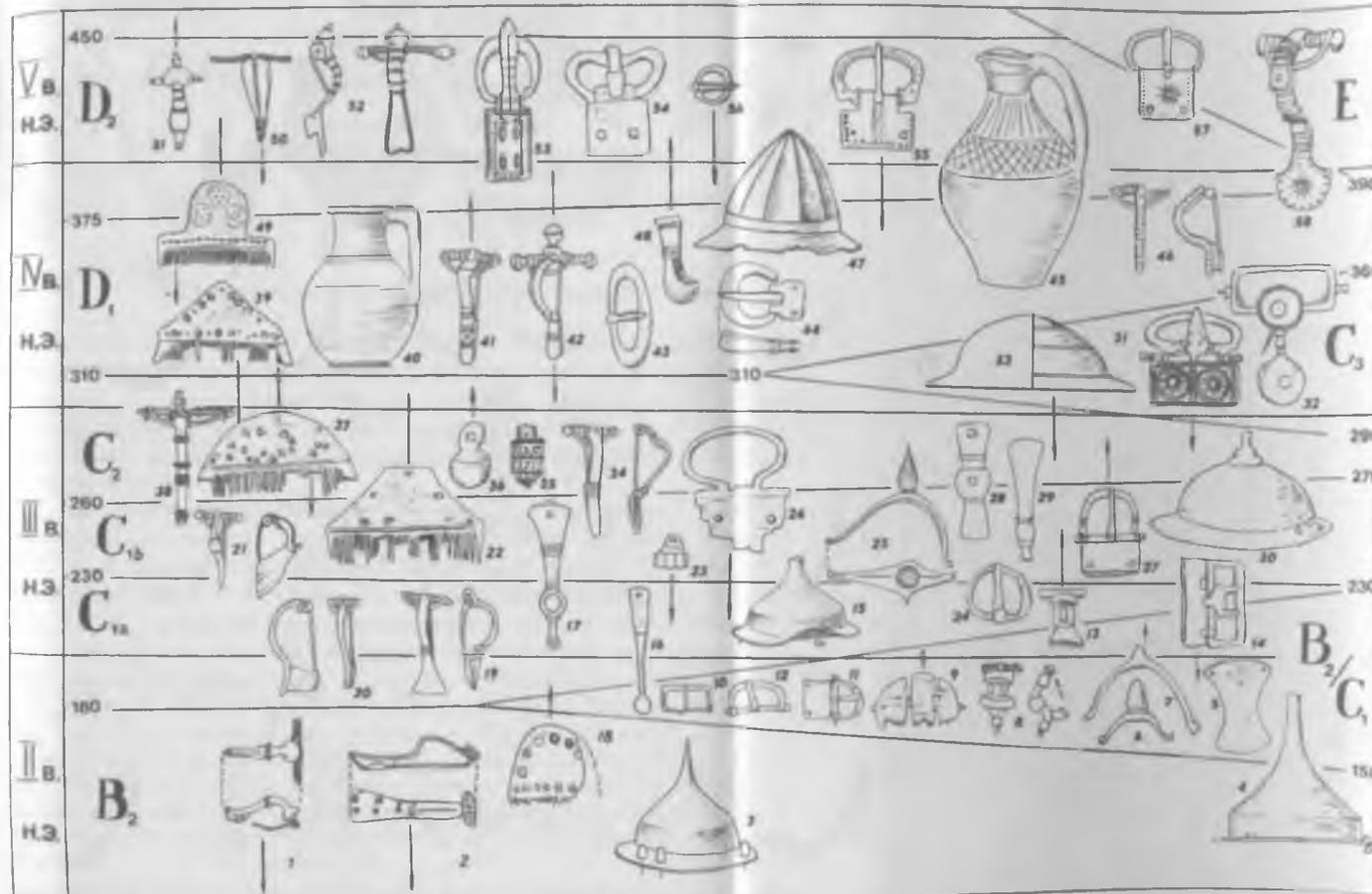
проход через Фракию и провиант. Чтобы быть в состоянии это исполнить, Филипп задал предводителей областей, поручившись, что бастарны совершат свой переход мирно". Далее их путь лежал бы через земли кельтского племени скордисков, занимавших территорию, примыкавшую к тому колену Дуная, где он поворачивает с севера на восток. „А скордиски без труда пропустят бастарнов – они ведь и по языку, и по обычаям мало от них отличаются”.

Бастарны находились уже на половине пути, когда Филипп неожиданно умер. Договоры потеряли силу. Фракийцы перестали поставлять провиант, бастарны начали грабить местное население, которое в свою очередь оказало сопротивление. В результате „тысяч тридцать перешло в Дарданию, куда они направились под предводительством Клондика, остальное множество вернулось обратно”.

В 175 году до н. э. новое войско бастарнов пыталось перейти Дунай, но неудачно. Тонкий лед проломился, многие погибли.

В 171 году до н. э. началась война с Римом, и сын Филиппа Персей опять призвал бастарнов. Они появились в 168 году до н. э. во главе с тем же Клондиком. „Шло десять тысяч всадников и такое же количество пехотинцев... Они выговорили себе: всадник – по десяти золотых наличными, пехотинец – по пяти, вождь их – тысячу”. Персей, однако, оказался „более бдительным стражем для своих денег, чем для царства”. Он начал говорить о вероломстве варваров, их дикости, о том, что они более опасные союзники, чем римляне – враги. Возможно, в этом и

Хронология позднего римского времени и начала эпохи переселения народов (по данным К. Годловского): 1 – «трубчатые» фибулы Альмгрена 77; 2 – «глазчатые» фибулы «прусской» серии Альмгрена 61; 3–4 – умбоны щитов типов 7b и 7a, по Мартину ННУ; 5 – наконечники поясов Раддатц J-IV; 6–7 – шпоры Годловский I и Годловский V; 8 – фибулы V группы, по О. Альмгрену (Альмгрена 96); 9 – составные однослойные роговые гребни Томаса В; 10 – квадратные пряжки; 11, 12, 27 – пряжки в виде латинской буквы «D»; 13 – фибулы V группы Альмгрена 129; 14 – пряжки с двойным язычком; 15 – умбоны типа Конин; 16 – наконечники поясов Раддатц J-II, 3,4; 18 – однослойные роговые гребешки Томаса А; 19 – подвальные однослойные фибулы с трапециевидной ножкой; 20–21 – фибулы с высоким приемником VII группы по О. Альмгрену (Альмгрена 193 и Альмгрена 196); 22 – трехслойные составные гребни с трапециевидной спинкой; 23 – подвески в виде «обоймы ведерок»; 24 – проволочные пряжки с округлой рамкой; 25 – шпоры Годловский VIII; 26 – пряжки типа «омега»; 28, 29 – наконечники поясов Раддатц 0 и Раддатц J-II, 6–7; 30 – умбоны типа Хорула; 31 – пряжки типа Бишлебен; 32 – фибулы типа Ра Молле; 33 – умбоны римского типа; 34 – подвальные фибулы Альмгрена 161 (1-й и 2-й варианты, по А. К. Амброзу); 35 – золотые подвески-ведерки с филигранью; 36 – янтарные грушевидные подвески; 37 – трехслойные составные гребни с полукруглой спинкой Томаса; 38 – фибулы с зернеными кольцами; 39 – гребни с треугольной спинкой Томаса II; 40, 45 – гончарные кувшины с лощеным орнаментом; 41 – подвальные фибулы Альмгрена 162 (3-й вариант, по А. К. Амброзу); 42 – фибулы с кнопками (Бюгель-кнопфибелы); 43 – овальные пряжки; 44 – калачиковидные пряжки; 46 – «гусеничные» фибулы (Раупенфибелы) Альмгрена 171; 47 – умбоны щитов типа Добродзень; 48 – наконечники поясов типа Жерники; 49 – гребни Томаса III; 50 – фибулы типа Нимберг; 51 – трехпальчатые фибулы; 52 – фибулы типа Вульфен; 53 – пряжки с инкрустацией гранатами (полихромный стиль); 54 – В-образные пряжки; 55 – орнаментированные пряжки со звериными головками (Тиркопшнален) типа Хермес–Локштедт; 56 – калачиковидные пряжки с длинным язычком; 57, 58 – пряжки, фибулы стиля Сёздаль

Пример работы корреляционным методом (обработка О. В. Шаровым материалов могильника черняховской культуры Данчени в Молдове). Хронологические индикаторы: 1 – фибула с кнопками (Бюгелькнопффибель) позднего варианта; 2, 4, 23, 37 – пряжки; 3 – лепные миски-плошки; 7, 20, 30, 32, 39 – разные формы роговых гребней; 9, 25, 47 – подвязные фибулы (соответственно 3-й, 2-й, 1-й варианты, по А. К. Амброзу); 12 – трапециевидные плоские подвески; 11 – простые лепные горшки; 17, 21, 44 – стеклянные кубки; 14 – мелкие стеклянные бусы; 22 – железные подвески в виде ведерка; 13 – ожерелья из ракушек каури; 28 – янтарные грушевидные подвески; 35 – сердоликовые 14-гранные бусы; 41 – бронзовые колечки; 46 – золотые подвески-лунницы с зернью и инкрустацией цветными камнями закшувского стиля; 45 – бронзовые подвески разных форм (в виде топорика, конических ведерок и пр.); 48 – фибулы типа Монструозо; 49 – лепные миски вельбарской культуры; 42 – Бюгелькнопффибель раннего варианта; 50 – разные формы лепной вельбарской керамики; 56 – наконечник пояса; 52 – квадратные пряжки; 53 – пряжка в виде латинской буквы „D”; 54 – ключи от шкатулки; 55 – обломок ручки и ушка бронзового античного сосуда (тип Стара-Загора); остальное – разные формы гончарной керамики.

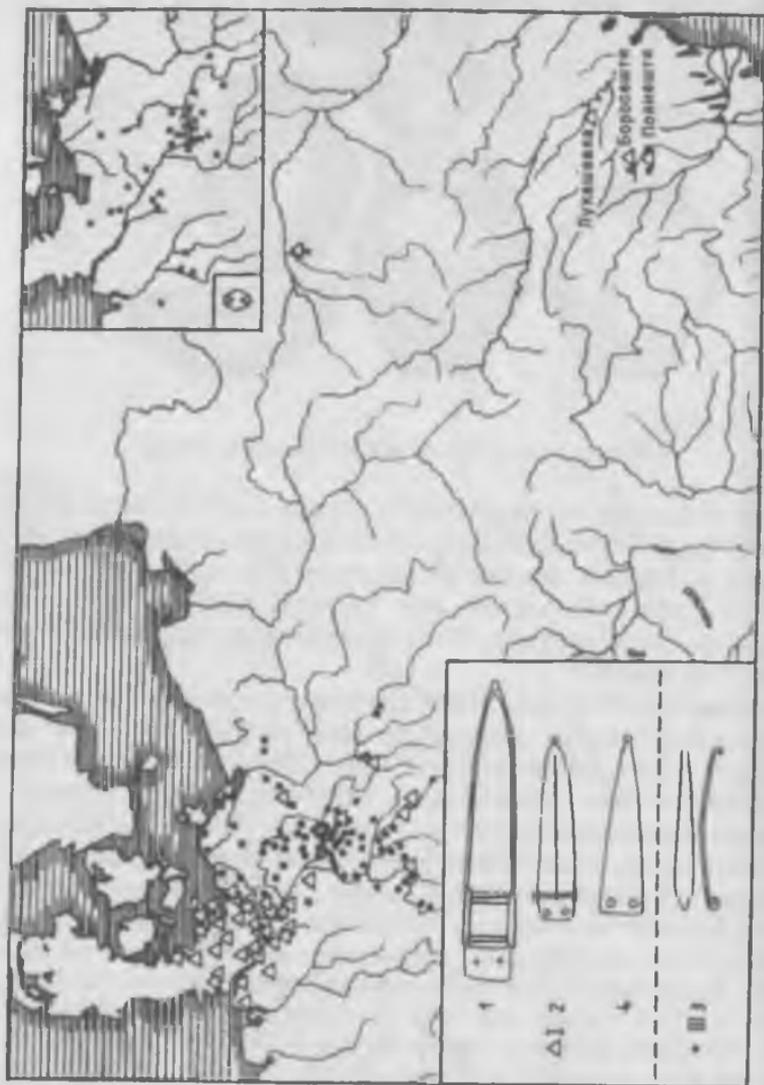
На рис. представлены вещи, характеризующие четыре фазы развития могильника. В правой узкой колонке – вещи, бытовавшие на протяжении нескольких фаз. Самая ранняя фаза названа нулевой, потому что в этих погребениях еще трудно распознать черняховскую культуру, она еще не сложилась

Ведущие формы вещей зарубинецкой культуры

была доля истины, мы не знаем, но скорее всего он просто поспешил. В результате бастарны ушли обратно, ограбив по дороге Фракию, в Персей окончательно проиграл войну римлянам и попал в плен. Македония как самостоятельное государство перестала существовать. Была вывезена в Рим и знаменитая библиотека Персея.

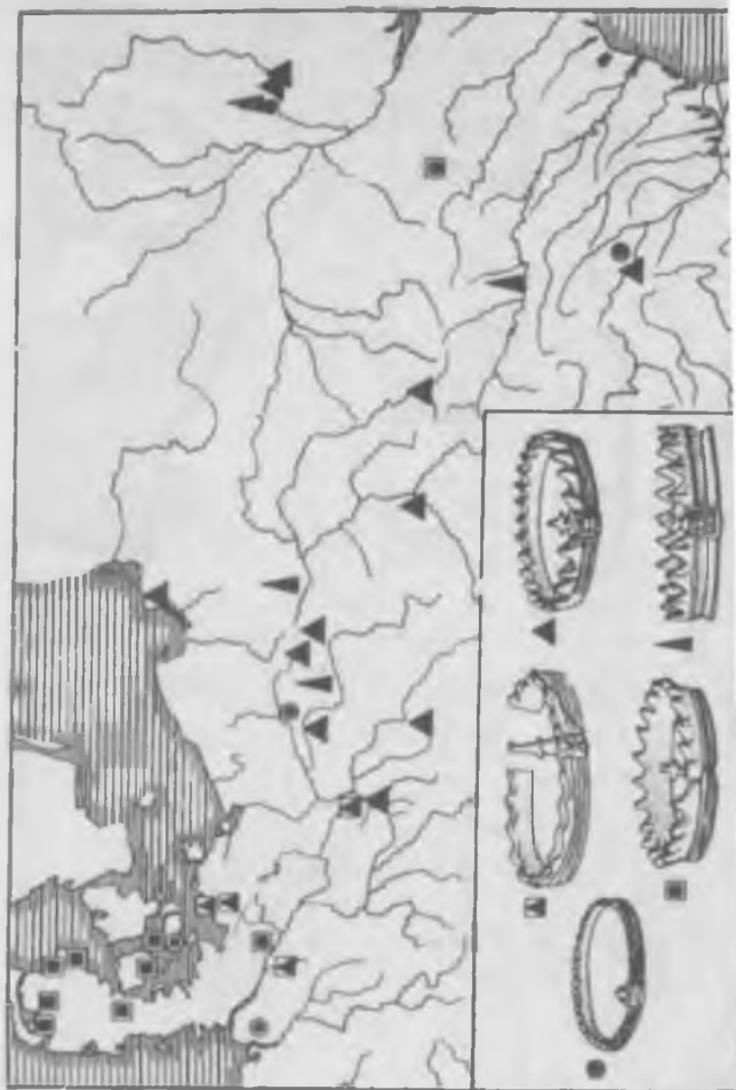
Свидетельства Тита Ливия дают ключ к пониманию и некоторых археологических явлений. С ними связано открытие ленинградской исследовательницы Ксении Васильевны Каспаровой. Она занялась так называемыми зарубинецкими фибулами. Это застёжки среднелатенской конструкции, только загибающаяся на спинку часть ножки у них расплющена в небольшой треугольный щиток. В зарубинецкой культуре они особенно часто встречаются, чуть ли не в каждом погребении, обычно парами. Очевидно, зарубинецкие женщины скалывали платье на плечах именно такими застёжками. Это была специфическая особенность их костюма. Но не только их. Как установила Ксения Васильевна, очень похожие фибулы известны на Балканском полуострове. Югославские археологи называют их копьевидными. Причем находят их на памятниках, приписываемых племенам яподов, дарданов и скордисков, то есть тем, с которыми приходилось так

Карта распаўсюджвання палых кручкоў (па М. Бабешу)

Карта распространения очажных подставок (по М. Бабешу)

или иначе взаимодействовать бастарнам во время походов. Копьевидные фибулы по времени или синхронны ранним зарубинецким, или раньше их. Вряд ли зарубинецкие мастера изобрели такие же, скорее всего идею этих застежек они получили, участвуя в походах бастарнов или имея перед глазами образцы их военной добычи. Таким образом, открытие Ксении Васильевны дает еще один аргумент в пользу бастарнской принадлежности носителей зарубинецкой культуры.

В культуре Поянешты–Лукашевка известна пока всего одна находка такой фибулы, на поселении Лукашевка принадлежавшей, очевидно, тем бастарнам, которые вернулись обратно и в мероприятиях Клондика участия не принимали. Впрочем, бронзовый сосуд из Сипотень находит аналогии тоже на территории Югославии.

Откуда пришли бастарны-пришельцы? Еще одна находка зарубинецкой, или копьевидной, фибулы сделана очень далеко – в устье Эльбы. Но и она не случайна. Румынский ученый Мирча Бабеш продемонстрировал ряд карт распространения упомянутых уже фибул с шариками, поясных крючков, глиняных очажных подставок. Оказалось, что основной район их находок – средняя и северная части междуречья Эльбы и Одера, а также территория Дании.

В Гэлаешти в Румынии, в зоне поянештско-лукашевской культуры, найдена очень своеобразная фибула с тремя декоративными дисками: на концах пружины и в месте перехода спинки в ножку. Такие фибулы имеют очень узкую и компактную территорию распространения – о. Рюген в Балтийском море и примыкающее побережье. Называются они поморскими.

Очень любопытную карту составляют находки еще одной категории украшений. Это массивные бронзовые кольца с зубчиками по краю, напоминающие короны. Носили ли их на голове, как короны, или на шее, как широко распространенные в кельтском мире гривны-торквесы, не совсем ясно. Скорее второе. Кольца разъемные, с шарниром, со специальной затычкой, скреплявшей кольцо в застегнутом положении. Для ношения на голове такая деталь была бы необязательна. Находят их всегда не на по-

селениях или могильниках, а случайно и, как правило, в болотистой местности. На севере Европы с глубокой древности и до средневековья был широко распространен обычай приносить жертвы языческим богам, бросая в болото различные предметы, ценности, иногда и людей. Известна целая серия таких „болотных” находок. Возможно, и гривны-короны из этой же серии. Кто знает, вдруг они были принесены в жертву болотным богам вместе с владельцами. Трупы в болотной среде иногда консервируются, но могут и, наоборот, полностью разложиться, так что и косточек не останется. Все зависит от местных условий.

Как совершались такие жертвоприношения, в связи с какими верованиями, какими обрядами сопровождались – обо всем этом можно только гадать. Но вот карта распространения гривен-корон действительно любопытна. Они выстраиваются длинной цепочкой от северной Дании до среднего течения Серета в Румынии. Одно компактное скопление таких находок (целых пять штук) найдено в районе города Мены на Черниговщине, в зоне, примыкающей к зарубинецкой культуре, хотя в ее ареал и не входящей.

Все приведенные примеры можно было бы трактовать как свидетельства торговли, далекой, поэтапной, от одного племени к другому, от одних торговцев к другим. Если бы не лепная керамика интересующих нас культур. Горшки и кувшины вряд ли стоило тащить из Дании в Молдову. Скорее всего, случилось иначе: пришли люди, продолжавшие делать сосуды привычных для них форм, привычными приемами. Для раннего этапа поянештско-лукашевской и зарубинецкой культур показательны, например, горшки с высокой цилиндрической горловиной, отделенной от тулова уступчиком или валиком. Иногда они целиком лощеные, блестящие, а иногда лощеная только горловина, а тулово нарочито ошершавлено – „хроповатое”. Такая посуда характерна и для так называемой поморской культуры V–III веков до н. э. в Польше, и для ее западных соседей – носителей культуры Ясторф в Германии. В зону последней входят также территории Дании и южной Скандинавии. В ясторфской культуре найдем мы и миски с маленьким ушком, напоминающие поянештские. Как

здесь, так и там они зачастую служили и крышками, покрывающими погребальную урну. Обнаружим мы и похожие кувшины, в частности в Дании. Примеры можно продолжить.

Светлана Петровна Пачкова, побывав в Польше и познакомившись визуально с материалами памятников междуречья Одера – Нейсе (так называемой губинской группы ясторфской культуры), убедилась в удивительном сходстве их керамики с посудой исследованного ею поселения Горошова. А ведь, когда киевская исследовательница начинала свою деятельность, она была активной сторонницей местного автохтонного происхождения поянештско-лукашевской культуры. Это еще раз к вопросу о том, как важно для археолога видеть материал воочию, потрогать черепки руками.

Спор автохтонистов и аллохтонистов по поводу культуры Поянешты–Лукашевка ведется давно, не окончен он и сегодня. Румынский археолог Раду Вульпе, раскопавший Поянешты, опубликовал в 1955 году работу, где приписывал такие памятники бастарнам. А Георгий Борисович Федоров, публикуя в 1957 году могильник Лукашевка, считал его фракийским, местным. Линию Вульпе продолжали затем ленинградский исследователь Дмитрий Алексеевич Мачинский, румынский ученый Мирча Бабеш и другие; а линию Г. Б. Федорова – московского мэтра молдавской археологии – его кишиневские и московские ученики. Впрочем, сам мэтр некоторое время спустя тоже отошел от крайних позиций. В 1973 году в „Археологии Румынии” он уже признавал наличие западного бастарнского элемента, выражающегося прежде всего в черной лощеной керамике.

Самый сильный аргумент сторонников автохтонной теории состоит в том, что на поянештско-лукашевских поселениях (в отличие от могильников) процент лощеной керамики невелик, преобладают черепки больших грубых горшков иногда с налепами, с валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями. Посуда, действительно, напоминает фракийскую, гетскую. Но достаточно пролистать капитальный труд датского ученого С. Бекера, посвященный изучению керамики предримского времени Ютландии,

чтобы убедиться, что грубая лепная посуда, в том числе иногда и с валиками, отнюдь не чужда ясторфской культуре. Формы несколько иные, но ведь на лукашевских поселениях мы имеем дело с черепками, с фрагментами, по которым зачастую сложно судить о виде целого сосуда. Представления о ясторфской посуде более южных районов у нас несколько искажены, потому что немецкие археологи копают и публикуют сравнительно мало поселений, предпочитают могильники.

Сегодняшнюю позицию сторонников автохтонной теории лучше всего, пожалуй, сформулировал Иван Тимофеевич Никулицэ. Он пишет: „В тяжелой и, судя по разрушению многих городищ, многолетней схватке с гетскими племенными союзами бастарны хотя и вышли победителями, но оказались полностью истощенными и обескровленными, вследствие чего были вынуждены остаться в этих областях вместе с побежденными гетами... к I веку до н. э. бастарны полностью растворились в гетской среде”.

Будь Иван Тимофеевич прав, мы могли бы наблюдать, как по мере эволюции культуры во времени постепенно исчезают привнесенные западные элементы и возрастает число местных, фракийских. А для этого нужно, воспользовавшись корреляционным методом, подразделить культуру на фазы развития. Прделав такую работу, мы можем выделить, по крайней мере, пять фаз развития и выяснить, что могильник в Поянештах возник раньше, чем в Лукашевке, а могильник в Долинянах позже Лукашевского, когда в Поянештах уже перестали хоронить, и существовал некрополь в Долинянах дольше других. Но ожидаемого нарастания гетских черт ни в обрядах погребения, ни в керамике или вещах не выявляется. Более того, очень похоже, что начало каждой фазы, может быть связано с притоком новой волны пришельцев с северо-запада. Так, С. П. Пачкова совершенно справедливо отметила сходство Долинянского некрополя с памятниками среднего течения Одера.

В целом же для поянештской и зарубинецкой культур невозможно указать единый какой-то пункт, из которого их будущие носители вышли, мы в силах назвать лишь довольно обширный регион – Ютландия и междуречье Эльбы и Одера. Немецкие археологи заметили здесь в III веке до н. э. постепенное продвижение населения с севера на юг. Образование губинской группы в междуречье Одера–Нейсе Гжегож Доманьский рассматривает как „фрагмент” этого движения. В Южной Германии, на территории Чехо-Словакии и Польши (в Силезии, в районе Вроцлава) это движение должно было столкнуться с кельтами, хватить глоток высокой кельтской цивилизации, отчего вновь образующиеся общности приобрели своеобразную латенскую окраску. На землях Польши поморская культура в это время сменилась пшеворской и оксывской. Прошедшие же, огибая дугу Карпат с востока и юга и прихватив в своем движении, возможно, часть населения поморской культуры, попали в Молдову и на Украину, заселенные в это время слабо. Последовали затем походы бастарнов на Балканы, давшие еще один культурный импульс. В результате сложились две похожие культуры, которые Дмитрий Алексеевич Мачинский даже предлагал считать одной культурой

170

Центральная и Восточная Европа в III-I вв. до н. э.

с разными вариантами. Но не столь важно, как что называть. Контакты с исходными районами не прекратились полностью. Были, вероятно, и какие-то обратные движения, свидетельством чему служит находка зарубинецкой фибулы из Хольте в низовьях Эльбы и новые проникновения отдельных групп на юг. Процесс был длительным и сложным, протекавшим, возможно, по той же модели, что и колонизация европейцами Северной Америки.

Что же касается местного населения – гетов в Молдове, скифов в Среднем Поднестровье и носителей милоградской культуры к северу от Киева, то, очевидно, они должны были принять какое-то участие в формировании новой этнической общности, хотя, признаться, археологически этот компонент улавливается слабо.

Бастарны были бастарнами. Итак, если бы мы оказались в 100 году до н. э. в Молдове, то встретились бы с бастарнами. А если бы удостоились чести присутствовать на пирах местных вождей и предводителей, то услышали бы, наверное, исполнявшиеся местными бардами песни и предания о холодных волнах и песчаных пляжах далекого северного моря, о тучных зеленых лугах и священных болотах далекой прародины, о дремучих дубовых лесах, озерах и полноводных реках той земли, где предки пытались поселиться, но вынуждены были ее покинуть, о походах в богатую гористую страну на юге, о героических деяниях Клондика. Быть может, нашлись бы один-два старца, которые эти походы еще помнили. Хотя вряд ли, прошло 68 лет. Но дети и внуки участников походов еще живы. Услышали бы, наверное, и многое другое, о чем, к сожалению, сейчас судить не можем.

На каком языке объяснялись бы мы с бастарнами? Тит Ливий называет их галлами, кельтами. Авторы же более поздние, жившие в I веке н. э., Плиний Старший и Тацит – германцами. Страбон тоже считал их германцами, хотя и выражал при этом некоторое сомнение.

Сам Тит Ливий (59 год до н. э. – 17 год н. э.), современник Страбона и приближенный римского императора Августа, германцев, конечно, хорошо знал, но, описывая интересные нас

события более чем столетней давности, пользовался хрониками того времени, когда германцы еще не были известны римлянам.

Ситуация с термином „германцы” сама по себе парадоксальна. Впервые их упоминает историк и философ Посидоний из Апамеи в Сирии, живший в 135–51 годах до н. э., много поездивший по свету, побывавший и в Галлии. В созданной им „Истории” описываются события с 145 до середины 80-х годов I века до н. э. Германцами Посидоний называет небольшое племя, живущее за Рейном, недалеко от его верховий, и примечательное лишь тем, что имеет странный обычай запивать жареное мясо смесью вина с молоком. Почему-то позже, уже после описанных Посидонием событий, когда гладиаторы-германцы приняли участие в восстании Спартака (73–71 годы до н. э.) и Цезарю во время войн в Галлии в 58–52 годах до н. э. пришлось отбивать нашествие германцев-свевов во главе с Ариовистом, это название было перенесено на всех обитателей земель между Рейном, Дунаем и Балтийским морем.

А там этническая ситуация отнюдь не так однозначна. На рубеже нашей эры на этой территории жили наряду с кельтами и германцами некие группы населения, не относящиеся ни к тем и ни к другим и говорившие на иных индоевропейских или даже еще доиндоевропейских языках. То население не сохранилось, но следы его улавливаются в топонимике, истории и археологии. Книжка трех немецких исследователей – Рольфа Хахмана, Георга Коссака и Ганса Куна, двух археологов и лингвиста, изданная в 1962 году, так и называется „Народы между германцами и кельтами”.

Парадокс же заключается в том, что германцы Посидония размещаются как раз в той зоне, где обитали эти самые народы „между германцами и кельтами”. Реальные же исторические германцы, появившиеся во времена Цезаря, были, судя по всему, выходцами из восточной части Германии, из междуречья Эльбы и Одера.

Бастарны вышли из того же региона, но двинулись на юго-восток на 150–200 лет раньше, когда процесс германского этногенеза или еще не начался или только-только зарождался. Они были прагерманцами или вообще из числа народов „между германцами и кельтами“. Бастарны были бастарнами. Мы с нашим знанием современного немецкого языка вряд ли поняли бы бастарнов, хотя специалист-филолог, возможно, и нашел бы некоторые общие корни.

До нас дошло пять бастарнских слов: три не может объяснить ни один известный язык, два подобны немецким. „Клондик“ похож на „Хлодвиг“ – имя известного короля франков. Само название „бастарны“ исследователи обычно сопоставляют со словом „бастарды“, незаконнорожденные. Возможно, за этим, действительно, скрывается какой-то эпизод ранней истории и тайны их происхождения, нам, к сожалению, не известный.

Внимательный читатель, вероятно, уже давно мучается вопросом, с чего это вдруг греки решили, что бастарны знали путь через Герцинский лес, через горно-лесистые районы Средней Европы? Откуда это известно, что они принимали участие в похо-

нет. Но есть у древних авторов в описании походов некоторые туманные места, которые исследователи предпочитают либо вообще не комментировать, либо считают недоразумением. Тот же Посидоний, который, кстати, кимвров и тевтонов тоже не называет германцами, пишет, что в своих походах они доходили до Меотиды. Меотида – Азовское море, хотя зачастую под этим термином древние авторы понимают и более широкий регион – все Северное Причерноморье или его восточную часть.

Далее он сообщает, что кимвры и тевтоны вышли из той области, где Кельтика граничит с Понтийской Скифией. „Именно оттуда, где смешались эти племена, они выселились не одним непрерывным натиском, но, каждое лето двигаясь вперед и воюя, прошли материк за большой промежуток времени. Поэтому, хотя они делились на много частей с разными названиями, все их войско в совокупности называется кельто-скифами”. Так что нельзя исключить того, что в громадном 300-тысячном войске кимвров и тевтонов могли быть и выходцы из родственной бастарнской среды, носители поянештско-лукашевской и зарубинецкой культур.

О кимврах и тевтонах разговор особый, мы сейчас не будем больше этой темы касаться, а познакомимся с еще одним народом, обитавшим на территории Молдовы, – сарматами.

ПУТЕШЕСТВИЕ ТРЕТЬЕ. В СТРАНУ САРМАТОВ

Царь Бурбиста и Цезарь. Бастарны и сарматы. Готовясь к первому путешествию, мы уже имели случай поговорить о скифах и сарматах, о кочевниках, их образе жизни, так удивлявшем греков. Говорили о „генераторе народов”, расположенном в Центральной Азии и время от времени выбрасывавшем орды кочевников, которые возбуждали волны переселения народов,

Сарматы, разорившие Великую Скифию на рубеже IV–III веков до н. э., сравнительно редко заходили западнее Днепра, хотя отдельные находки, свидетельствующие о их проникновении в Днестровско-Прутское междуречье, как уже говорилось, в последнее время стали появляться.

Основная масса сарматов все же оставалась за Днепром. Во II–I веках до н. э. на Правобережье существовал достаточно мощный союз племен бастарнов, представленный поянештско-лукашевской и зарубинецкой культурами. Носители зарубинецкой культуры построили ряд крепостей-городищ вдоль среднего течения Днепра, еще более плотную и крепкую цепь таких укреплений вдоль нижнего течения реки создали скифы. Все это, вероятно, удерживало сарматов от дальнейшего движения на запад. Крепостей кочевники брать не умели. Не перешли Днепр, очевидно, и роксоланы-ревксиналы, появившиеся с новой волной восточных кочевников на рубеже II–I веков до н. э.

Ситуация изменилась в середине I века до н. э. Виноваты в этом были даки. В 82 году до н. э. в Дакии развернул бурную деятельность вождь по имени Буребиста. Эта дата выявлена на основе источников, сообщавших, что он уже был царем даков, когда в Риме пришел к власти диктатор Сулла.

Объединение дакийских племен в единое государство давалось, очевидно, Буребисте нелегко. На некоторых поселениях этого времени фиксируются следы пожаров, на 80–60-е годы I века н. э. приходится ряд кладов с монетами и серебряными изделиями. А клады – верный признак времен беспокойных и бурных. Но Буребиста преуспел, объединяя страну не только мечом и огнем. В его руках было, очевидно, и сильное идеологическое оружие – религия. Буребисту поддерживал жрец, маг и чародей по имени Декиминей, обучавшийся у египетских жрецов, умевший по звездам предсказывать будущее, солнечные и лунные затмения и пользовавшийся огромным авторитетом. Вместе им даже удалось убедить даков отказаться от вина и вырубить виноградную лозу.

Буребиста? Изображения на дакийских фибулах

В горах Орештие, в самом центре современной Румынии, раскапывается столица даков Сармизегетуза. Обнаружено там и святилище той же конструкции, что и Бутучень. Возможно, это свидетельство деятельности Декиминия.

Около двадцати лет ушло на укрепление единства государства, а примерно в 60 году до н. э. Буребиста начал внешнеполитическую экспансию. Первым делом он обрушился на своих западных соседей, на кельтские племена теврисков и бойев, живших на территории современных Венгрии, Австрии и Чехии. Те были вынуждены покинуть страну и, прихватив по пути обитавших в горах нынешней Швейцарии гельветов, двинуться на поиски новых земель в Галлию, подальше от даков.

Но тут в дело вмешался Юлий Цезарь. В 58 году до н. э. он со своими легионами преградил путь кельтам, заставив их вернуться, потом изгнал из Галлии германцев во главе с Ариовистом, тоже пытавшихся обосноваться здесь, а заодно завоевал и всю страну для себя. Воевать, правда, пришлось целых восемь лет.

Когда же в 50 году до н. э. Цезарь перешел Рубикон и начал гражданскую войну, римлянам стало не до соблюдения своих

интересов на далеких берегах Черного моря, и Буребиста не преминул воспользоваться ситуацией. Он напал на греческие города западночерноморского побережья и захватил их. Дошел он до Ольвии, которая очень сильно пострадала и никогда уже не восстановилась в прежних размерах. Есть некоторые основания думать, что городища скифов на Днестре тоже пострадали от набега даков.

Утвердив свою диктатуру в Риме, Цезарь совсем уже было собрался воевать с Буребистой, но накануне похода, в марте 44 года до н. э. был убит заговорщиками-республиканцами. Буребиста в том же году пал жертвой заговора своих подчиненных, и царство его распалось. Державы, созданные деспотами, редко бывают крепкими и долговечными.

Бастарны со времен союза, организованного Митридатом Евпатором, были союзниками греческих городов западного побережья Черного моря. Действия Буребисты против этих греческих городов и Ольвии не могли не задеть каким-то образом и бастарнов. В письменных источниках нет свидетельств их отношений с даками, но примечательно, что в середине I века до н. э. перестают функционировать такие могильники как Полянешты и Лукашевка.

Впрочем, археологические даты всегда приблизительны. Не исключено, что исчезновение культуры Полянешты – Лукашевка на юге ее ареала может быть связано и с другими событиями, близкими по времени. В 29 году до н. э. проконсул провинции Македония Марк Красс вмешался в борьбу гетских царьков Дапига и Ролле, а заодно совершил и глубокий рейд на варварскую территорию, разбив бастарнов.

Так или иначе в ходе всех этих событий бастарнский союз, вероятно, ослабел, поскольку на арене вновь появились сарматы. В 16 году до н. э. они впервые в истории переходят Дунай и римлянам не без труда удается отбить их нападение.

Языги и поэт Овидий. Первое нападение сарматов произошло уже при Октавиане Августе, наследнике Цезаря, победившем всех своих соперников в гражданской войне. В Риме в это время

установился странный государственный строй – принципат, плод реформ, проведенных Гаем Марием. Внешне вроде бы по-прежнему существовала республика. „Res publica restituta”, как любил говорить Август, то есть „восстановленная республика”. Все атрибуты были соблюдены: сенат, выбираемые ежегодно два консула, народные трибуны и т. д. Но, по сути дела, вся власть была сосредоточена в руках одного человека – принцепса, первого человека в государстве, опирающегося прежде всего на армию.

У военных и политических деспотов обычно не складываются отношения с художниками, учеными, поэтами, людьми, зачастую чувствующими и воспринимающими мир тоньше и болезненней, чем остальные сограждане. Они понимают пустоту демократической и республиканской фразеологии деспотов, чего последние, естественно, не прощают. Им-то нужны не гении, а верноподданные: гении мешают им самим фактом своего существования.

Так было и тогда. Август в 8 году н. э. выслал из Рима известного поэта Овидия Назона. Местом ссылки ему был определен небольшой греческий городок Томы на западном берегу Черного моря, недалеко от устья Дуная, современная румынская Констан-

ца. Для римлянина нынешний черноморский курорт был, конечно, своего рода холодным и диким Туруханским краем. На улочках Том Овидий постоянно встречал сарматских всадников, наезжавших в город по своим делам, а местные обитатели жили под постоянным страхом их военных нападений. Поэт видел, как по льду Дуная „медленно тащат волы тяжесть сарматских телег”, как „груженный воз с воловьею упряжкой по Истру посуху стержнем реки гонит отважный язык”.

Много сарматского и гетского люда увидишь,
Знай по просторам степным скачут туда и сюда,
Нет, среди них никого, кто с собой не имел бы колчана,
Лука и стрел, с острием синеватым от яда змеи.
Голос свиреп, угрюмо лицо – настоящие Марсы!
Ни бороды, ни волос не подстригает рука.
Долго ли рану нанести? Постоянно их меч наготове,
К бедру прикрепив, меч тут носит каждый дикарь...

Любопытно, что некоторые детали действительно находят подтверждение в археологических материалах. Овидий был тонким наблюдателем. Трехперые железные наконечники сарматских стрел очень невелики, 3–4 см, серьезную рану нанести не могли. Другое дело, если они, и в самом деле, были ядовиты. В сарматских могилах часто находят короткие, сантиметров 30–40, мечи с навершием в виде кольца. Они, действительно, привязывались к правому бедру (позднее американские ковбои так носили свой кольт). Всаднику это удобно, меч легко извлекался из ножен движением правой руки назад, не нужно другой рукой придерживать ножны. Если же наездник спешивался, ему при извлечении меча, очевидно, приходилось поднимать ногу. Короткий меч носили, очевидно, всадники на низкорослых маленьких лошадках, составлявших, вероятно, основную часть сарматских табунов.

Тогда уже была выведена порода высокорослых коней, предков современных ахалтекинцев. Такие лошади высоко ценились, были доступны не всем, разводили их в основном в Средней Азии. Китайские императоры платили кочевникам бешеные деньги за этих „небесных коней”. Их владельцы составляли

Катафрактарий. Рисунки из Дура-Европос

в сарматском мире особые аристократические отряды, вооружение и тактика боя которых отличались от принятой у кочевников: налететь на противника лавой, выпустив на скаку тучу стрел, и умчаться в глубь степи, дав еще один залп на отходе, стреляя с разворота назад. В таких налетах могли принимать участие и женщины. Отсюда распространенные в античном мире легенды об амазонках, о „женоуправляемых” сарматах. Действительно, в могилах сарматов то и дело находят оружие, наборы стрел.

Тактика же боя аристократических дружин – катафрактариев – была другой и тоже поразила римлян, когда им довелось с ними столкнуться. Это предтечи европейских средневековых рыцарей, их действия и вооружение похожи. Всадник с ног до головы закован в чешуйчатую броню, такая же броня защищает и дорогостоящего коня. На голове всадника высокий конический шлем. Вооружен он длиннущей пикой, которую держит обеими руками, и рубящим мечом, носившимся, вероятно, или на левом боку, или за спиной. Изображения катафрактариев можно видеть

Вещи из сарматских находок в Молдове: 1 – меч с кольцевым навершием; 2 – трехлопастный наконечник стрелы; 3 – бронзовое зеркальце-подвеска; 4 – наконечник ремня; 5 – бронзовый браслет; 6 – бронзовый колокольчик; 7 – сережка; 8, 9 – лепные сосуды; 10 – серый гончарный сосуд; 11 – красноглиняный античный кувшин; 12 – античная краснолаковая чашечка; 13 – стеклянный бальзамарий (сосуд для ароматических веществ); 14 – римский бронзовый ковш-котелок

в Риме на колонне императора Марка Аврелия, столкнувшегося с ними во время Маркоманнских войн на Среднем Дунае, а также на росписях стен погребальных склепов и на надгробных рельефах Боспорского царства. Присутствуют катафрактари и на рисунках из римской пограничной крепости Дура-Европос на Ефрате. По этой реке проходила граница Римской империи с Парфией, страной, где выходцы из сарматских родов всегда занимали видные должности при дворе. В сарматских могилах I века н. э. то и дело находят отдельные части снаряжения катафрактариев – то панцырь, то конскую катафракту, то шлем, то длинные мечи.

Бронированный кулак из катафрактариев разбивал строй фаланги пехотинцев и строй легиона. Против них он и был, вероятно, задуман. Лава кочевников с их легкими стрелами тоже не была им страшна: стрелы не пробивали броню. Чем больше катафрактариев могло выставить то или иное объединение кочевников, тем сильнее оно оказывалось. У этого рода войск был лишь один недостаток: оно обходилось довольно дорого. Не все могли себе позволить содержать большие контингенты.

Нельзя не удивляться умению кочевников управлять конем. Ведь ни стремян, ни жесткого седла тогда еще не придумали (они появятся позже, не ранее VI–VII веков), шпоры кочевники тоже не использовали. Стрельбу из лука на полном скаку, обернувшись назад, еще можно себе представить. А вот как управлять конем, имея в руках длинную пику и сидя при этом еще „по-женски”, боком (а некоторые катафрактари изображены именно в такой позе), плохо поддается пониманию. Всякий, хоть раз садившийся в седло, может судить об этом. Кочевники же срастались с конем с детства.

Сарматы – понятие обобщающее. Единого такого народа не существовало. Масса различных племен, постоянно передвигавшихся по громадным пространствам степи от Великой Китайской стены до Дуная, была связана в той или иной степени родственными узами и объединялась в более или менее крупные союзы, конфедерации. В их культуре присутствует как общее, так есть

и различия. Достаточно разнообразны, например, обряды погребения. Чаще всего это труположения под курганом, иногда насыпанном заново, но часто использовались для захоронения и курганы более раннего времени. Есть и бескурганые могильники. Разнообразны формы могильных ям: большие квадратные, узкие длинные, с „запличиками“ (в дне большой ямы выкапывалась более узкая для помещения покойного), с подбоями, катакомбы разного рода.

Археологи очень рассчитывали, что изучение погребальных обрядов позволит определить племенную принадлежность погребенных. Большие квадратные ямы с диагональным положением покойного приписывали роксоланам, катакомбы – аланам, обычай скрещивать ноги покойника – языгам и т. д. Но каждый раз оказывалось, что обряды эти фиксируются и в тех местах, где названные племена не отмечены. По соседству оказывались и синхронные погребения с другими признаками. Четкого соответствия не получалось.

Значит, надо пойти другим путем. Там, где обитание тех или иных сарматских группировок по данным письменных источников фиксируются достаточно четко, все сарматские памятники этой территории считать относящимися к указанной группировке, не забывая, однако, всю условность такого определения.

Вот тут-то с языгами, самой западной группировкой сарматов, и получается загадка. Овидий их хорошо знал. Но непосредственно около Том никаких сарматских памятников не отмечено, в то же время за Дунаем в Буджакской степи можно их назвать несколько, например, одно из погребений у с. Холмское. Там была найдена среднелатенская проволоочная фибула еще II–I веков до н. э., но в сочетании с бусами, которые появились в I веке н. э., такое сочетание возможное именно во времена Овидия. Большая же часть сарматских захоронений, синхронных пребыванию Овидия в Томах, оказывается на севере – в Черновицкой и Ивано-Франковской областях. В одном из курганов у с. Ленковцы был найден наконечник ножен с шишечкой на конце от римского меча-гладуса. Такие же найдены в римских военных

лагерях времен Августа. У с. Островец в Ивано-Франковской области тоже есть несколько сарматских захоронений, в одном обнаружен меч с кольцевым навершием и так называемая фибула бойев. На территории Чехо-Словакии последние хорошо известны именно на памятниках рубежа нашей эры – первых десятилетий I века н. э. На севере Молдовы в с. Безень Флорештского района есть погребение, которое тоже может относиться ко времени Овидия. Если все эти памятники оставили языги, то до Том им было далековато тащиться на своих телегах, хотя вполне доступно.

Наверняка, языгские погребения есть и на остальной территории Молдовы, в том числе между Днестром и Бугом, но нам пока не везло на достаточно хорошо датированные находки. Большинство имеет широкие даты: в пределах I века до н. э. – I века н. э. или I века н. э. в целом, или I–II веков. Все они собраны и описаны в книге Василия Ивановича Гросу „Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья.” Василий Иванович сделал любопытное и важное наблюдение: из числа более или менее надежно датированных погребений значительно больше относящихся ко второй половине I века н. э. (38), чем датирующихся первой половиной этого века (16).

Сдвиг на запад. Итак, примерно в середине I века н. э. в Молдове резко возросло число сарматских памятников, относящихся к середине I века н. э. Не связано ли это с приходом какой-то новой группировки? Если же мы сравним те описания расселения сарматских племен, которые есть в „Географии” Страбона, с теми, которые даны в „Естественной истории” римского автора Плиния Старшего, то увидим, что такое предположение не лишено основания.

Про Страбона мы уже говорили раньше. Кто такой Плиний? Насколько хорошо осведомлен он об интересующей нас ситуации в Причерноморье? Плиний был не только ученым, но и политическим и военным деятелем. При императорах Флавиях занимал ряд крупных административных и военных постов, командовал, в частности, Мизинским флотом, основной частью военно-морских сил Рима. Был адмиралом. При таком положении ему,

Сопоставление карт расселения племен, по данным Плиния и Страбона

очевидно, были доступны и различные агентурные сведения. Разведка работала и тогда, информация о соседях необходима любому государству. Мы знаем, что Плинию доводилось беседовать с царем Боспора Митридатом VIII, попавшим в плен к римлянам. Был Плиний дружен с Флавием Сабиним и Плавтием Сильваном, наместниками римской провинции Мёзии, что простиралась вдоль южного берега нижнего Дуная. А они, естественно, тоже интересовались ситуацией в Северном Причерноморье. Информации адмирала можно доверять.

Так вот, у Страбона сарматские племена роксоланов заселяют земли между Днестром и Доном, а союз аорсов – между Доном и Каспийским морем. Плиний же пишет, что роксоланы и аорсы-гамаксоби обитают к северу от Истра (то есть нижнего Дуная) и „примыкающего побережья” Черного моря. Значит, как раз на территории Молдовы и Днестровского правобережья, значительно западнее, чем у Страбона. Тут же Плиний упоминает и племена аланов, впервые появляющихся на исторической арене.

Сираки, по Страбону, живут южнее аорсов, очевидно, на Северном Кавказе, в Прикубанье. А у Плиния они оказываются „около Ахиллова дрома, рядом со скифами-сардами”. Ахилловым дромом, вероятно, названа та длинная коса, что отделяет Сиваш от Азовского моря. Получается, что сираки располагались в Крыму, степная и предгорная часть которого была заселена действительно скифами.

Языги, хорошо знакомые Овидию и Страбону, тоже располагаются у Плиния значительно западнее. Они занимают земли там, „где зимние стоянки в Карнунте и где граница с германцами”. Карнунт – стоянка римских легионов, крепость с зимними квартирами находится на Среднем Дунае, напротив современной Братиславы. Языги „вытеснили даков за реку Патис”, то есть, очевидно, за Тису. Здесь за Карпатами, между Тисой и Дунаем, лежит венгерская пушта, последний островок длинного пояса евразийских степей. Сюда, видимо, и устремились языги. Самые ранние сарматские памятники в Венгрии относятся как раз к середине I века н. э.

Из сказанного следует, что за время между „Географией” Страбона и „Естественной историей” Плиния явно произошло продвижение сарматского населения на запад. Страбон закончил свою „книгу” к 18 году н. э. Он уже упомянул о вражде германских вождей Арминия и Маробода, приведшей к их столкновению в 18 году, но ни слова не сказал о разгроме Маробода готонами Катуальды, что случилось в следующем году. Об этих событиях мы узнаем из трудов более позднего автора – Тацита. Плиний же погиб в 79 год н. э. при известном извержении Везувия, когда были засыпаны пеплом города Помпеи и Геркуланум. Таким образом, отмеченное передвижение сарматских племен произошло где-то между 18 и 79 годами.

Следы продвижения сарматов можно заметить и в других районах Северного Причерноморья. Свидетельства косвенные, но говорят сами за себя. Вдоль Днепра начиная от Запорожья и до устья протянулась цепочка городищ-крепостей, находящихся в пределах зрительной связи друг с другом. На некоторых из них проводились раскопки. Считается, что построены они потомками скифов. Примерно в середине I века н. э. на них поспешно возводятся новые укрепления. Самое северное – Знаменское – было разрушено, и на его валу раскопано несколько сарматских захоронений, совершенных приблизительно в I веке до н. э. – I веке н. э. Но середина I века в этот интервал тоже входит. Прочие городища устояли, но чуть дальше в степи выявлен ряд сарматских погребений, и те, которые могут быть датированы более или менее точно, относятся ко второй половине I века н. э. Они как бы окружают со всех сторон скифские городища. Не исключено, что сохранность крепостей была куплена ценой союза с сарматами или подчинения им. В культуре тех и других в это время наблюдается много общих черт. Но с точностью мы ничего знать не можем.

Иначе сложилась ситуация в лесостепной части – в Среднем Поднепровье, где располагалась зарубинецкая культура. Киевский исследователь Евгений Владимирович Максимов в 1971–1975 годах вел раскопки зарубинецкого городища Бабина Гора около Канева на Днепре. Им установлено, что городище погибло

в I веке н. э., на нем были найдены характерные маленькие трехлопастные черешковые наконечники стрел, какие обычно встречаются именно у сарматов. Городище погибло скорее всего при их набеге.

С большей точностью устанавливается другая дата. Все крупнейшие могильники зарубинецкой культуры и в Среднем Поднепровье, и в Полесье прекращают функционирование с середины I века н. э., где-то между 40–70-ми годами. Во всяком случае, к такому выводу пришла К. В. Каспарова после специально проведенной работы.

Украинское Полесье, правобережье Припяти после этого, кажется, вообще запустело. Никаких памятников не обнаружено в интервале от середины I века до VI века н. э. В Среднем Поднепровье часть прежнего населения сохранилась, но она покинула городища и переселилась в места низкие, затопляемые, болотистые, недоступные, вероятно, сарматским конникам. Культура жителей этих поселений уже отличается несколько от классической зарубинецкой.

Зато на прежней зарубинецкой территории, глубоко в лесостепи, вплоть почти до Киева появляются захоронения сарматов. На сегодня выявлено около трех десятков их памятников. Даты некоторых спорны и неопределенны, но все те, в которых обнаружены более или менее хорошо датирующиеся вещи, относятся к середине или второй половине I века н. э.

Таким образом, именно удар сарматов, очевидно, положил конец существованию классической зарубинецкой культуры и имел далеко идущие последствия. Часть населения Среднего Поднепровья бежала на северо-восток, на Десну и дальше, в Брянские леса. Здесь выявлены памятники, очень похожие на те, что располагались в низких болотистых местах Поднепровья, так называемые постзарубинецкие. Потомки этого населения приняли участие в формировании киевской культуры и в процессе этногенеза славян. Но это особая история.

Часть зарубинецкого населения бежала, вероятно, на запад и юго-запад (Южный Буг, район Винницы). Там есть могильник

Рахны и несколько поселений, раскопанных винницким археологом Павлом Ивановичем Хавлюком. Украинские археологи, работающие в Львовской, Хмельницкой и Волинской областях, обнаружили в последние время ряд странных поселений со смешанным пшеворско-зарубинецким материалом. Объединили их в так называемую волинско-подольскую группу памятников. Они считают, что возникла группа в середине I века в результате проникновения сюда носителей пшеворской культуры из Польши и бежавшего на запад населения зарубинецкой культуры Полесья.

Есть в районе Львова, около Звенигорода, Гринева и др., несколько странных могильников и отдельных погребений, очень смешанных в культурном отношении. Например, в одном из погребений могильника около Звенигорода остатки трупосожжения были помещены в характерную чернолощеную пшеворскую урну, накрытую обломками лепного дакийского сосуда, рядом лежал сарматский меч с кольцевым навершием, согнутый несколько раз, как полагалось по пшеворскому ритуалу. Есть на могильнике и несколько трупоположений. По этому обряду похоронены женщины, в их ямах обнаружены характерные сарматские зеркала в виде плоской круглой металлической пластинки и остатки румян. И то, и другое часто находят в захоронениях сарматских женщин.

Датировка могильников в районе Львова серединой I века не вызывает особых сомнений. В них выявлены фибулы, которые по находкам в римских лагерях Подунавья хорошо датируются 20–70-ми годами н. э.

В трактовке и определении этих памятников мнения исследователей расходятся. Одни их включают в так называемую липицкую культуру, приписываемую гето-дакийскому племени костобоксов, другие относят к пшеворской культуре, третьи (и я в том числе) предлагают говорить об особой звенигородской культурной группе. На имеющемся все еще немногочисленном материале эти споры вряд ли разрешимы. Картина соотношений всех культурных групп Верхнего Поднестровья очень запутанная, так же как, вероятно, были сложными и запутанными этнические

Вещи из погребений в Звенигороде

взаимоотношения этого населения. Но скорее всего именно оно являлось теми бастарнами, которых знал Плиний и размещал где-то в северо-восточном Прикарпатье. В течение столетия – с середины I века до н. э. до середины I века н. э. – бастарнский союз пережил, очевидно, целый ряд серьезных потрясений, бастарны изменили свой облик, а в какой-то мере сменился и состав населения. Пока ничего более подходящего не придумаешь, хотя с накоплением материала можно будет, наверное, предложить и другие версии или уточнить и конкретизировать эту.

Кстати, о смешанном характере этноса бастарнов говорит и Тацит: они „обезображены браками с сарматками“. А в руках Тацита была недошедшая до нас книга Плиния „Германские войны“, да и сам он, занимая ряд крупных административных постов при императорах Домициане Флавии и Траяне, был человеком достаточно информированным.

Два эпизода из истории сарматов. Движение сарматских племен на запад лишь смутно вырисовывается из сопоставления приведенных фактов. Как будто через толщу воды, глубоко на дне

видны какие-то тени и блики, их мелькание. Четких очертаний уловить не удастся, что именно происходит – не ясно. Но, может быть, в этом тоже состоит особая прелесть археологии, вернее истории, реконструируемой из археологии, истории, раскопанной лопатой.

Элемент недосказанности, незавершенности – один из существенных моментов в искусстве. Читатель, зритель может достроить, домыслить по своему усмотрению. Воображение невольно начинает работать, а имеющийся в нашем распоряжении материал можно было бы развернуть в целую серию увлекательнейших исторических романов. Но историк, археолог – не романист, его задача лишь выявить и сопоставить факты.

Есть два эпизода, которые позволяют в какой-то мере конкретизировать ход событий середины I века н. э., хотя касаются они лишь отдельных кусочков реконструируемого нами процесса и лишь его периферии.

Эпизод первый. События, происшедшие на Боспоре и на Северном Кавказе, достаточно подробно описаны в „Анналах“ Корнелия Тацита, упоминаются они и в других источниках. В 38 году н. э. царем Боспора стал Митридат VIII, праправнук Митридата Евпатора. Он не только носил имя своего великого пращура, но и тайно вынашивал его планы – объединить племена Причерноморья и, перейдя через Дунай, с северо-востока ударить по Риму. Планы в тот момент малореальные, но тем не менее для Рима опасные.

Принимая царство, Митридат послал в Рим к императору Клавдию своего юного брата Котиса, очевидно, в качестве почетного заложника. Боспорское царство ведь было не совсем самостоятельным, являлось бывшей частью державы Митридата Евпатора, и победители-римляне имели определенное право здесь распоряжаться. Так, разрешение на ношение короны нужно было получить в Риме.

Институт заложничества был в те времена широко распространен, молодые родственники посылались якобы для обучения и воспитания и являлись гарантами лояльности и соблюдения

договоров. В случае чего их могли убить или, наоборот, выставить в качестве претендентов на власть.

Будучи в Риме, Котис нечаянно проговорился Клавдию о тайных планах старшего брата. И здесь обычно осторожный и избежавший внешних конфликтов Клавдий действовал весьма решительно. В 45 году в Пантикапее неожиданно высадился римский десант. Город был захвачен, Котис объявлен царем.

Митридату удалось бежать. И бежал он, конечно, к своим родственникам, к варварам Прикубанья. Ведь оттуда был родом его дед Асандр.

Основная часть римских войск вернулась вскоре обратно в Мёзию. В Пантикапее осталось лишь несколько когорт во главе с центурионом Юлием Аквиллой.

Митридат тем временем собрал дружину, а также получил поддержку племенного союза сарматов-сираков. Таким силам несколько когорт Аквиллы уже не могли противостоять. Аквила и Котис попали в сложное положение, тем более для переброски им на помощь римских войск не было времени: Митридат уже выступил. Аквиле не оставалось другого выхода, как искать союз-

ников в среде варваров. Он обратился к аорсам, старым врагам сиракам, и те охотно его поддержали. Римляне взяли на себя организацию штурма и осады сиракских крепостей. Баллисты и катапульты, забрасывавшие осажденных камнями, подвижные башни, с которых перебрасывались мостики на стены, тараны, штурмовые лестницы, подкопы – во всех этих делах римляне были большие мастера. Остальное взяли на себя аорсы. Сираки и Митридат в 49 году были наголову разбиты. Штурм римлянами крепости Успе произвел огромное впечатление на все местное население.

Митридат предпочел сдаться не своему брату, а царю аорсов Эвнуу. Тот переправил его в Рим, но одновременно обратился к Клавдию с просьбой сохранить жизнь пленнику и не унижать его участием в триумфе, не заставляя идти в цепях за колесницей победителя-триумфатора, как это обычно делали в Риме. Просьбу нового союзника уважили. Триумфа не отмечали, Аквила получил в награду лишь звание претора. Его явно обидели. Победитель двух царей, конечно, мог претендовать на большее. Это все равно, что в наше время майора повысили бы до полковника, вместо награждения Звездой героя, на которую он рассчитывал. Митридат же долго еще жил в Риме как частное лицо и погиб при Нероне, оказавшись замешанным в заговор против императора.

Кавказоведы много спорят по поводу того, какие именно памятники приписать сиракам и местным племенам меотов, а какие – аорсам и появившимся вместе с ними аланам. Мы не будем сейчас вникать в эти дискуссии. Для нас важно одно: победа аорсов над сираками, очевидно, дестабилизировала обстановку в Прикубанье и в степях, став, возможно, одной из причин движения сарматских племен на запад.

Эпизод второй. Он связан с языгами, которые, как помните, упомянуты Плинием в районе Карнунта. На противоположном берегу Дуная, на территории современной Словакии, находилось царство Ванния. Его создали в 19 году н. э. римляне, передав этому вождю германского племени квадов остатки дружин двух других германских вождей – маркоманна Маробода и готона

Катуальды, которые из-за усобиц были вынуждены бежать в империю. Царство Ванния должно было служить буфером, ограждающим Рим от беспокойных северных племен.

Ванний держал в руках торговлю варваров с Римом, наживался на пошлинах. Это вызвало неудовольствие соседей. На него напали гермундуры и, по выражению Тацита, „бесчисленные племена лугиев“. Первых исследователи на основании данных этого же автора помещают на землях южной Германии, а вторых – на территории Польши и связывают их с носителями обширной пшеворской культуры. Вот тогда, в 50 году Ванний и призвал на помощь сарматов-языгов, что не спасло его, однако, от поражения.

В этом году языги впервые фиксируются в Центральной Европе, и с тех пор вся их деятельность связана уже с событиями в Среднем Подунавье.

Встает вопрос, случайно ли совпадение дат 49 и 50 годов? В свете сказанного выше можно думать, что оно не случайно. Вероятно, испытывавшим давление других племен, двигавшихся на запад, языгам как нельзя кстати пришлось приглашения Ванния. Они перешли Карпатские перевалы и оказались на территории Венгерской низменности. Такая реконструкция выглядела бы вполне убедительно.

А лугии, напавшие на Ванния? Не было ли это только частью движения носителей пшеворской культуры к югу, в том числе и в Верхнее Поднестровье, где появляются и собственно пшеворские поселения и складывается звенигородская группа со столь отчетливым наличием пшеворского компонента?

Возможно, все эти процессы были более растянуты во времени, письменные источники зафиксировали лишь отдельные эпизоды, другие же, быть может, не менее существенные, остались неизвестными античным авторам, но сути дела это не меняет.

Эпизод третий, или Царство, открытое „на кончике пера“. Речь пойдет о событиях, про которые древние авторы не написали ни слова. Как известно, знаменитый астроном Кеплер открыл планету „на кончике пера“. В существовавшие в его время теле-

скопы увидеть это сравнительно небольшое небесное тело было невозможно. Но, изучая орбиты других планет и зная, что все небесные тела притягиваются друг к другу, Кеплер заметил, что в орбитах есть отклонения, которые могли бы объясниться наличием небольшой, не видимой пока планеты. Он даже подсчитал ее массу и назвал Плутоном.

Одесский историк, нумизмат и археолог Петр Осипович Карышковский точно так же „на кончике пера” высчитал целое царство, неизвестное по письменным источникам. В нумизматических коллекциях мира хранится 14 любопытных золотых монет. На аверсе их находится портрет одного и того же человека, то молодого, с усиками, то постаревшего, с бородой. На реверсе всегда помещен взлетающий, взмахивающий крыльями орел. На некоторых надпись по-гречески: „базилевс Фарзой” (царь Фарзой) и буквы ОЛ (таким образом всегда сокращалось название города на монетах Ольвии, но царь в республиканском городе!?). Тут же еще две буквы или их монограмма ПА, что расшифровывается как „протос архонт” – первый архонт. Обычно на ольвийских монетах после этого следовало сокращение или монограмма имени того человека, который был в это время выбранным верховным правителем города. Здесь этого нет. Как считает Петр Осипович, называть его не имело смысла, потому что, естественно, Фарзой и занимал эту должность, причем бессменно. Ольвиополиты и так знали о ком идет речь.

На некоторых монетах имеются и отдельные буквы – сигма эта, дзета и др. Нумизматы считают, что это цифры (для греков такая запись счета обычна) и означают они годы эры Фарзоя, годы его правления – 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 21-й. На части монет изображен еще странный знак – два полукружия, соединенных перемычкой. Это, очевидно, тамга – родовой знак Фарзоя (подобные тамги можно обнаружить у многих народов мира) и знак собственности, им помечают и скот, и свои вещи, а также, естественно, и магический знак, заклинание против зла, призыв к духам предков о защите. У каждого рода своя тамга, но с некоторыми видоизмененными деталями для каждого члена рода. Позднее подобные тамги были и у русских князей, в основе изображения их лежал трезубец. У Фарзоя же знак был такой, как описан выше, у его преемника Иненсмей (и его монета тоже известна) в середине перемычки добавлен кружок.

Одновременно в Ольвии выпускались медные деньги с нетрадиционными для города изображениями: на аверсе находился Зевс, а не Аполлон, на реверсе – взлетающий орел, точно такой же, как на золотых монетах Фарзоя, а не дельфин, как обычно. И вообще весь стиль изображений настолько близок Фарзовым монетам, что не возникает сомнений: штемпеля изготовлялись или тем же мастером, или, в крайнем случае, в той же мастерской.

В 1962 году Петр Осипович опубликовал большую статью, посвященную этим монетам, сравнил медные и золотые, попытался установить последовательность их выпусков, сделал хронологические расчеты. Получалось, что первые медные монеты новой серии в Ольвии были выпущены в 49 году, а первые золотые с молодым усатым Фарзоем – на шестом году его правления. Имя у него не греческое, а иранское, и нумизматы традиционно считали, что это царь скифов, захвативший власть в Ольвии. Статья П. О. Карышковского тоже называлась „Из истории греко-скифских отношений”, но была в ней в осторожной форме высказана и другая мысль: не был ли Фарзой сарматом? В пользу такого предположения свидетельствовали форма его имени

(здесь Петр Осипович ссылался на мнение крупного лингвиста-ираниста В. И. Абаева) и наличие тамги, а они чаще всего встречались не на скифских предметах, а на находках, сделанных на сарматских памятниках.

Прошло двадцать лет. Идея Петра Осиповича показалась мне интересной. Привлекало совпадение даты начала эры Фарзоя с двумя упомянутыми эпизодами и с намечающимся процессом передвижения сарматских племен. Распространение монет и вещей с изображениями тамги Фарзоя и Иненсмея позволяло даже наметить ориентировочно границы царства Фарзоя. Одна монета найдена в реке Прут, другая, из коллекции кишиневского коллекционера Г. Северяну, происходит откуда-то из Бессарабии, третья, самая последняя находка, – из с. Брынзень Единецкого района. Наиболее северная монета обнаружена в Бердичеве, самая восточная – в Херсонской области, на левом берегу Днепра.

На левом берегу Днестра у с. Хрушка Каменского района в Молдове песчаный карьер разрушил богатое сарматское захоронение. Среди вещей была найдена серебряная чаша-фиала. На дне ее чернью изображена тамга, очень напоминающая фарзоевскую. По соседству за Днестром у с. Пороги раскопано два богатейших сарматских захоронения с многочисленными золотыми вещами, на некоторых из них стоят тамги Фарзоя и Иненсмея. Севернее, в Тернопольской области, у с. Задрость найдена огромная пятиметровая каменная стела с выбитыми на ней сарматскими знаками близкой формы. Наконец, из Среднего Поднепровья происходит античная красноглиняная миска с процарапанной на дне тамгой. Очерчивается, как видите, та самая территория, где с середины I века н. э. резко возрастает число сарматских памятников.

Наличие в Причерноморье царства Фарзоя объяснило бы и некоторые действия римской администрации на востоке и северо-востоке империи. В сферу римской политики царство тоже вписывается.

Все эти соображения я изложил в небольшой заметке, опубликованной в 1982 году в „Сообщениях Государственного Эрми-

тажа". Как оказалось, все это время Петр Осипович тоже не бросил тему Фарзоя, и в том же 1982 году появились сразу две его статьи. Теперь он уже решительно отстаивал сарматскую идею, также очерчивал границы Фарзоевского царства, вносил уточнения в последовательность выпуска золотых и серебряных денег. Мы работали параллельно и независимо друг от друга, не все наши расчеты совпали полностью. Согласовать наши взгляды мы не успели, встретиться и поговорить нам не удалось. Неожиданная смерть Петра Осиповича, к сожалению, вырвала из нашей среды этого блестящего исследователя.

Опустив сейчас некоторые детали, в несколько упрощенном виде гипотетически реконструируем события того времени в Северном Причерноморье.

Граждане Ольвии поддерживали мятежного Митридата, они наградили его золотым венком и известили об этом высеченным на мраморе декретом. Он до нас дошел.

В 49 году в Ольвии начинается эра Фарзоя (П. О. Карышковский в последних работах больше склонялся к началу 50-х годов). Мы не знаем племенной принадлежности Фарзоя: из аорсов, алан, роксолан, сираков? Недавно было высказано предположение о его сиракском происхождении. Возможно, он состоял в каких-то родственных отношениях и с боспорскими царями. Его тамга близка тамге царя Деспурга, отца Митридата. Во всяком случае, он скорее всего из тех, кто двинулся на запад во время аорсо-сиракского конфликта или в связи с ним. Наверное, это было даже совсем новое политическое образование, объединившее разноплеменных пришельцев в границах, очерченных выше, и включавшее все Днепровско-Прутское междуречье.

Мы не знаем, захватили сарматы Ольвию или ольвиополиты пошли на добровольный союз с ними. Скорее второе. Выше уже предполагалась возможность союза пришлых сарматов и скифов. Кстати, по материалам нижнеднепровских скифских городищ прослеживаются достаточно оживленные торговые связи с Ольвией именно во времена Фарзоя. Носители зарубинецкой культуры пытались сопротивляться и были разбиты. Языги, воспользовавшись приглашением Ванния, ушли за Карпаты.

На шестом году правления Фарзой начинается выпуск золотых монет с полной своей титулатурой. Это важный политический акт. Еще Август запретил всем государствам, хоть как-то зависящим от Рима, чеканку золотой монеты. Тем самым Фарзой заявлял о своей полной независимости. Момент был выбран удачно, в Риме как раз племянница и жена Клавдия Агриппина отравила мужа и власть перешла к ее сыну молодому Нерону, в первые годы мало занимавшемуся государственными делами.

Но в 59 году по приказу Нерона была убита Агриппина, деспот освободился от опеки деспотичной матери, в его голове зрели авантюрные планы. На восточных границах империи шла затяжная позиционная война с Парфией. Обе сверхдержавы претендовали на территорию Армении. И тут к Нерону прибыли послы гирканцев, жителей южного берега Каспийского моря. Они сообщили о волнениях в северных и восточных провинциях Парфии, возможно, просили помощи. Нерон решает возобновить план, разрабатывавшийся еще Цезарем при подготовке к кампании против Буребисты. Цезарь ведь мыслил продолжить поход на восток, выйти в Причерноморье и Предкавказье и затем, пройдя через Кавказ, ударить во фланг Парфии. Теперь предстояло этот план реализовать, момент был подходящий. Нерон готовит особый экспедиционный корпус – „фалангу Александра“, набирая в Италии самых рослых рекрутов.

Реализации плана мешали независимое царство Фарзоя и Армения. Для начала Нерон меняет командование. В Мёзию послан новый легат Плавтий Сильван. До нас дошла эпитафия – надгробный памятник этому полководцу с полным его послужным списком, из которого мы и знаем о его деяниях.

В Армению назначен Цезаний Пет. О его действиях нам известно от Тацита. Для усиления армии Пета был направлен из Мёзии V Македонский легион. Проведен еще ряд мероприятий. Вассальное царство Понт было объявлено провинцией, ограничены права Котиса на Боспоре. С монет исчезает его портрет.

Но события разворачивались быстрее, коррумпированная нероновская администрация за ними явно не поспевала, действовала несогласованно. Цезарий Пет начал военные действия в конце 61 года, не дождавшись прибытия V легиона, и потерпел крупное поражение. Плавтий Сильван, лишенный основной силы, тоже был вынужден начать действовать. Подняли волнение сарматы, скифы осадили Херсонес, город просил помощи. Акция Сильвана оказалась успешной. Вот что сообщается в его эпитафии: „Отправив большую часть войска в Армению, он все же сумел подавить начавшиеся было волнения сарматов, перевел на свой берег реки (Дуная) царей, прежде римскому народу неизвестных или ему враждебных (не о Фарзое ли и его союзниках идет речь? – М. Щ.), дабы они склонились перед его знаменами. Возвратил царям бастарнов и роксолан их сыновей, а царю даков – братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами (не сарматы ли Фарзоя были этими врагами? – М. Щ.), и принял от некоторых из них заложников, чем укрепил мир в провинции и раздвинул ее пределы, ибо осадой заставил царя скифов отступить от Херсонеса, что находится по ту сторону Борисфена (Днепра). Первым он доставил из этой провинции великое количество пшеницы, чем пополнил хлебные запасы своего народа”.

Текст, несмотря на всю его краткость, позволяет сделать кое-какие заключения. Очевидно, бастарны, роксоланы и даки были в данном случае союзниками Сильвана, так как им возвращены заложники. Противниками были сарматы (сарматы Фарзоя?) и скифы, вероятно, находившиеся в союзе. Воевали две коалиции. Поскольку говорится, что Херсонес находится за Борисфеном, то Сильвану, очевидно, пришлось эту реку форсировать. А значит, по дороге он не мог миновать ни Тиру (а там выпускается новая монета и начинается новый счет времени), ни Ольвию, в которой прерывается чеканка монет Фарзоя. Не исключено, что здесь, как в Херсонесе, встал римский гарнизон, то есть Сильван „раздвинул границы провинции”. Поход, видимо, завершился к осени 62 года, тогда в Рим и был отправлен транспорт с хлебом.

В связи с царями, которых Сильван „перевел на свой берег”, весьма любопытной представляется одна находка в Болгарии, в районе г. Стара-Загора. Здесь около с. Чаталка в местности Рошава Драгана раскопана римская вилла, владельцем которой было какое-то знатное семейство. Около виллы несколько курганов с богатыми захоронениями, совершенными в соответствии с традициями фракийской знати. Одно из них особенно интересно. С богатыми заупокойными дарами (бронзовая римская посуда, бронзовые канделябры и пр.) похоронен человек в полном вооружении катафрактария – в панцире, железных штанах, шлеме с бронзовой маской-забралом в виде красивого женского лица, считавшемся парадным шлемом римского центуриона. Погребенный, вероятно, имел это звание. Рядом с ним лежал длинный узкий сарматский меч, на навершие которого нанесены тамги, близкие тамгам Фарзоя и Иненсмея. Золотой наконечник ножен украшен изображением оленя, выполненным в характерном сарматском зверином стиле со вставками из зеленого стекла. Наконец, скобы для крепления ножен к портупее сделаны из нефрита с резными изображениями фантастических зверей в стиле, характерном для китайского искусства эпохи императоров династии Хань. Датируется весь комплекс серединой или второй половиной I века н. э.

У сарматов этого времени широко распространены вещи, сделанные в так называемом бирюзово-золотом стиле с изображениями разных животных, с обильными вставками из бирюзы, как бы подчеркивающими их мускулиность. Такие вещи найдены и на Дону в богатых сарматских курганах „Хохлач”, „Садовый”, „Дачи” и других, и на Северном Кавказе, и в Поволжье. Истоки этого стиля следует искать где-то на востоке, во всяком случае, он хорошо представлен вещами так называемой „Сибирской коллекции” Петра I, собранной в основном из разграбленных курганов где-то между Иртышом и Тоболом, в находках из Тилля-Тепе в северном Афганистане. Некоторые предметы из упоминавшихся уже Порогов на Днестре имеют прямые переклички с изде-

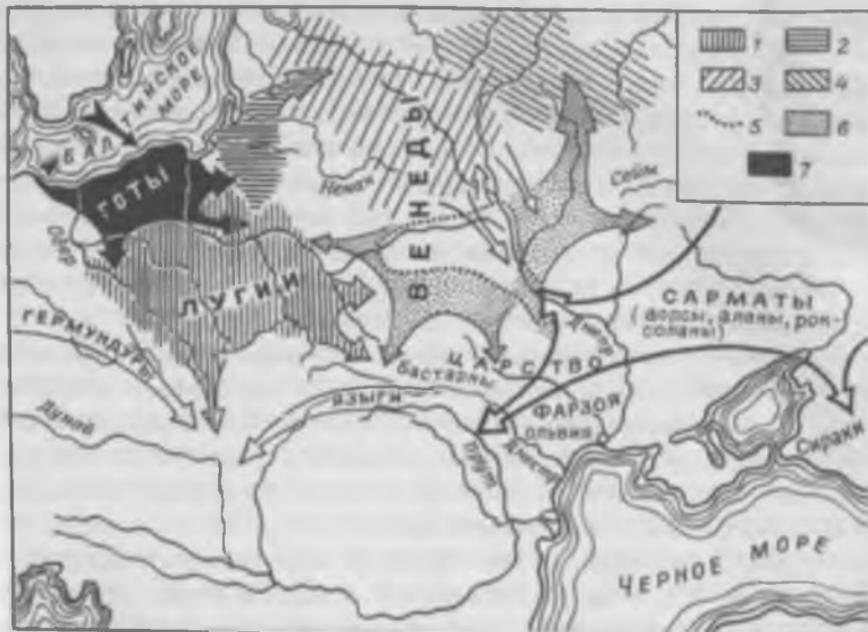
лиями из Тилля-Тепе. Найдены в Порогах и среднеазиатские наконечники стрел, более крупные и иной формы, чем собственно сарматские. На Дону и на Северном Кавказе встречаются в сарматских захоронениях типичные китайские вещи – зеркала, нефритовые скобы ножен мечей.

То движение сарматских племен на запад, часть которого мы пытались проследить, имело истоки, вероятно, где-то далеко на востоке. Гирканские послы, очевидно, не зря говорили о „волнениях” в тылу Парфии. Это – тема, для будущих исследователей, ждущая своей детальной разработки.

Что же за человек похоронен в Рошава Драгане? Это мог быть и какой-то родовитый фракиец, служивший в римской армии, принимавшей участие в акции Плавтия Сильвана и погребенный со своими сарматскими трофеями. А не знатный ли это сарматский заложник из рода Фарзоя, закончивший свою жизнь в почетном плену во Фракии, воспринявший римско-фракийскую провинциальную культуру? Обе версии имеют почти равную вероятность.

Вернемся, однако, к Плавтию Сильвану. Блестяще проведя свою акцию, он получил триумф, отмеченный, правда, несколько лет спустя, когда он уже служил в Испании. Но поражение Пета в Армении сводило весь успех на нет. Планам Нерона не суждено было осуществиться. Посыпались неприятности: финансовый кризис, пожар Рима, эпидемия чумы, заговор Пизона, восстание в Иудее, наконец, взбунтовались легионы, выдвинувшие своих претендентов на престол. Нерон покончил с собой, и в 69 году началась гражданская война. Мёзийские легионы тоже приняли в ней участие, обнажили границу, и тут же на Балканы обрушился набег роксоланских катафрактариев. Благо в это время здесь случайно оказался III Галльский легион, перебрасываемый одним из претендентов на престол Веспасианом Флавием из Иудеи в Италию. Солдаты легиона и разбили роксолан.

В 69 году, на 21-м году своей зры, Фарзой возобновил чеканку золотых и медных денег в Ольвии. На поздних монетах, чеканившихся еще около 10 лет, он изображен постаревшим, бородатым. Отношения с городом теперь несколько иные, на монетах

Историческая ситуация середины I века н. э., по данным письменных источников и археологии: 1 – пшеворская культура; 2 – культура западных балтов; 3 – культура штрихованной керамики; 4 – днепро-двинская и среднетуземлинская культуры; 5 – граница прежней („классической“) зарубинецкой культуры; 6 – распространение памятников постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп; 7 – ранняя (любовидзская) стадия вельбарской культуры

помечены и инициалы местных архонтов. В самом конце 70-х годов его сменил Иненсмей, но ненадолго. В 83 году Ольвию посетил греческий философ Дион Хризостом и застал город уже освободившимся от власти „скифских царей“.

На этом не кончилось, однако, господство сарматов в южно-русских степях и Молдове. На картах „Географического руководства“, составленных в середине II века н. э. известным астроно-

мом Клавдием Птолемеем, через всю Восточную Европу тянется надпись „Европейская Сарматия” и даже Балтийское море названо „Сарматским океаном”. Это еще, конечно, не значит, что сарматы расселились до Балтики, там жили другие народы, но если последние во избежание набегов платили дань, то сарматы уже считали их своими подданными. Такая информация и просочилась, вероятно, до Александрии, где жил и работал Птолемей.

В сарматской среде тоже происходят изменения. Все более значительную роль играют аланы, их имя становится зачастую общим и для других сарматских племен.

В начале II века к Молдове прибило очередную волну кочевников с востока, сеть сарматских памятников здесь становится еще гуще. Большие сарматские могильники II века раскопаны в с. Бокань Фэлештского района, в Корпаче Единецкого района, богатое захоронение с набором римской бронзовой посуды – в с. Олэнешть района Штефан-Водэ.

Каждый полевой сезон приносит все новые сарматские памятники. В I–II веках территория Молдовы была достаточно плотно заселена и освоена сарматами и никаких следов какого-либо другого земледельческого населения пока не выявлено.

Продвигаются сарматы и далее на запад, за Прут, в долины Мунтении между Карпатами и Дунаем. Приток новых поселенцев наблюдается и по археологическим материалам Венгрии. Судя по письменным источникам, роксоланы теперь часто действуют в этом регионе.

Резкое изменение этнополитической ситуации происходит в первой половине III века.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ЗАГАДКИ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ НАРОДНОСТИ

Исторический фон. Резкие изменения происходят в мире в середине III века. На 40–70-е годы приходится пик потрясений, охвативших Рим. Империя переживала глубокий кризис. За тридцать

лет сменились, по крайней мере, 20 императоров, не считая узурпаторов, захватывавших власть в той или другой части государства. Империя, по сути дела, развалилась. Самостоятельной стала Галлия. Значительная часть восточных провинций вошла в состав государства, созданного правителями Пальмиры.

Почти все императоры этого времени, так часто сменявшиеся, были из солдат и все были поставлены солдатами. Сенатор Деций стал императором даже против своей воли, по требованию армии, иначе угрожавшей его убить. И ни один из императоров не умер своей смертью. Погибали они и в битвах с врагами, но чаще в сражениях с претендентами на престол, или были убиты заговорщиками, в том числе своими же солдатами. Рим пожинал плоды военной реформы Гая Мария.

Кризис политический усугублялся кризисом финансовым. Деньги обесценились. Монеты выпускались все с меньшим содержанием серебра. Но самая страшная опасность исходила в это время с севера, со стороны многочисленных германских племен, обрушившихся на границы империи. На Рейне действовали франки, в верховьях Дуная – аллеманны и маркоманны, вторгающиеся то и дело в Северную Италию. Наиболее же активны были племена готов, нападавшие на Балканский полуостров и Малую Азию.

Впервые на нижнедунайских границах империи готы появились примерно в 238 году при правлении императоров Пуппиена и Бальбина. Мы не знаем точно, что происходило в это время на Нижнем Дунае. Но один из источников нам сообщает, что при них „карпы сражались с мисийцами, и в то же время началась скифская война и была разорена Истрия”. Карпы – это одно из дакийских племен. Румынские археологи с ними связывают так называемую культуру Поянешти-Вуртешкой, располагающуюся между Карпатами и Прутом. Мисийцы – очевидно, жители провинции Мёзии, вытянувшейся вдоль южного берега нижнего Дуная. Скифами греки продолжали называть всех варваров, живших в Северном Причерноморье, вне зависимости от их языка и происхождения. Причем при описании последующих событий III века

греческие авторы говорят о скифах и в тех случаях, когда ясно, что действуют здесь готы, так и называемые в других источниках. Речь идет об одних и тех же событиях. Иногда оба названия употребляются как синонимы: „Скифы, называемые готами”.

Мы также знаем, что в 238 году губернатором провинции Мёзия был назначен Туллий Менофил. К нему приходили послы карпов, обиженные римлянами, которые выплачивали субсидии готам, а им, карпам, не платили, хотя они ничем не хуже. Видимо, все же „скифы”, напавшие при Пуппиене и Бальбине, были готами, и римляне от них откупились. Первое свидетельство, таким образом, довольно шаткое, результат умопостроения. Но десять лет спустя на Балканах оперировали готы. И это точно. События развивались следующим образом.

В деньгах карпам Менофил отказал, и через несколько лет, в 246 году, они ответили нападением на занятую римлянами еще в начале II века часть Дакии. Филипп Араб, еще один солдат на римском престоле, отбил карпов. А в 247 году совершил и успешный поход в их земли, нанеся крупное поражение. Отметил это выпуском монеты с надписью „Victoria carpica”.

Ободренные успехом римляне отказались от выплаты дани и готам, за что тут же поплатились. В 248 году огромная трехсоттысячная армия готов в союзе с другими племенами перешла Дунай и вторглась в пределы Мёзии и Фракии.

В это же время вспыхнул мятеж мёзийских войск против Филиппа, возглавленный Марином Пакатианом. Его, правда, солдаты вскоре убили и заставили Деция, присланного Филиппом для наведения порядка, стать императором. Пришлось Децию вести их в Италию и сражаться со своим бывшим патроном. Последний погиб.

Деций, однако, все равно расформировал мятежные легионы, чем солдат, естественно, обидел и лишил источника существования. Профессиональные воины заниматься чем-нибудь другим не хотели. Тогда обиженные легионы всем составом перешли на сторону готов и были ими охотно приняты. Это сказалось на дальнейшем ходе событий. Если в 248 году варвары без всякого

успеха пытались осаждать город Марцианополь, то в 249 году при осаде Филиппополя (современного Пловдива) они уже действовали по всем правилам римского инженерного искусства, а в решающей битве при Абритте в 251 году построили войска по римскому образцу – в три линии, что и принесло им окончательную победу. Сам Деций погиб в этой битве. Нагруженные добычей варвары беспрепятственно вернулись за Дунай, обязав римлян выплачивать им ежегодную дань. Попытки уменьшить ее вызвали новые вторжения. Так было в 253 году, когда варвары дошли даже до Фессалоник на Эгейском море.

В 50-х годах III века эпицентр варварских нашествий смещается к востоку, причем теперь готы организуют походы морским путем. Никогда ранее империя не подвергалась морским нападениям с этой стороны. Северное Причерноморье было заселено кочевниками и земледельцами, слабо знакомыми с морским делом. Появление же здесь племен готов и герулов, выходцев с далеких берегов Балтики и привыкших к морским переходам, ситуацию изменило. Они захватили и разорили Танаис, греческий город в устье Дона. При раскопках отчетливо выявлены следы этого разрушения и найдены умбоны щитов, характерные для германцев Центральной Европы III века.

В это же время, по словам греческого историка Зосима, на Боспоре пришли к власти „некие неблагородные и негодные люди, которые из страха за себя открыли скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда“. Первый поход организовали в 256 году какие-то бораны. Воспользовавшись боспорскими судами, они напали на Питиунт (современную Пицунду) на кавказском побережье Черного моря, но получили отпор и были вынуждены уйти.

На следующий год, однако, вернулись снова, взяли и разорили город и восточное побережье Малой Азии. В 263 и 264 годах набеги повторились, и теперь от них пострадали юго-западные и южные части полуострова. Целенаправленно год за годом варвары подвергали опустошению все новые и новые районы империи.

Походы готы и других племен на территорию Римской империи в середине III в. „Скифские войны”

В 267 году жертвой нашествия герулов стала Греция. Афины, Коринф, Спарта были захвачены и подвергнуты нещадному разорению. Но на этот раз варварам не сошло все с рук. Афинский историк Дексипп организовал партизанскую борьбу против „скифов”, их флот был разгромлен римским. Возвращаться пришлось сухопутным путем. (Кстати, из дошедших до нас обрывков сочинений Дексиппа мы и черпаем в основном сведения о „скифских войнах.) На обратном пути герулов перехватил где-то на границе

Македонии и Фракии император Галлиен. Герулы потерпели поражение, и если бы императора не отвлекла борьба с очередным узурпатором, то поражение могло бы стать решающим. А так им удалось все-таки прорваться за Дунай.

Галлиен провел реорганизацию римской армии, постарался сделать ее более маневренной, создав крупные конные соединения, базирующиеся в укрепленных районах, расположенных в том числе в глубине провинций.

Варвары же изменения обстановки не почувствовали и в 269 году организовали новое грандиозное вторжение морским и сухопутным путем, причем на этот раз с расчетом поселиться на опустошенных в предшествующие годы землях Балканского полуострова.

Из устья Тираса вышло 2000 кораблей, 320 тысяч варваров с женами и детьми, а также скот двигались сушей, они шли, „выпивая реки и изводя леса“. Достигнув Фессалоник, флот высадил десант, направившийся на соединение с сухопутной армией, а моряки занялись грабежом побережья и островов. Нападению подверглись Родос, Крит, Кипр. Но готов преследовали неудачи. Их суда гибли, истребляемые „то морскими битвами, то бурями“, а свергший к тому времени Галлиена император Клавдий сумел разбить сухопутные вражеские армии в районе Наисса (современный Ниш в Югославии) и отрезать варварам путь на север. Оставшиеся в живых стали прорываться к морю, к флоту, не зная, что он уже рассеян. Ситуация осложнилась еще эпидемией чумы, которая не щадила ни варваров, ни римлян. Заболел и умер в Сирии Клавдий, успев получить свою долю почестей и титул „Готского“.

Преемникам Клавдия Аврелиану и Пробу удалось покончить с узурпаторами Галлии и изгнать оттуда германцев, взять Пальмиру и восстановить власть над восточными провинциями. Но провинцию Дакию пришлось покинуть. К 273 году оттуда были выведены войска и выселены все колонисты. Территорию заняли готы.

Затем императоры Диоклетиан и Константин провели существенные административные, хозяйственные и политические реформы. К концу III – началу IV века кризис был преодолен. Столицу империи в 330 году Константин перенес на восток, в город Византий, названный им Константинополем.

С готами Причерноморья, оказавшимися ближайшими к столице варварами, был заключен союз. Они стали федератами империи, поставляли 40 тысяч солдат для армии и получали ежегодную стипендию, за что должны были обеспечить спокойствие на границе. Такие же отношения римляне постарались установить с другими пограничными варварами, хотя без конфликтов иногда не обходилось. Но в целом IV век был значительно спокойнее предыдущего.

Нашествия варваров середины III века не случайны. И дело не только в ослаблении впавшей в кризис империи. Все эти походы и набеги – лишь отголосок тех сложных социальных, политических и этнических процессов, которые развивались в варварском мире всей Европы. Судя по тому, что в походах участвовали весьма крупные контингенты войск, население на границах империи должно было значительно возрасти, ощущалась, вероятно, относительная перенаселенность. Кроме того, варварское общество „военной демократии” вступило в ту пору своего развития, когда стали возникать первые протогосударственные образования. А протекали эти процессы не просто. Были и войны, и переселения, борьба за власть и за землю, заговоры и убийства. За пределами империи ход событий был не менее бурным, только знаем мы об этих событиях гораздо меньше. Письменные источники дают лишь разрозненные и скудные сведения.

Откуда взялись готы? Свидетельства Иордана. Как эти племена попали в Причерноморье? Греки и римляне этого не знали. Их это мало занимало: какие-то варвары, „скифы”. Сами готы о своем происхождении помнили, передавали из поколения в поколение в виде преданий, саг, героических песен о славном прошлом своих предков. Могли бы уже и записать, поскольку к III веку германцы придумали руническую письменность. Но пользова-

лись ею еще редко и очень немногие. Писали чаще всего отдельные слова, заклинания. На разных вещах, на фибулах, на наконечниках копий. Они не всегда легко читаются и переводятся.

Предания о происхождении готов были записаны лишь 300 лет спустя, в середине VI века, и не рунами, а по латыни. Записал их образованный гот по имени Иордан. Жил он в Италии, как к тому времени и большая часть готов. Из Причерноморья они были вытеснены в конце IV века гуннами, пытались найти земли для поселения то во Фракии, то на Среднем Дунае и, наконец, добрались до Италии, создали там свое королевство. Иордан написал небольшую книжку „О происхождении и деяниях гетов”, или короче – „Гетику”. Причем здесь геты? Просто путаница? Дело, наверное, в том, что за довольно долгое время проживания в Даккии, а затем в Мёзии (всего около 150–200 лет) готы успели достаточно основательно смешаться с жившими здесь ранее гетами. Сам Иордан происходил из готов, обитавших именно в Нижнем Подунавье. Оказалось, что история готов, их происхождение, имеет как бы два корня. С одной стороны, готский, и Иордан рассказывает про Буребисту и про участие гетов-фракийцев в Троянской войне. А с другой – собственно готский, и он повествует о происхождении этого народа, а главным образом рода Амалов, из которого вышли готские короли в Италии.

Начинает свою книжку Иордан с краткого описания всего „земного круга”, говорит, в частности, об острове Скандза, лежащем в Океане на севере Европы напротив реки Вистулы (Вислы): „С этого самого острова Скандзы, как из мастерской племен или, вернее, как из утробы, порождающей племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту... Готискандза”. Далее Иордан уточняет, что это находится где-то в низовьях Вислы. Отсюда готы продвинулись на берег Океана, на земли каких-то ульмеругов, вытеснили их, победили вандалов. Затем Иордан пишет: „Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил,

чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум". Здесь они сражались со спалами, потом „как победители" они двинулись „в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это вспоминается в древних их песнях наподобие истории и для всеобщего сведения".

Далее Иордан описывает Скифию-Ойум, ее реки и города, называя в том числе Данастр, Данапр, Танаис (Дон), озеро Меотиду, города Тиру, Ольвию, Херсонес, Феодосию и др., а также населявшие Скифию народы, но не времени прихода готов, а современные самому Иордану, то есть середины VI века. Затем он рассказывает об истории гетов и переходит к изложению тех событий середины III века, которые нам уже известны. Тут у Иордана можно получить некоторые сведения и о происходящем за пределами империи. Мы узнаем, что ко времени похода 248 года готами уже были подчинены вандалы, платили дань маркоманны, обращены в рабство вожди квадов, что в этом походе участвовали тайфалы, вандалы-астинги, карпы и певкины-бастарны. По возвращении же с этой войны в 251 году готам пришлось столкнуться с их сородичами гепидами, некогда приплывшими вместе с ними из Скандзы, но отставшими. Гепиды отступили. Потом Иордан рассказывает, как при Константине готы во главе с королем Геберихом опять воевали против вандалов, которые были разбиты и просили у Константина разрешения поселиться в Паннонии, в пределах империи, на территории современной Венгрии.

После Гебериха королем всех готов стал Германарих, „который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам". гольтескифов, тиудов, инауиксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов.

Этот пассаж Иордана вызывает массу споров среди современных историков. Загадочные народы, но среди них два (меренс и морденс) очень похожи на современные названия мери и мордвы. Поэтому полагают, что поход Германариха был направлен

куда-то на северо-восток, вплоть до Поволжья. Другие сомневаются, что столь далекий поход в глубину лесной зоны мог быть реальностью. Думают, что для возвеличения Германариха Иордан просто перечислил все племена, располагавшиеся вдоль „мехового торгового пути“, который вел в Поволжье и Прикамье. Трудно сказать, как было в действительности, но не исключено, что так или иначе Германарих поставил „меховой путь“ под свой контроль. Тем более, что вдоль него – под Рязанью (помните, мы говорили в первой части о могильниках, обработанных корреляционным методом П. П. Ефименко), в Поволжье и в Прикамье появляются с IV века вещи европейского происхождения – фибулы, наконечники поясов и некоторые другие, по образцам которых местные мастера еще несколько столетий изготавливали свои изделия.

Затем Германарих подчинил себе герулов, живших тогда на берегу Меотиды. Герулы, определенно племя германское, как уже говорилось, участвовали в морских набегах середины III века. Потом Германарих „двинул войско против венетов“, „могущественных благодаря своей многочисленности“. Эти венеты „происходят от одного корня и ныне (то есть во времена Иордана. – М. Щ.) известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов“. Значит, венеты, с которыми воевал Германарих, были предками славян. „Умом своим и доблестью (скорее всего дипломатическим путем, заключив союз. – М. Щ.) подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии“.

Но в 375 году неожиданно „взъярилось на готов племя гуннов“, кочевников, пришедших с востока. Престарелый Германарих погиб, готы были разбиты. Часть их (вестготы) бежала за Дунай, на территорию империи, другая часть (остготы) подчинилась гуннам, воевала в союзе с ними с антами, затем вместе с царем гуннов Атиллой ушла в Паннонию. И далее Иордан рассказывает о многочисленных войнах и переселениях, охвативших всю Европу, вплоть до современных ему событий.

Таково краткое содержание книги Иордана, такова история III–IV веков, подоплека изучаемых археологами явлений этого же времени.

В гости к черняховцам. Если бы мы захотели отправиться путешествовать в описанную эпоху, вряд ли стоило бы переноситься в III век. Уж очень бурным был ход событий, что небезопасно. Варвары запросто приняли бы нас за вражеских лазутчиков. Лучше всего, наверное, было бы выбрать IV век, время относительной стабильности, правление Константина, где-нибудь около 330 года. Ехать на этот раз в Ольвию или Тиру нет особого смысла. Оба города были полностью разрушены в ходе событий середины III века. Раскопки показывают это достаточно отчетливо. Впрочем, в Тире жизнь еще теплилась. Раскопан небольшой „послеготский“ дом из двух комнат, примыкавший к развалинам упоминавшейся ранее круглой башни. Найдено много красноглиняных, пузатых амфор большого объема, характерных для IV века. Возможно, дом принадлежал какому-то торговцу, поспешившему с установлением стабильности наладить торговлю с варварами, продавать им вино, масло, специально приготовленную рыбу в пряном соусе, которую очень любили римские легионеры и варвары, побывавшие на римской службе. Посуда, найденная в доме, гетская лепная и гончарная, но преобладают обломки гончарной керамики черняховской культуры.

Если же мы двинемся дальше на север, то повсеместно будем встречать поселки этой культуры, причем очень часто. Плотность населения и в Молдове, и на Украине, и в Румынии в черняховское время удивительно густая, немногим уступает современной. И поселки достаточно большие. Ни на одном нет укреплений, неожиданных нападений врагов, очевидно, не очень опасались.

Жили черняховцы в домах двух типов. К первому относятся небольшие, не очень сильно заглубленные в землю хижины, со стенами из плетня, обмазанного глиной, или из деревянных плах или бревен. Археологам-то, как мы уже знаем, достается лишь котлован от полуземлянки. Такого рода жилища распространены

практически у всех варваров Европы, во всех культурах. В них нет особой специфики. Второй тип жилища более своеобразен. Это большой наземный дом длиной до 15–20 м и шириной 3–5 м, с плетневыми стенами. Одна часть такого дома была жилой, там есть очаг, а вторая, вероятно, служила хлевом или мастерской. Иногда удается при раскопках проследить перегородку между половинами, а в холодной части даже следы стойла или остатки ткацкого станка. Но чаще всего археологам достаются довольно бесформенные скопления развалов глиняной обмазки с отпечатками в ней прутьев и кольев. В Молдове такие дома раскопаны у сел Будешть, Делакэу, Зырнешть и в других местах. Есть и другой подтип длинного дома, когда археологи находят лишь ряды ямок от столбов. В этом случае стены были сложены скорее всего просто из кусков дерна, закрепленных между столбами. Такую постройку нам довелось раскопать у хутора Одая в Шолдэнештском районе. Жилища этого рода еще сравнительно недавно можно было встретить в Скандинавии; Ирландии и Исландии. Длинные двухчастные дома являются специфическим продуктом черняховской культуры и кроме нее известны главным образом в Дании и на примыкающих островах, а также на побережье Северного моря, между Эльбой и Рейном, где возведение их имеет древнюю традицию. Раскопки поселений подтверждают, что такие дома, существовали со II века до н. э. вплоть до эпохи переселения народов, до V века н. э. В остальных частях Европы они встречаются реже, хотя известны в Скандинавии и на территории Польши. На севере Европы, правда, преобладают дома столбовые с земляными стенами, а в черняховской культуре больше домов с глиняно-плетневой конструкцией стен.

Основной же признак черняховской культуры – керамика. Ее не спутаешь ни с какой другой: она сделана на гончарном круге, звонкая, блестящая (лощенная), серая. Реже встречается черная и желтая. Масса мисок и кувшинов самых разнообразных форм. Много и горшков. Они чаще всего нелощеные, шероховатые. При изготовлении на быстро вращающемся круге кусочки отошающих глиняное тесто примесей (дресвы, шмота) вылетали

216

Ведущие формы вещей черняховской культуры

и оставляли на поверхности горшка своеобразные бороздки. Столовую посуду часто украшали косыми линиями, сеткой, иногда и более сложными геометрическими, растительными орнаментами. Можно встретить керамику, где орнаменты выполнены штампом в виде квадратиков, звездочек, кружочков, листиков или зубчатым колесиком в виде линий, зигзагов. Миски и кувшины черняховцев часто остросреберные, по ребру делали срезы, получался ряд линзочек-уплощений. Красивая керамика, высококачественная, не уступающая античной. И своеобразная. Античная керамика в это время, как правило, красная. Серая и черная встречается, но сравнительно редко. В черняховской же культуре серая керамика решительно преобладает. Такой цвет получается, если обжигать посуду в специальной печи без доступа воздуха и кислорода. Естественно, этот процесс включает много тонкостей: какие выбрать дрова, сколько времени топить, в каком режиме, как его менять, чтобы обжигаемая посуда не потрескалась, не покорибилась. Работали мастера очень высокой квалификации, знающие различные секреты. И нужно сказать, что ни в одной культуре варварской Европы римского времени нет такого богатого ассортимента, так высокопрофессионально изготовленной керамики. В этом отношении черняховцы – самые цивилизованные. Гончарную керамику знали, скажем, карпы – носители культуры Поянешти – Вырешкой, но набор форм у них другой. Черняховская гончарная посуда, особенно миски и горшки, самым удивительным образом напоминает керамику кельтов. Но на Украину и в Молдову кельты если и проникали, то очень на короткий срок и задолго до появления черняховцев. В Европе же, в Галлии, на Дунае кельты давно уже были романизованы или уничтожены и поглощены германцами. А тут вдруг такой кельтский ренессанс. Откуда, как? Загадка. И загадка пока неразрешенная, неотгаданная. Нужно, очевидно, искать какой-то уголок в Европе, где кельтские традиции изготовления керамики могли сохраниться, по крайней мере, до III века н. э., когда была бы возможность научить черняховцев делать столь прекрасную посуду. Никто пока конкретного места, однако, указать не может. Нужно еще искать.

В IV веке, особенно во второй его половине, черняховцы почти не пользовались лепной от руки посудой, а имеющаяся чаще всего воспроизводит формы кружальных горшков. В предшествующее время, в эпоху „скифских” войн и сразу после них, лепная керамика составляла в среднем до 30% и была разнообразной. Есть лепные желто- и чернолощенные мисочки и кружки, иногда с маленьким ушком, очень напоминающие посуду так называемой вельбаркской культуры польского Поморья и между-речья Вислы и Западного Буга (об этой культуре мы поговорим позже). Есть хруповатые, нарочито ошершавленные горшки с загнутым внутрь венчиком, так называемые кумпфы. Около дна и венчика часто нанесены лощеные полосы, а средняя часть – хруповатая. Такие сосуды встречаются как в вельбаркской, так и в соседней пшеворской культуре. Имеются некоторые другие формы, напоминающие пшеворские. О связях с этой культурой говорит и следующее. В гончарной керамике специфически черняховскими являются красивые миски-вазы с тремя ручками и широким воротникообразным венчиком. В пшеворской культуре есть похожие, чернолощенные, трехручные, но сделаны они вручную. Поскольку они встречаются в комплексах более ранних, до образования черняховской культуры, то можно думать, что черняховская керамика воспроизводит пшеворскую в другой технике, а не наоборот.

Есть в черняховской культуре, однако, и другая лепная керамика – простые горшки вытянутых пропорций. Они напоминают керамику раннеславянских памятников VI–VII веков. Особенно много таких горшков на черняховских поселениях в Верхнем Поднестровье, в Черновицкой, Львовской и Хмельницкой областях. О некоторых стратиграфических сложностях, возникавших при изучении этих поселений, мы уже говорили в первой части книги. Похожие горшки, например так называемые горшки спецымежского типа, появляются на рубеже II–III веков на некоторых памятниках пшеворской культуры и в образовавшейся в это же время на северо-восточном пограничье черняховского ареала киевской культуре. Последняя расположена приблизительно

между Киевом и Курском и в южной своей части перекрещивается с черняховской. Мы говорили уже и о киевской культуре, и об этой киевско-черняховской чересполосице. Горшки киевской культуры имеют при этом, в отличие от прочих, свою специфику – на их поверхности бывают видны следы заглаживания пальцами.

Так вот, на некоторых поселениях черняховской культуры, в том числе и на тех территориях, где киевские памятники неизвестны – на Западной Украине и в Молдове, черепки с расчесами пальцами тоже встречаются. Не очень много, порядка 10% от прочей лепной керамики, но есть.

На черняховских же памятниках Румынии среди лепной керамики встречается и определенно гетская.

Таким образом, первое же знакомство с лепной керамикой черняховцев приводит нас к выводу, что население это в значительной мере смешанное.

Познакомимся теперь с погребальными обрядами черняховцев. Сейчас раскопан уже целый ряд больших могильников, где захоронено до нескольких сот погребенных. Черняховцы – народ многочисленный. В Молдове самый крупный могильник расположен в Данченах под Кишиневом. В нем 338 погребений. Могильники поменьше находятся в Будешть, в Бэлцате, в Брэвичень и др. Все могильники биритуальные, то есть в них имеются как сожжения, так и трупоположения. Варианты тех и других обрядов довольно разнообразны. Здесь и урновые захоронения, и ямы с вещами, обожженными и целыми, и рассыпанные по поверхности обожженные косточки и обломки вещей (скорее всего погребенные в неглубокие ямки, контуры которых уловить не удастся). Трупоположения тоже разные: довольно богатые с многочисленными сосудами, вещами и совсем бедные. Ориентированы погребенные головой как на север, так и на запад. Замечено, что последние, как правило, лежат в бедных могилах, без инвентаря, поэтому высказано не лишнее некоторых оснований предположение, что захороненные таким образом были христианами. У них не принято помещать вещи в могилу, а головой покойников всегда кладут на запад, то есть лицом на восток. В IV веке хри-

стианство уже широко распространилось в империи, Константин умер христианином. Принимали эту веру часто и варвары-федераты. Известно, что христианство было распространено и в среде готов, им проповедовал епископ-миссионер Ульфилла. До нас дошла даже Библия, переведенная им на готский язык. Однако никаких собственно христианских символов в погребениях с западной ориентировкой пока не встречено.

Хоронили своих покойников черняховцы в простых узких ямах, но известны, особенно в южной части ареала, так называемые ямы с заплечиками, подбои, катакомбы. Все три последние формы захоронений в предчерняховское время были распространены у сарматов, следовательно, это население тоже частично вошло в состав черняховцев.

Разнообразие обрядов, с одной стороны, в какой-то мере свидетельствует о смешанности черняховского населения, но с другой – биритуализм как таковой в предчерняховское время был свойствен в Европе лишь одной культуре – вельбаркской. Правда, есть и отличия. Для этой культуры, особенно для ее ранней стадии, когда она была распространена только в польском Поморье, характерны невысокие курганы с каменными выкладками в виде концентрических кругов. Такого у черняховцев нет.

Какие же вещи сочетаются в черняховских погребениях? Набор их весьма разнообразен. Прежде всего, конечно, любимые нами фибулы. Они разные: бронзовые и железные. Больше всего так называемых арбалетных с подвижной ножкой. Они напоминают среднелатенские, только конец ножки загибается не вверх и привязывается к дужке, а вниз, образуя приемник, – тоже своего рода проявление кельтского ренессанса. В отличие от латенских они по большей части двухчастные. Пружинный аппарат с тетивой и иглой сделан из отдельной проволоочки и надет на ось, пропущенную через отверстие или крючок в верхней части дужки. Действительно, фибула напоминает арбалет. Их несколько вариантов, это изменение во времени, удастся, кажется, проследить. Первый, ранний, вариант изготовлялся просто из круглой или четырехгранной в сечении проволоки, второй – из

Распространение фибул типа Монструозо (по И. Вернеру): 1 – Тодирени; 2 – Василиска; 3 – Будешть; 4 – Данчены; 5 – Ханска; 6 – Шлюсегард; 7 – Гребитен

из проволоки потолще, трехгранной или овальной в сечении, третий, поздний, – из прутка прямоугольного сечения или из пластинки. Второй и третий варианты иногда дополнительно обработаны напильником, на них сделаны декоративные фасетки, площадки в верхней и нижней частях дужки, на которых иногда выгравирован крест.

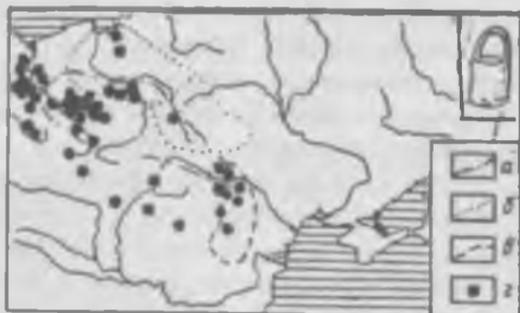
Бывают еще так называемые воинские фибулы со сплошным, не подвижным приемником. Все эти типы есть и в других европейских культурах – в пшеворской, в вельбаркской, у жителей Польши и Прибалтики, хотя и с собственными модификациями деталей, со своим развитием. Фибулы тех же конструкций, найденные в Прибалтике и свойственные носителям культуры западных балтов и вельбаркцам, зачастую украшены зернеными кольцами, колечками из проволоки с насечками. Есть такие колечки и на некоторых черняховских фибулах.

Ко времени нашего путешествия у черняховцев уже вышли из моды фибулы с высоким приемником. Пластинка приемника у них, действительно, очень длинная. Очевидно, предназначались такие фибулы или для плаща из толстой ткани, или для одежды, собранной во множество складок. Среди них особое внимание привлекают фибулы типа Монструозо. Это нечто чудовищное, так они загромождены накладными дисками, зернеными кольцами, шишечками. Очень любопытна карта их распространения. Много их обнаружено в Дании, на островах Балтийского моря, в низовьях Одера, парочка – в Прибалтике и целых шесть штук – в

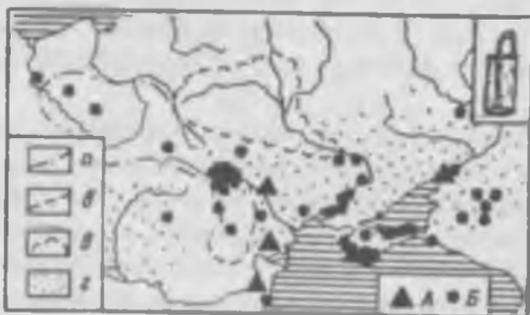
Карты распространения ведровидных подвесок (по И. А. Бажану и С. Ю. Каргопольцеву): I – находки на памятниках II в. до н. э. – I в. н. э. A – на памятниках II–I вв. до н. э., B – на памятниках I в. н. э.: а – пшеворская культура, б – Поянешты–Лукашевка, в – зарубинецкая культура, г – сарматы; II – находки на памятниках ступеней B₂–C₁ (70–260 гг. н. э.): а – пшеворская культура, б – вельбаркская культура, в – Поянешты–Виртешкой, г – места находок; III – находки на памятниках ступеней C₂–D (260–450 гг. н. э.): A – находки ступени C₂ (260–300 гг. н. э.), B – находки ступени D (310–450 гг. н. э.): а – пшеворская культура, б – Поянешты–Виртешкой, в – культура карпатских курганов, г – черняховская культура

I

II

III

Молдове. На других территориях их нет, в том числе и в остальных районах распространения черняховской культуры. На некоторых экземплярах из Дании на высоком приемнике еще процарапаны рунические надписи.

Ко времени же нашего путешествия у черняховцев распространились двупластинчатые фибулы. Две гладких пластинки – полукруглая и ромбическая – соединены небольшой дужкой. Их часто делали из серебра. Позже, в эпоху переселения народов, в V веке такие застежки станут много крупнее. В Западной Европе исследователи зачастую приписывают их готам.

В черняховских погребениях часто находят и пряжки: покрупнее – для поясного ремня, маленькие – для обуви. Ранние пряжки отличаются круглой, овальной или в виде латинской буквы D формой со сравнительно тонкой рамкой, более поздние – калачиковидные. Язычки пряжек иногда украшены, как и подвязные фибулы, фасетками, площадками, косыми крестами. У самых поздних из них – конца IV – начала V века – язычок иногда загибается крючком и несколько выдается за дужку.

Черняховцы любили и украшения, носили бусы, хотя и не в том обилии, как сарматы. Стекланные бусы – обычные античные, распространенные по всему миру, но есть и специфические. Например, призматические 14-гранные из сердолика. Такие же были у сарматов. А в IV веке сердоликовые 14-гранные заменяются все чаще стеклянными, синими или фиолетовыми. Иногда в ожерелье включались янтарные грушевидные подвески. Они известны и в других европейских культурах, но у черняховцев их, пожалуй, побольше.

Иногда к ожерелью подвешивались маленькие железные вешки. Красоты в них особой нет, наверное, они служили сосудом для каких-нибудь ароматических веществ. На рубеже эр они встречаются главным образом у сарматов и сделаны из бронзы. Со второй половины I века н. э. и до середины II века у сарматов они постепенно исчезали, но уже в железном варианте вошли в моду у носителей культуры Поянешти–Вырешешкой, пшеворцев и

Карты распространения роговых одночастных (I) и трехслойных много-
частных (II) гребешков

жителей низовьев Одера, а во второй половине III–IV веке вновь появились в Причерноморье у носителей черняховской культуры. Типы вещей имеют свои судьбы. Прихоти моды? Да, но стимулированные политикой. Волна движения сарматов середины I века н. э., вероятно, принесла эту моду в Европу, а движение готов и других племен в III веке вернуло в Причерноморье.

Очень охотно пользовались черняховцы костяными, точнее роговыми гребнями. История их тоже примечательна. Во II веке н. э. небольшие гребешки, вырезанные из поперечного спила рога оленя, довольно широко были распространены в междуречье Эльбы и Вислы и в Скандинавии. Маленькие гребешки, размеры рогов не позволяли делать большие, сами понимаете, не очень удобны. Стали делать их из нескольких пластинок, соединяя поперечными штифтами, а затем мастера придумали к III веку и гребни сложной конструкции. Из нескольких пластинок с вырезанными зубцами набиралась основная часть гребня, а для соединения их покрывали еще двумя пластинками, образующими ручку. Всю эту трехслойную конструкцию скрепляли бронзовыми или железными заклепками. Получался гребень уже вполне нормальных размеров. Ручка (или спинка) гребня могла быть полукруглой или фигурной – прямоугольной с полукруглым выступом, треугольной и трапециевидной. Кому что нравилось. Мода на разные формы менялась со временем. В черняховской культуре всего два-три однослойных гребешка, все же остальные – трехслойные. В других частях Европы они тоже известны, но в черняховской культуре, пожалуй, особенно густая их концентрация. Обнаружены и две мастерские, где такие гребни изготовлялись: в Румынии и Поднепровье. Там найдены отходы производства, полуфабрикаты.

Гребни встречаются как в женских, так и в мужских могилах. В этой связи можно вспомнить одно свидетельство Тацита. В своей „Германии“ он описывает различные германские племена, в частности одно из самых многочисленных – семнонов, живущих в Позльбье, в самом центре Германии. Мужчины семнонов и других племен из союза свевов отращивают длинные волосы, уделяют много внимания уходу за ними, носят особую прическу, завязывая сложный узел сбоку. Такая прическа является символом свободного состояния и знатности. Кстати, самые ранние однослойные гребешки найдены именно в землях семнонов. Мода на эту прическу, очевидно, была распростра-

• Распространение стеклянных кубков с шлифованными овалами типа Ковалк (по Гюнтеру Рау)

нена и у других германских племен, потому что в болотах Дании найдены законсервировавшиеся трупы то ли утопленников, то ли человеческих жертв именно с таким узлом сбоку. Не исключено, что и черняховцы носили эту прическу, ведь гребень был важным предметом в их жизни. Штука достаточно ценная, учитывая сложность изготовления.

Дорогим по тем временам было и стекло. Варвары его делать не умели, владели секретами изготовления лишь жители империи. Особенно славились рейнские мастерские, а также египетские и сирийские. Впрочем, рейнские были организованы выходцами из Сирии. Тем не менее у черняховцев находка стеклянных кубков – не редкость. Почти на каждом поселении найдется обломок-другой. А в могилах встречаются и целые сосуды. Иногда это тонкостенные из прозрачного голубоватого стекла чашечки и высокие конические остродонные кубки, чаще же толстостенные, зеленоватого цвета, но украшенные шлифованными овалами, фасетками, тоже конические или с округленным дном. Стоять эти кубки могли лишь в перевернутом виде. Пить из них, очевидно, было принято по-варварски, до дна. На некоторых из них сделаны задравные надписи по-гречески.

Поскольку ни рейнские, ни сирийские мастерские грубых стекол не делали (их стекло в основном тонкое), немецкий исследователь Гюнтер Рау предполагает, что все толстостенное стекло изготавливали черняховские мастера, тем более, что у с. Комаров в Черновицкой области обнаружено черняховское поселение с остатками стеклодельного производства.

Поселение это, действительно, интересное. Кроме прочего там открыта квадратная каменная постройка, сложенная с применением цемяночного раствора – техника сугубо римская. И стекло там в III веке варили, но тоже тонкостенное.

Специалисты по древней технологии стекла, а это целая отрасль знания, идею Гюнтера Рау не принимают. Уж слишком сложна эта работа. Думаю, можно найти выход из положения, если предположить, что на варварской территории действовала одна или несколько артелей мастеров – выходцев с территории империи (вспомним уход к варварам легионов Марина Покатиа-

Карты распространения некоторых типов вещей черняховской культуры: 1 – хрповато-лощенные „кумфы“; 2 – вельбаркская керамика с маленькими ручками-ушками; 3 – янтарные грушевидные подвески; 4 – вещи с руническими надписями

на), которые уже здесь создали свою школу, свой стиль, рассчитанный на вкусы варваров. Быть может, артели были бродячие, передвигавшиеся от одного племени к другому. Насытив один рынок, искали следующий. А карта распространения фасетированных стеклянных кубков дает очень любопытную картину – от Норвегии, через Данию, польское поморье до Дуная и Черного моря в ареал черняховской культуры. Мастера начинали свой путь, конечно, в обратном направлении, но не обязательно строго последовательно шли на север. Путь мог быть сложным, с возвратами. Важно одно, с середины III века возник и более или менее постоянно существовал в IV веке широкий „мост взаимных связей” самого разного характера по диагонали между Балтикой и Причерноморьем. Это демонстрирует распространение не только фибул типа Монструозо, стеклянных кубков, янтарных подвесок, но и многих других вещей. Расстояния эти совсем не столь уж непреодолимы. Иначе сходство находок в том и другом регионе объяснить трудно.

Ну и что вы после всего изложенного думаете? Кем были носители черняховской культуры? А каковы были мнения на этот счет специалистов?

Черняховская дискуссия. Дискуссия возникла сразу, как только украинский археолог В. В. Хвойко в 1901 году раскопал могильник у с. Черняхово под Киевом. В. В. Хвойко был по убеждению глубоким автохтонистом и все открываемые на Киевщине памятники считал славянскими, будь то скифские городища, поселения энеолитической трипольской культуры, Зарубинецкий и Черняховский могильники. В 1906 г. материалы последних стали известны европейским ученым, и такой знаток европейских древностей как Пауль Рейнеке написал о них небольшую заметку. Ему сразу бросились в глаза удивительные сходство вещей, обнаруженных в Черняхове, с европейскими, и точное совпадение хронологии этого могильника со временем пребывания готов в Причерноморье.

Затем была первая мировая война, революция, гражданская война, сталинский социализм у нас и фашизм в Германии, гря-

нула Великая Отечественная, наша победа. Официальная пропаганда Третьего Рейха использовала в нагнетании шовинистических настроений данные истории и археологии. Воинственные германцы в древности расселялись очень широко, проникали в самые разные уголки Европы, что, по мысли фашистских пропагандистов, якобы показывало исключительность немецкой нации, ее особую жизнеспособность и оправдывало агрессивные устремления гитлеризма. В этих пропагандистских построениях содержатся две основные ложные методические установки.

Во-первых, отождествление современных немцев и древних германцев. Возьмем для примера тех же готов. Выйдя из Скандинавии, побывав на территории современной Польши, затем в Причерноморье, во Фракии, на Среднем Дунае, остготы потом осели в Италии, а вестготы в Южной Франции и Северной Испании. Этот народ, таким образом, не принимал участия в этногенезе современных немцев. Скорее итальянцы, испанцы и французы могут в какой-то мере претендовать на роль потомков Готов, чем сами немцы.

Во-вторых, очевидно, что территориальные претензии на историческом основании не могут ни выдвигаться, ни приниматься в принципе. Передвижений и переселений в истории – масса. В IV веке готы были в Причерноморье, в VII веке славяне жили на Эльбе и Шпрее, не перекраивать же карты на этом основании. Если все современные народы и страны начнут претендовать на свои так называемые исконные земли, то кроме противоречий и войн это ни к чему хорошему не может привести, будет лишь всеобщий хаос и кровопролитие. Для сознания современного цивилизованного человека это ясно.

Но в 30–40-е годы уровень цивилизованности сознания не всегда достигал нужной высоты. И вместо того, чтобы опровергать сами методические послышки немецких пропагандистов, польские и советские историки иногда пытались выдвигать контраргументы, исходя из тех же посылок – пытались доказать более глубокую древность славянства. Все памятники Восточной Европы, как бы они ни выглядели, приписывались славянам, при

этом были, конечно, некоторые натяжки и замалчивания. Психологически их позицию можно понять: шовинистическому напору нужно было что-то противопоставить.

Советским исследователям, впрочем, было легче. Тогда в науках, занимающихся проблемами этногенеза, у нас господствовала теория языковеда Николая Яковлевича Марра. А по этой теории народы благодаря социальным революциям и потрясениям легко превращались из одного в другой: скифы в готов, готы в славян и тому подобное. Недостатком работ этой школы было то, что исследователи еще мало занимались изучением конкретного хода таких трансформаций. Но в 1950 году последовала известная статья Сталина „Марксизм и вопросы языкознания”. В развернувшейся кампании борьбы с марризмом вместе с водой был выплеснут и ребенок – те здоровые и интересные идеи, которые в учении Марра, безусловно, были. Вероятно, нам придется в ближайшие годы перечитать труды Николая Яковлевича для того, чтобы эти идеи выловить, хотя вряд ли вся теория будет возрождена в ее прежнем виде. Впрочем, Н. Я. Марр – языковед и это задача лингвистов.

Вернемся к черняховской культуре. Памятников к 50-м годам накопилось уже достаточно много, границы определились, и большинство исследователей в силу описанной психологической атмосферы не сомневались в славянской принадлежности культуры.

Реальные, несомненно славянские памятники тогда были известны лишь для VIII–IX веков. Это роменско-боршевская культура на левобережье Днепра и соответствующие ей на правобережье памятники типа Лука-Райковецкая. Никаких других культурных единств кроме черняховской культуры для предшествующих времен известно не было. Так что иного выбора вроде и не было.

Впрочем, сложилась и группа скептиков, которых очень смущал этот хронологический разрыв – Михаил Илларионович Артамонов, Мария Александровна Тиханова, Иван Иванович Ляпушкин, Владислав Всеволодович Кропоткин, некоторые другие. Но

они были в явном меньшинстве и не могли предложить никакого иного решения славянской проблемы. Дискуссия тем не менее развернулась, и весьма оживленная. Сторонники официальной точки зрения большинства понимали, что одними постулатами не отделаешься, нужны доказательства, и Михаил Юлианович Брайчевский такую попытку предпринял. Дело в том, что было промежуточное звено, представленное так называемыми кладами антов, содержащими наборы серебряных вещей VI–VII веков. Ситуация парадоксальная. Клады есть, а селищ и могильников населения, зарывавшего эти клады, нет. Вот Михаил Юлианович и взялся доказать, что черняховская культура существовала и в VI–VII веках, и что „клады антов” тоже относятся к этой культуре.

Попытка встретила критику как со стороны скептиков, так и со стороны Дмитрия Тарасовича Березовца. Возражали против омоложения хронологии некоторых типов черняховских вещей. Например, есть в Прибалтике такой Фромборкский клад с монетой середины V века императора Феодосия II. Найдена в нем и черняховская подвязная фибула. Скептики возражали: во Фромборке клад ремесленника содержит разновременные поломанные вещи, сырье для изготовления бронзовых ювелирных изделий. Фибула, вышедшая из моды, из того же числа. Дмитрий Тарасович проанализировал все случаи, когда „антские клады” происходят из тех же пунктов, где есть черняховские поселения. Ни одного случая, когда клад был бы непосредственно связан с поселением, однако не обнаружилось. Короче, попытка не удалась.

А тут стали все чаще выявлять поселения с раннеславянской керамикой пражского типа, и на них нашлись вещи, аналогичные „антским кладам”. Это было великое открытие, славянская археология сделала шаг на два столетия в глубь веков, но вновь обнаруженная славянская культура, или точнее культуры, поскольку вскоре исследователи разделили ее на три – пражско-корчакскую, пеньковскую и колочинскую – оказались совсем на черняховскую не похожими. Посуда славян представлена исключительно очень бедной лепной керамикой и только горшками да изредка сковородками. Почти нет металлических изде-

лий, жилища – квадратные полуземлянки с печкой–каменкой, что у черняховцев – редкость, поселения маленькие, в низких, затопливаемых в половодья местах. Трудно представить, чтобы население богатой и цивилизованной черняховской культуры так быстро регрессировало.

Допустим, даже такое произошло. Но с черняховской культурой все равно складывалась ситуация, напоминающая старую восточную поговорку: „Если это плов, то где же кошка, если это кошка, то где же плов”. Если это славяне, то где же готы, если готы, то где же славяне III–IV веков.

Прямых археологических доказательств переселения с берегов Балтики к Черному морю тоже не было. Но обнаружили и они. Ю. В. Кухаренко раскопал могильник Брест-Тришин, а И. К. Свешников и М. Ю. Смишко – могильник Дытыничи на юге Волыни. Материалы обоих памятников явно перекликались с памятниками низовьев Вислы. Тем временем польские коллеги раскопали ряд новых могильников в глубине территории Поморья (Одры, Венсёры, Гжибницу) и в междуречье Вислы и Западного Буга. Выделили новую культуру, назвали ее вельбаркской, по давно уже извест-

ному могильнику Вельбарк под Гданьском. Специальное изучение ее показало, что культура смешанная, сложная. В нее включилось как население местной оксывской культуры предшествующего времени, так и пришельцы из разных регионов Северной Европы, в том числе из Скандинавии. Сложился ранний этап этой культуры в середине I века н. э., что вполне соответствовало бы времени появления готов в Готискандзе. Во второй половине II века н. э. (к этому времени вполне могло смениться пять королей) началось проникновение носителей этой культуры в Висло-Бугское междуречье, которое пшеворское население покидает (памятники прекращаются), а появляется вельбаркское, хотя происходит и процесс смешения культур. Большой вклад в разработку этой проблемы был внесен щецинским археологом Рышардом Волонгевичем, крестным отцом вельбаркской культуры. Это он придумал ее название.

Затем были открыты вельбаркские поселения на Украине. Встал вопрос, как соотносятся эти памятники с черняховской культурой. На ряде памятников, таких как поселение Лепесовка, уже неоднократно упоминавшееся, могильник Данчены, раскопанный талантливым молдавским археологом Исааком Александровичем Рафаловичем, вельбаркский элемент прослеживается отчетливо. На других вклад этой культуры не столь заметен.

Опять встал вопрос о хронологии, о ранней дате черняховской культуры: возникла она до или после прихода вельбаркцев. Спор продолжается и сегодня, но появившаяся в 1970 году книга Казимежа Годловского о хронологии древности римского времени и эпохе переселения народов в Центральной Европе позволяла делать более надежные хронологические определения, чем раньше. Удалось даже наметить две волны проникновения вельбаркцев на нашу территорию: на рубеже II–III веков, когда черняховской культуры как таковой еще не было, и приблизительно в 30–50-е годы III века (а может быть, даже в 50–70-е годы), когда процесс ее формирования уже шел (см. вкл.). Имеются некоторые основания думать, что позже еще какое-то население пришло с запада, но пока конкретно о нем говорить рановато.

Процесс переселения в сторону Черного моря по археологическим данным представляется несколько иначе, чем он описан у Иордана. Не одноразовый скачок через болотистые местности в страну Ойум, а постепенное проникновение. Иордан, вероятно, записал лишь сагу о деяниях королей из рода Амалов, сам процесс был много сложнее.

Допустим, мы нашли готов. Где же славяне? Путь к решению этой проблемы был намечен полевыми исследованиями, разведками и небольшими раскопками Петра Николаевича Третьякова и украинских археологов. Сначала на Десне и в районе Киева, а затем на левобережье Днепра и южнее, вплоть до реки Орели, а на востоке до Курска и Донца стали обнаруживать своеобразные памятники, которые киевский археолог Валентин Николаевич Даниленко предложил именовать памятниками киевского типа. Наметились два хронологических этапа. Памятники первого – середины I–II века н. э. – я предлагал называть постзарубинецкими или горизонтом Лютеж–Рахны–Почеп, но украинские и московские археологи упорно пользуются термином „поздnezарубинецкие”. Терминология, конечно, дело условное. Суть не меняется. Мы все согласны, что в своей основе это зарубинецкое население, бежавшее на северо-восток под напором сарматов, о чем говорилось в предыдущей главе. К процессу, вероятно, подключилась какая-то часть пшеворского населения, продвигавшаяся в это же время, а может быть, и чуть раньше в Верхнее Поднестровье, где Денис Никодимович Козак обнаружил соответствующие поселения.

Далее на этой смешанной основе образуется с конца II века киевская культура, существовавшая параллельно с черняховской, а частично и переkreщивавшаяся с ней до V века. На мой взгляд, в процессе образования этой культуры приняли участие и выходцы из лесной зоны – носители культур штрихованной керамики и днепродвинской, но этот тезис еще нуждается в проверке. Приемственность же киевской культуры с раннеславянскими пеньковской и колочинской достаточно очевидна.

Как же выглядит в новой ситуации черняховская культура? Что это такое?

Археологические культуры III–IV вв.: 1 – любошицкая культура; 2 – культура карпатских курганов; 3 – культура Понешти–Вуртешкой; 4 – дембчинская группа; 5 – зона памятников типа Этулия

Что такое черняховская культура? Сегодня уже никто не возьмется оспаривать сложный, смешанный характер населения черняховской культуры. Ясно, что в ее формировании не могли не принять участие выходцы с территории польского Поморья – носители вельбаркской культуры, представляющей собой уже сложный конгломерат населения и в Поморье и еще более осложнившийся при проходе через земли Висло-Бугского междуречья. Карты распространения длинных домов, фибул типа Монструозо и некоторых других находок свидетельствуют, что здесь побывали выходцы из лежащих далее к западу и к северу земель, в частности из Дании.

Безусловно, не обошлось и без шеворцев. Не очень многочисленные черняховские трупосожжения с оружием скорее всего оставлены ими, поскольку вельбаркцы оружие в могилы никогда не клали. Но этим шеворский вклад не ограничивается. Он был

внесен и опосредованно, через вельбаркцев, задержавшихся в Висло-Одерском междуречье, через население, оставившее постзарубинецкие памятники горизонта Лютеж-Рахны-Почеп и особую волыно-подольскую группу памятников, где также смешаны пшеворские и зарубинецкие элементы. Эту группу Денис Никодимович Козак уже выделил, хотя памятники ее исследованы еще недостаточно полно.

Этот западный импульс подтверждается и следующим наблюдением. Если просмотреть карты распространения различных памятников в Восточной и Центральной Европе во II-IV веках, то не трудно убедиться, что во II веке на территории Польши была раскинута очень густая сеть поселений пшеворской и вельбаркской культур, а в Причерноморье мы увидим не столь густую сеть сарматских памятников, позднескифские городища, сосредоточенные в низовьях Днепра (часть их погибла в начале II века), и сравнительно редкие постзарубинецкие поселения горизонта Лютеж-Рахны-Почеп и волыно-подольской группы. В III-IV веках густота памятников на территории Польши заметно уменьшается, в Поморье вельбаркские памятники, за исключением самого поречья низовьев Вислы, исчезают полностью. Зато Причерноморье покрыто сплошным пятном памятников черняховской культуры.

Вклад местных культур в черняховскую тоже, наверное, отрицать нельзя. Сарматский элемент очевиден, он хорошо прослеживается по обрядам погребения. Участие постзарубинецких групп вполне вероятно, можно заметить это по лепной керамике. Вклад поздних скифов теоретически отрицать трудно, тем более что некоторые городища Нижнего Поднепровья, например, Красный Маяк под Бериславом, продолжали, кажется, существовать и в IV в. Быть может, тот факт, что греки в середине III века называли северных варваров скифами, не столь уж случаен. В шайках, грабивших Балканы, и в толпах варваров, наводнявших провинции, вполне могли быть и бывшие обитатели скифских городищ. Многие знали греческий, и варварам, возможно, приходилось объясняться с жителями провинций через них. Отсюда у греков такое впечатление.

мала территорию современной Румынии, тоже вполне реален, а некоторые керамические формы культуры Поянешти–Выртешкой, культуры племени карпов, активно участвовавших в балканских походах, можно заметить и в черняховской культуре.

Совместные походы на Балканы, очевидно, сплачивали разнородные группы варваров, способствовали выработке у них общих представлений и вкусов. Это и было то горнило, где выковывалась новая культура.

В оформлении облика этой культуры определенную роль могли играть и выходцы из римских провинций – и пленники, захваченные в походах, и люди, добровольно перешедшие на сторону варваров, а такие случаи источниками отмечены неоднократно. Это было и при осаде Трапезунда, и при осаде Филиппополя. Вспомним еще раз и легионы Марина Пакатиана.

К началу IV века, когда ситуация стабилизировалась, варварам выплачивались неплохие деньги в старом полновесном серебре (поэтому в черняховской культуре есть римские монеты еще II века), владение „меховым путем” тоже давало доходы, все племена объединились под властью Германариха, наступила достаточно спокойная жизнь, произошел демографический взрыв, население значительно возросло. Этим объясняется обилие черняховских памятников, датирующихся IV веком.

Начальную дату черняховской культуры можно синхронизировать или с балканскими походами, или со временем, непосредственно им предшествующим, или же сразу после них. Основная масса памятников и наибольшее число погребений на многих могильниках относятся уже к последующему периоду, после 70-х годов III века, но есть погребения (в Данченах, на могильнике Ружичанка в Хмельницкой области и некоторых других) более ранние. Образование культуры – это процесс, и, естественно, он растянут во времени.

Похожая ситуация сложилась и с конечной датой. Значительная часть датирующихся вещей относится к бытовавшим на протяжении IV века, часть их – к IV – первой половине V века,

ловине V века. Подобное положение соответствует исторической ситуации. Где провести границу? В 375 году на готов обрушился страшный удар гуннов, вестготы ушли за Дунай, остготы подчинились завоевателям. В 420 году Атилла, царь гуннов, захватил земли вплоть до Паннонии, куда и перенес свою ставку, но Причерноморье тоже оставалось в составе его державы. В 451 году произошла битва на Каталаунских полях, на территории Галлии. Атилла и его подчиненные были разбиты союзными войсками римлян и европейских варваров. Остготы были вынуждены сражаться со своими сородичами вестготами, осевшими на территории Южной Галлии. События эти описаны Иорданом и современником событий римским офицером Аммианом Марцеллином. После смерти Атиллы держава его распалась. Датировать какой-либо черняховский памятник второй половиной V века уже трудно, получилась бы натяжка.

Таким образом, черняховская культура действительно достаточно точно соответствует времени пребывания готов в Причерноморье. Пауль Рейнеке в свое время был прав. Значит ли это, что все носители этой культуры были готами? Отнюдь нет. Были и другие германские племена, обитавшие в Причерноморье – герулы, тайфалы, гепиды, вандалы, даже бургунды. Последние действовали в основном на западе, но поминаются и в связи с событиями в Причерноморье. Были и не германские племена – сарматы–аланы, карпы. Самые разные. Не исключено, что и группы предков славян, венетов и антов, здесь тоже как-то присутствовали. Был конгломерат племен и народов, объединенных общей судьбой, властью Германариха и одной культурой.

Удачней всего выразил, пожалуй, ситуацию Петр Николаевич Третьяков. Он считал, что в рамках черняховской культуры происходило формирование новой народности. Процесс прервало нашествие гуннов. В итоге – несостоявшаяся народность.

На каком языке говорили люди черняховской культуры? Очевидно, как бывает в таких ситуациях, большинство владело двумя-тремя. Какой язык был языком межнационального общения?

...он был легко доступен и другим германцам, готы в этом процессе были все-таки организующей силой. В Летцкани в Румынии найдено на черняховском поселении пряслице с рунической надписью. Латынь или греческий? Тоже возможно. В Лепесовке обнаружены черепки черняховских сосудов с греческими надписями, выполненными лощением. то есть до обжига сосуда, а значит людьми, эту посуду изготовлявшими. Нам в Одае тоже повезло: там найден черепок с надписью в три строчки. К сожалению, все надписи в обрывках и прочитывать их не удастся.

Часть черняховского населения после гуннского разгрома и ухода остготов, возможно, оставалась на своих местах, но под наплывом славян из более северных районов, хлынувших на освободившиеся земли, вскоре растворилась в их среде и свои культурные навыки утратила. Выходцев с севера, очевидно, было больше, иначе черняховская традиция вряд ли бы прервалась.

На этом можно было бы подвести итоги, если бы ситуация не осложнялась еще одной группой памятников. Их открыла сначала на берегах озера Кагул, а затем и в других местах Татьяна Александровна Щербакова, назвав их памятниками типа Этулия. Это небольшие поселения с неглубокими небольшими полуземлянками. Могильники представлены исключительно трупосожжениями в небольших ямках, куда ссыпаны сильно пережженные косточки и черепки лепных сосудов. Черняховской керамики ни на поселениях, ни на могильниках нет: ни лощеной посуды, ни кувшинов. Очень мало мисок, но решительно преобладают грубо вылепленные от руки горшки. Весь облик этих памятников напоминает киевскую культуру, хотя формы горшков несколько иные. Некоторые похожи на горшки, находимые на скифских городищах Нижнего Поднепровья.

Не вызывает сомнения, что памятники типа Этулия при всем их отличии синхронны черняховской культуре. Об этом говорят и находки черепков амфор III–IV веков из-под вина, обломки стеклянного кубка с фасетками и несколько монет IV века.

получается, что в днепропровском, черняховскую среду были вкраплены то тут, то там группы иного населения, в какой-то мере родственного носителям киевской культуры. Как и последние, они жили на Днепровском левобережье, по соседству с черняховцами, но в контакты с ними почти не вступали. И в наше время известны такие села, например, старообрядцев. Живут рядом с молдаванами, украинцами, но свою русскую культуру упорно оберегают, контактов избегают, не нивелируются. Они есть даже в Бразилии и на Аляске.

В этой связи интересен еще один момент. В III–IV веках была изготовлена карта, изданная в XVII веке Певтингером, „Певтингерovy таблицы“. Это дорожник для купцов, путешествующих по Дунаю и Черному морю, с обозначением всех городов, крепостей и поселков, с указанием проживающих народов. В самых низовьях Дуная имеется надпись – венеды, а чуть выше – венеды-сарматы и венеды-лугии. Получается, что венеды довольно точно соответствуют памятникам типа Этулия на Кагуле, венеды-лугии – поселениям, открытым Д. Н. Козаком на Верхнем Днестре, где смешаны пшеворские и зарубинецкие элементы. Помните, мы говорили о возможности отождествления лугиев с пшеворской культурой или какой-то ее частью?

А на Среднем Днестре под Алчедаром в Шолдэнештском районе Татьяна Александровна Щербакова раскопала могильник этулийского типа. На нем найдена и пара сарматских захоронений, совершенных по обряду трупоположения. Чьи они, венедов-сарматов?

Все это лишь предварительные наброски. Нужны новые материалы. Но выявление памятников типа Этулия, безусловно, является одним из самых интересных открытий последних лет. Предложенной выше реконструкции ситуации и трактовке черняховской культуры оно не противоречит.

У читателя, возможно, возник вопрос, а как же геты, даки, они в создании черняховской культуры не участвовали? В какой-то мере, конечно, участвовали. На румынских памятниках (а для них еще употребляют термин культура Синтана-де-Муреш-Черняхов)

иногда встречаются черепки с валиками, по которым сделаны вдавления пальцами, что является старой гетской традицией. Но процент такой керамики очень невелик. Может быть, он не соответствует реальному весу гетского населения в черняховской культуре? Но как измерить соответствие? Такого инструмента ни у археологов, ни у историков, увы, нет. Однако и все прочее со счетов сбрасывать не приходится. Так или иначе процесс был сложным, и об этом всегда следует помнить.

Считается, что геты и даки являются прямыми предками румынского и молдавского народов. В какой-то мере это так, но и прочие племена, побывавшие в ходе истории на этих землях, неизбежно внесли свой вклад – и бастарны, и сарматы, и носители черняховской культуры, в составе которой были безусловно и готы, а позже и другое население. Как и когда возникший позднее сплав приобрел язык романской группы, от кого унаследовал латынь – все это процессы уже последующих столетий, когда формировались и все прочие народы современной Европы: французы и англичане, русские и украинцы и др. Эта тема выходит за рамки нашей книги, об этом нужно писать специально.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Если вы дочитали книгу до конца, если профессия археолога показалась вам безумно интересной и увлекательной и зародилась мысль: „А не стать ли мне археологом”, то мой вам совет – не торопитесь.

Во-первых, постарайтесь для начала испытать себя в экспедиции, на раскопках, работая лопатой. Институты археологии в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве, отделы археологии при разных институтах академий наук республик, другие учреждения, где есть археологические экспедиции (кто захочет – найдет), в марте–апреле набирают рабочих на летний сезон. Попробуйте устроиться.

Во-вторых, подумайте, есть ли у вас способность к кропотливому и подчас скучному занятию наукой, есть ли способности к неординарному мышлению и усидчивость, сможете ли вы почти профессионально рисовать, писать, фотографировать и освоить несколько языков. А главное, относитесь ли к числу людей, у которых „понедельник начинается в субботу”.

И, в-третьих, предупреждение. Хочешь быть археологом – приготовься быть бедным. Дело в том, что археолог – профессия редкая, учреждений, где он может работать, мало. Мало кому повезет так, что он сразу попадет в аспирантуру или в научные сотрудники. Мне, например, крупно повезло. Я всего два года после окончания университета проработал экскурсоводом, занимаясь наукой лишь в свободное время. Многим везет меньше, часто этот период растягивается. Одни ходят в вечных лабораториях,

работают по договорам – летом в экспедиции, зимой на камералке. Это еще хороший вариант, хотя положение очень неустойчивое: сегодня есть работа, завтра может не быть, да и зарплата мизерная. Некоторые идут в школу, но ученики требуют отдачи, на науку ни времени, ни сил не останется, поэтому предпочитают кружки при домах пионеров, клубы юных археологов. Сами же их обычно и организуют. Только на пропитание таким образом не работаешь, приходится подрабатывать – идут в Грузчики, в дворники, кто как может. Главное, чтобы днем час-другой можно было выкроить, посидеть в библиотеке. Наукой в основном занимаются ночами, пишут статьи, делают доклады, даже защищают диссертации. И ждут своего часа. Годами. Некоторые не выдерживают, бросают археологию. Вас не смущает такая перспектива? Подумайте.

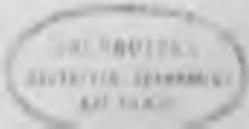
Ну, а если не смущает, если вы не представляете себе жизни без путешествий в прошлое, то дерзайте. Желаю вам успехов!

Одая – Ленинград
август 1988 – апрель 1990 г.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д. А. Полевая археология. М., 1972.
- Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1948.
- Гарден Ж. К. Теоретическая археология. М., 1983.
- Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Ефименко П. П. Рязанские могильники//Материалы по этнографии России. Том III. Вып. I. М., 1926.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. (Возможности формализованного подхода). М., 1975.
- Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя//Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
- Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в н. э.//Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.
- Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985.
- Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры//Советская археология. 1981. № 2.
- Клейн Л. С. Генераторы народов//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978.
- Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Молев Е. А. Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
- Никулицэ И. Т. Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
- Рафалович И. А. Данчены: Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев, 1986.
- Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954.

- Славин Л. М. Здесь был город Ольвия. Киев, 1967.
- Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982
- Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973
- Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. М., 1987
- Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1960.
- Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1979.
- Щукин М. Б. Царство Фарзоя: Эпизод из истории Северного Причерноморья// Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. 1982.
- Щукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути//Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Вып. 28. 1986.
- Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen//„Mannus-Bibliothek“. N 32. Leipzig, 1923.
- Babeş M. Date arheologice si istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înainte erei noastre//Studii si cercetare de istorie veche si arheologia. T. 36. N 3. 1985.
- Daniel G. E. The Idea of Prehistory. London, 1958.
- Eggers H. -J. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien//Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-museum. Mainz, 1955.
- Eggers H. -J. Einführung in der Vorgeschichte. München, 1959.
- Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.
- Cadlowski K. Okres lateński w Europie. Kraków. 1977.
- Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit// Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1961.
- Kostrzewski J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit// „Mannus-Bibliothek“. N 18–19. Leipzig, 1919.
- Malina J. Archeologie včera a dnes aneb: Maji archeologové sede hmoty vice za nohty než za usima? Brno, 1981.
- Reinecke P. Zur Kenntnis der La-Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen. Mainz, 1902.
- Shchukin M. B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe I-st Centuru BC – I-st Centuru AD//British Archaeological Reports. International Series 542. Oxford, 1989.

Д 12617

КИШИНЕВ
"ШТИЙНІЦА"
1991

Наша книга рассказывает об археологии, о том, как работают археологи в поле и в кабинете. Мы предлагаем читателю совершить четыре путешествия в прошлое, побывать в Молдове и на соседних землях в V веке до нашей эры – VI веке нашей эры, у гетов и скифов, у бастарнов и сарматов. Надеемся, что книга будет интересна как старшеклассникам, так и младшим научным сотрудникам.